

Научное издание

ВЕСТНИК

Луганского государственного
педагогического университета

Серия «Филологические науки»

№ 2(125)
2025

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЛУГАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК

Луганского
государственного
педагогического университета

Серия «Филологические науки»

№ 2(125) • 2025

Сборник научных трудов

Луганск
Издательство ЛГПУ
2025

УДК 08:378.4(477.61)ЛГПУ:[80+070(062.552)]
ББК 95.4я43+80я5+76я5
В38

Учредитель и издатель
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»

Основан в 2015 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-88705 от 18 ноября 2024 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор

Синельникова Л. Н. – доктор филологических наук, профессор

Заместитель главного редактора

Соболева И. А. – кандидат филологических наук, доцент

Выпускающий редактор

Калинина Г. Г. – директор Издательства ЛГПУ

Редактор серии

Новикова А. А. – кандидат филологических наук, доцент

Состав редакционной коллегии серии:

Водяницкая А. А.	– доктор филологических наук, доцент
Дубровская Т. В.	– доктор филологических наук, профессор
Иванова Н. П.	– доктор филологических наук, профессор
Кораблев А. А.	– доктор филологических наук, профессор
Кочетова С. А.	– доктор филологических наук, профессор
Кузина М. А.	– доктор филологических наук, доцент
Марфина Ж. В.	– доктор филологических наук, доцент
Меркулова М. Г.	– доктор филологических наук, доцент
Озерова Е. Г.	– доктор филологических наук, доцент
Петрова И. М.	– доктор филологических наук, доцент
Попова Л. Г.	– доктор филологических наук, профессор
Присянникова О. И.	– доктор филологических наук, доцент
Скляр Н. В.	– кандидат филологических наук, доцент
Шулежкова С. Г.	– доктор филологических наук, профессор

Вестник Луганского государственного педагогического университета : сб. науч.
В38 тр. Серия «Филологические науки». № 2(125) / гл. ред. Л. Н. Синельникова ; вып.
ред. Г. Г. Калинина ; ред. сер. А. А. Новикова ; ФГБОУ ВО «ЛГПУ». – Луганск :
Издательство ЛГПУ, 2025. – 166 с.

Настоящий сборник содержит оригинальные материалы ученых различных отраслей наук и групп специальностей, а также результаты исследований научных учреждений и учебных заведений, обладающие научной новизной, представляющие собой результаты проводимых или завершенных изучений теоретического или научно-практического характера.

Адресуется ученым-исследователям, докторантам, аспирантам, соискателям, педагогическим работникам, студентам и всем, интересующимся проблемами филологических наук и медиакоммуникаций.

*Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук
(распоряжение Минобрнауки России от 01 октября 2024 г. № 368-р)*

Индексируется библиографической базой данных научного цитирования РИНЦ

Печатается по решению Ученого совета Луганского государственного педагогического университета (протокол № 14 от 25 апреля 2025 г.)

УДК 08:378.4(477.61)ЛГПУ:[80+070(062.552)]
ББК 95.4я43+80я5+76я5

© Коллектив авторов, 2025
© ФГБОУ ВО «ЛГПУ», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ТОЧКА ОБЗОРА: СТРАНИЦА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Синельникова Л. Н. Электронный научно-образовательный журнал как эффективный формат медиапродвижения научной школы.....	5
---	---

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Булатова А. К. Изучение словарного состава среднего диалекта татарского языка в семантико-этимологическом аспекте.....	9
Дорошенко В. А., Амахина С. А., Сеницына Ю. Н. Конфигурации совокупностей синтактико-семантических признаков как реальный аппарат речевой деятельности.....	15
Дятлова А. М. Эволюция научных подходов к изучению сущности синхронного перевода как вида переводческой деятельности.....	21
Елифанова Т. В. Сводки боевой обстановки в жанровой системе военного дискурса.....	30
Камышева М. Н. Функционирование пейзажного концепта в романтическом дискурсе.....	37
Мамедова А. Р. Гостеприимство как лингвокультурный концепт (на материале азербайджанского языка).....	43
Миргородская А. Ю. Риторические компоненты научного дискурса.....	48
Пономарева Т. А., Шалов И. В. Метафора как инструмент создания параллельных реальностей: междисциплинарный подход.....	53
Цурбанова А. Ю. Построение интерпретационного поля концепта <i>Россия</i> (на материале социолингвистического анкетирования студентов ЛГПУ).....	59
Чжан Тяньюань История развития китайской теории перевода.....	66

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Коробко К. В. Альтернативная история и магический реализм в романе Ребекки Ф. Куанг «Вавилон».....	74
Котомцев Д. О. «Иди, моя канцона, как тебе велят»: метапоэтика О. А. Седаковой.....	80
Миннуллина Ф. Х. Жанровая специфика драматургии Зульфата Хакима (на примере пьес «Морковное поле», «Русалка – любовь моя», «Черт попутал», «Мелодия века»).....	88
Никулина А. А. Речевой портрет как способ идентификации личности: применение лингвистической теории в современном литературоведении.....	97
Новикова А. А. Аксиологические доминанты в творчестве А. Дж. Кронины.....	103
Овчинников Ф. В. Быт как отражение исторического контекста: казачий уклад жизни в романе «Тихий Дон» М. А. Шолохова.....	112

Стельников О. С. Объективное содержание художественных образов эпоса и его влияние на полноту истины.....	119
Шумская А. В. Поэтика повествования Энн Тайлер в контексте современного реализма.....	127

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Бухонкина А. С. Бретонский язык в региональной экономике: социолингвистический аспект.....	133
Васильева О. А. Антропоморфная метафора в англоязычной автомобильной лексике.....	141
Гончарова С. В. Инновационные тенденции формирования лексики в современном английском языке.....	147
Кисель О. В. Метафорические названия брендов как объект психолингвистических исследований.....	154
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	160
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	162

ТОЧКА ОБЗОРА: СТРАНИЦА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Синельникова Лара Николаевна,
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русского языкознания
и коммуникативных технологий
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»

Электронный научно-образовательный журнал как эффективный формат медиапродвижения научной школы

Продуктивность и перспективы научной работы вуза в значительной мере зависят от статуса научной школы, публикационной активности преподавателей, академической репутации, которая складывается из качественного образования и успешной исследовательской деятельности. Научная школа нуждается в узнаваемости, признании значимости со стороны специалистов по заявленной области знания, тем более если эта область находится в проблемном поле и в условиях непрекращающегося накопления новых данных, выработки новых типологических критериев и инструментов интерпретации материала. Характерное для современной научной коммуникации продвижение научной школы в цифровой медиасреде важно для расширения поля научной деятельности, для активизации научных действий молодых исследователей, для повышения имиджевых показателей кафедры, на которой сформировалась научная школа, и университета, научный авторитет которого в значительной мере обеспечивается уровнем исследовательской работы в научных школах.

Научная школа «Дискурсология: язык, культура, общество» сформировалась на кафедре русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского государственного педагогического университета. Один из значимых показателей научной школы – продолжительность существования (минимальный цикл – два-три поколения исследователей). Названная научная школа соответствует этому показателю. Речь идёт о научной школе, формирование которой началось 20 лет назад и, по сути, не прерывалось, несмотря на трудные годы, создавшие кадровые и организационные проблемы. Было проведено 14 международных научных конференций с широким представительством учёных разных стран, издано 37 сборников материалов конференций, защищены 10 диссертаций.

Жизненные циклы научной школы могут меняться. Причины разные. В нашем случае это изменение состава сотрудников кафедры (значит, нужны дополнительные условия для осознания новыми участниками своей

принадлежности к научной школе) и существенные изменения в способах трансляции и оценки качества научного знания (цифровая трансформация научной деятельности, важность наукометрических показателей эффективности научной школы). Предлагаемый формат электронного научно-образовательного журнала даст возможность разным поколениям включиться в работу на новой траектории развития.

Дискурс относится к числу основных понятий современных гуманитарных наук. Дискурсология – наука о дискурсах, их включенности в социальные процессы, возникновении и закреплении в картинах мира. Дискурс связывает язык и реальность, оказывает влияние и на язык, и на реальность. В то же время понятие дискурс, а вместе с этим и содержание дискурсологии как области научного знания, формирующейся в условиях новой парадигмы, отличается сложностью и наличием большого количества проблемных ситуаций. Системная проблемность дискурсологии объясняется динамикой развития коммуникативных сред и видов коммуникаций, сложностью отношений между институализацией (устойчивость дискурсов, соблюдение рамочных норм) и деинституализацией (появление новых дискурсивных форм с другим набором признаков, в том числе – поведенческо-речевых). Неопределённость, неоднозначность квалификаций (в том числе в области терминологии) объясняется взаимодействием логических методов и интуитивных подходов – сочетание вполне приемлемое при условии понимания природы интуитивного мышления, его зависимости от объема накопленных знаний.

О концепции электронного научно-образовательного журнала «Дискурсология: в границах и без границ»

В название сетевого журнала включены два концептуально значимых измерения: «в границах» – институционализация способов бытия через систему закреплённых социально-речевых норм и поведенческих ролей; «без границ» – расширение дискурсивного поля в условиях изменения форм социальной жизни, тотальной цифровизации, создающей условия для ослабления контроля и неограниченные возможности для формирования новых дискурсивных практик.

Целевая аудитория сетевого журнала: ученые гуманитарного профиля, молодые исследователи, магистранты и аспиранты. Периодичность – два раза в год по мере накопления материалов.

Контент-стратегия сетевого журнала «Дискурсология: в границах и без границ» представлена в следующих рубриках.

Колонка главного редактора и экспертов-членов редакционной коллегии. Цель – выразить личную точку зрения, согласованную с актуальными проблемами дискурсологии; обосновать содержательное наполнение выпуска; акцентировать внимание на существенно значимых публикациях; призвать к конструктивному диалогу. Создание релевантной экспертной среды – одна из задач журнала. В редакционную коллегию журнала входят авторитетные ученые, научные работы которых формируют дискурсологическое научное пространство.

Дискурсологический репозиторий. Цель – представить исследовательский опыт, получивший одобрение научной общественности и оказавший влияние на формирование и развитие дискурсологии как

междисциплинарной области гуманитарного знания. Дискурсу посвящено огромное количество научной литературы, и важно грамотно выстроить маршрут знакомства с источниками, включить в рекомендованный для чтения список высокорейтинговые работы, определяющие научно-практические векторы дискурсологии. Молодые исследователи должны знать работы ученых, которые стояли у истоков отечественной дискурсологии и которые создавали дискурсивную матрицу – систему дискурсов, проявленную в многообразии коммуникаций и текстовой деятельности.

Междисциплинарный потенциал дискурсологии: теория и стратегия обучения. Цель – активизировать внимание к проблемам междисциплинарности (взаимосвязи различных областей знания, что закреплено в двукорневых названиях дисциплин: психолингвистика, социоллингвистика, лингвокультурология, лингвопоэтика, эколингвистика), переходящих в трансдисциплинарность (выход за пределы дисциплинарных парадигм для обоснования динамики и целостности социально значимых процессов) и в интердискурсивность (многомерная связь дискурсов в текстах и в коммуникациях). Названные виды взаимодействия обеспечивают проблемность, открытость и перспективы дискурсологии.

Интеграция академической и вузовской науки признается одним из приоритетных направлений, определяющим качество усвоения учебных дисциплин и уровень исследовательской работы. Квалификация электронного журнала как научно-образовательного предполагает разработку инновационных практик интеграции исследовательской и учебной работы для совместного решения прикладных задач, обеспечивающих внедрение теории в практику.

Дискуссионная площадка «На пути к дискурсологии». Цель – создать интерактивное пространство, обсудить разные подходы к решению той или иной научно-образовательной проблемы, расширить мотивирующее пространство для вхождения в науку. Полемический режим – оптимальный путь для передачи научного опыта молодому поколению.

Дискурсология обладает мощным резервом для повышения профессионального уровня обучающихся по филологическим специальностям. Многолетний опыт чтения авторского курса для магистрантов «Текст, стиль, дискурс» дал основание для неутешительного вывода: значимые дискурсивные показатели процесса и результатов речемыслительной деятельности усваиваются с большим трудом. К этому добавляется отсутствие репрезентативного опыта – умения согласовывать когнитивный процесс (мир мысли) с вербальным (мир слова). Плохо осознается факт обусловленности семантики (а заодно и прагматики) языковых единиц экстралингвистическими факторами, то есть знаниями о мире, о ситуации, об особенностях культуры etc.

Разные дискурсивные практики могут рассматриваться в ряде учебных курсов: в социоллингвистике (статусно-ролевые нормы общения), лингвокультурологии (культурологически маркированные единицы языка, культурные концепты), психолингвистике (личность в дискурсивном проявлении), интерактивные модели восприятия и понимания, речевое воздействие), риторике (убеждающие риторические приемы). В дискурсивно-аналитической перспективе может рассматриваться лексика (выбор стилистически маркированного слова, синонимические ряды, представляющие разные ценностные миры), словообразование (словообразовательная активность

в разных дискурсах, проявление новых форматов словообразования), грамматика (участие грамматических категорий в организации дискурса). Дискурсологические знания значимы для понимания новых форм текстуальности, проявленных в текстах новой природы (поликодовых, креолизованных, диалогически акцентированных, с дополненной реальностью).

Дискуссионная площадка активизирует обратную связь. Участие в обсуждении – один из видов апробации результатов исследования. Планируется применение формата драфта – обсуждения концептуального черновика как предварительной версии статьи. После одобрения редакции статья может быть опубликована.

Цифровой дискурс. Изменения форматов и норм коммуникации.

Цель – обратить внимание на содержание понятия «цифровой дискурс», в пространстве которого происходит накопление новых признаков текстуальности и новых коммуникативных сценариев; показать возможности корпусного метода исследования для описания дискурсивных явлений; поделиться опытом внедрения цифровых технологий в образовательный процесс. В цифровом пространстве дискурс развивается, наполняется новыми характеристиками. *Цифровая среда, цифровое общество, цифровая повседневность, цифровая личность, цифровая дидактика, цифровое образование, цифровой имидж* – все эти номинации имеют дискурсивную составляющую.

Дискурс-анализ в теории и в опытах применения. Цель – связать теорию дискурса с практикой рассмотрения текстов. Дискурс-анализ – это ориентированный на свойства дискурса текстовый анализ, не имеющий однозначного алгоритма и включающий междисциплинарные направления интерпретации материала. Для этого вида анализа характерны альтернативные подходы, рассмотрение которых важно для систематизации знания о дискурсе.

В системе популяризации науки электронные журналы уже занимают видное место. Сетевая форма научной коммуникации представляет собой новый вид коллаборации в цифровой медиасреде. В рубрикации журнала заявлен важный для развития метапредметного научного знания (в нашем случае – дискурсологии) уровень общения: ученый – ученый, ученый – учащийся и, следовательно, широкий уровень связей. В такого рода взаимодействиях реализуется принцип преемственности поколений и расширяется ресурсная база научной школы, то есть происходит её продвижение как во внутренней, так и во внешней среде.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 821.512.145

Булатова Альфия Каримовна,
канд. филол. наук,
ст. научн. сотр. отдела ареальной лингвистики
«Института языка, литературы
и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ»
alf_0082.82@mail.ru

Изучение словарного состава среднего диалекта татарского языка в семантико-этимологическом аспекте

Статья посвящена исследованию лексического состава одного из диалектов современного татарского языка. Словарный состав говоров среднего диалекта включает общенародную лексику, общую с нормированным литературным языком, а также специфическую, собственно диалектную. Объектом исследования является лексическая система среднего диалекта татарского языка. Целью данной статьи является семантико-этимологический анализ диалектной лексики среднего диалекта татарского языка. Исследование может способствовать выявлению лексических связей исследуемых говоров с другими диалектами и тюркскими языками (на этой основе), установлению места татарских говоров в функционировании национального татарского языка. Анализ диалектной лексики позволяет глубже понять культурные и социальные аспекты жизни носителей языка, а также их взаимодействие с другими языковыми системами.

Ключевые слова: этимология, средний диалект татарского языка, диалектология, ареальная лингвистика, татарский язык, заимствование.

Благодарности: «Работа выполнена за счет гранта Академии наук Республики Татарстан, предоставленного молодым кандидатам наук (постдокторантам) с целью защиты докторской диссертации, выполнения научно-исследовательских работ, а также выполнения трудовых функций в научных и образовательных организациях Республики Татарстан в рамках Государственной программы Республики Татарстан «Научно-технологическое развитие Республики Татарстан».

Язык и территориальные диалекты являются основными частями единого общенационального татарского языка. Они имеют общий словарный фонд, а также лексические особенности, отличающие диалект от литературного языка. Они подчинены объективным законам развития единой общезыковой системы. Взаимодействие между диалектом (говором) и литературным языком способствует обогащению каждой из языковых разновидностей за счет взаимовлияния. Словарный состав говоров включает общенародную лексику, общую с нормированным литературным языком, а также специфическую,

собственно диалектную. В диалектную лексику также входят просторечные слова, которые могут бытовать как в литературном языке, так и в говорах.

Диалектная лексика является уникальной частью словарного состава языка и используется в речи жителей определённой местности, области или региона. Она отличается от общенародной лексики, которая понятна, употребляется всеми носителями языка и является важным элементом языкового разнообразия. В этой связи всестороннее изучение диалектной лексики является одной из актуальных задач татарской лингвистики.

Семантико-этимологическое исследование диалектной лексики является одной из важнейших задач системного, комплексного, целевого изучения татарских говоров. Изучение может способствовать выявлению лексических связей исследуемых говоров как с остальными диалектами, так и с другими тюркскими языками; установлению места татарских говоров в функционировании национального татарского языка. Изучение диалектизмов с точки зрения бытования и происхождения представляется актуальным, так как, на наш взгляд, диалектный материал представляет собой уникальный этимологический источник: «Без диалектологических материалов нельзя дать правильного и сколько-нибудь полного представления и об истории слов в разных классах общества, нельзя дать исторической перспективы и динамического изображения развития значений полисемантических слов, нельзя верно объяснить это развитие» [5, с. 119].

Как справедливо отмечает Л. Г. Самогит, «лексика в диалекте занимает особое положение, потому что в сознании носителей говора репрезентирует (представляет) язык в целом. Через лексику происходит становление самосознания социума (наряду с оценкой различий в обычаях, одежде, утвари и т. д.)» [6].

Общетеоретическую основу статьи составляют труды отечественных и зарубежных лингвистов по проблемам диалектологии, этимологии, словообразования, лексикологии и теории поля в лингвистике: А. Е. Аникина, Н. Н. Амосовой, Ж. Ж. Варбота, О. Есперсена, Д. Кристиана, Г. Марчанда, С. А. Мызникова, Ю. В. Откупщикова, В. П. Секирина, У. Чейфа и др.; татарских ученых: Л. Ш. Арсланова, Ф. С. Баязитовой, Н. Б. Бургановой, М. З. Закиева, Л. З. Заляя, Д. Б. Рамазановой, З. Р. Садыковой, Д. Г. Тумашевой, Л. Т. Махмутовой, И. С. Насипова, Т. Х. Хайрутдиновой, А. Г. Шайхулова и др.

Источниками исследования являются материалы диалектологических экспедиций и записей автора во время полевых наблюдений в ареалах распространения татарских говоров среднего диалекта; лексикографические труды, содержащие диалектную лексику.

В ходе написания статьи были применены описательный, сопоставительный, историко-сравнительный методы, а так же метод компонентного анализа семантики диалектных слов; ареально-лингвогеографический метод, метод этимологического анализа.

Лексика среднего диалекта в том или ином объеме зафиксирована в различных словарях (словари Н. П. Остроумова, К. Насыри, диалектологические словари татарского языка и др.). Лексический состав среднего диалекта характеризуется общностью его основного фонда с лексикой литературного языка, также он включает в себя собственно диалектные лексемы, к которым мы можем отнести следующие.

1. Слова, имеющие аналог в литературном языке, но отличающиеся от него по форме, лексические диалектизмы: *азымтық* «лентяй», *алсузма* «длинное полотенце», *айырча* «двухвостка», *арый* «раз», *айау* «жалеть», *арлүс* «качели», *баткылчык* «ловушка», *бексәм* «верхняя часть платья», *дегәч* «помазок», *деңгезләү* «подпрыгивать», *жәйләү* «чайное блюдо», *пәтер* «пресные лепешки», *меиә* «сосна, выросшая на болоте», *озан* «тетерев», *песийут* «коптилка», *рашман* «паук», *талпак* «заглушка для самовара», *эшкинү* «быть подходящим» и др. Рассмотрим несколько из таких диалектизмов.

Жүрмә [jürmä] в камско-устинском, тарханском говорах употребляется в значении «нагайка, плётка» [11, с. 193]: *Жөргәнгә жүрмә ләгә* «Буквально: кто ходит, тому и плётка попадает (в значении инициатива наказуема)» – тарханский говор. Диалектизм восходит к общетюркскому корню *ör-* < *öör-* [3, с. 388–389], от которого образованы диалектные формы *үрмә-ү*, *йүрмә-ү*, *жүрмә-ү* «плести» – литературный вариант *үр-ү*.

В златоустовском говоре активно бытует лексема *сүзмәкәр* [süzmäkär] «разговорчивый, словоохотливый»: *Гарифҗан бәк сүзмәкәр безнең* «Гарифджан у нас очень разговорчивый» – златоустовский говор. Слово образовано от общетюркской основы *сөз* (в татарском литературном языке *сүз*, в алтайском, хакасском *сөс*, башкирском *һүз*, якутском *ös*) «слово, речь» < древнетюркское *сөр* (в чагатайском *söz* «позволение») [11, с. 184] и активного словообразовательного аффикса *-мәкәр*.

В камско-устинском говоре и в говоре нижекамских крышен употребляется диалектизм *паҗма* [paʃma] (в диалектах татарского языка встречаются также фонетические варианты *паҗбы*, *паҗсум*, *паҗмә паз'ма*), которое имеет значение «пазъмо, усадьба». Слово вероятнее всего произошло от русской диалектной формы *пазъмо*, *позъмы*, *позмище* «пашня». По мнению Р. Г. Ахметьянова, эта форма была заимствована от персидского *pāi zām(ин)* «земельный участок» [11, с. 100]. Основа встречается и в форме *паз* «сенокосный луг» в марийском языке [4, с. 151].

Слово *бөгелҗә* [bögelçä] мензелинского говора (в группе говоров заказанских говоров *бөгерҗә*) употребляется в значении «крючок, металлический (или из другого прочного материала) стержень с резко загнутым концом» [12, с. 52], восходит к основе *бөк-ү* «наклонять, гнуть» (в чувашском *пёк-*, *пүк-*, в уйгурском, чагатайском *бүк-*, алтайском, хакасском, тувинском *пүк-*) от общекипчакского *бүк* «возвышенность, холмик» [10, с. 202]. Это – весьма продуктивная основа (*бөгәҗә*, *бөгәк*, *бөгәл*, *бөгәләк*, *бөгәлчән*, *бөгәр*, *бөгәрлә-ү*, *бөгел*, *бөгел-бөгел*, *бөккел*, *бөккен*, *бөккеч*, *бөкмә*, *бөкмәрлә-ү*, *бөкмәч*, *бөктә-ү*, *бөктәл*, *бөктәр* и др.). В диалектном словаре диалектизм зафиксирован лишь в мензелинском говоре.

2. Лексические единицы, имеющие одинаковый фонемный и морфемный состав со словами литературного языка, но отличающиеся от них семантикой; семантические диалектизмы. «В диалектах татарского языка семантические диалектизмы создаются в процессе диалектного словообразования, а также в результате семантической деривации слов литературного языка» [1, с. 30]. Семантическими диалектизмами являются, например, слова *думбра* «шмель», (в литературном языке *төклетура*) – *думбра* «двухструнный щипковый музыкальный инструмент грушевидной формы, домбра», *песнәк* «лампа-коптилка» (в литературном языке *сукур лампа*) – *песнәк* «синица», *чардак*

«могильная ограда» (в литературном языке *чардуган*) – *чардак* «чердак, мансарда», *киндер* «крапива» (в литературном языке *кычыткан*) – *киндер* «конопля», *сакал* [saqal] «подбородок» (в литературном языке *ияк*) – *сакал* «борода» и др.

Так, например, слово *аяз* [ajaz] помимо значений «погожий, ясный, безоблачный, солнечный»; «чистый, тихий (без горя)», с которыми оно известно в литературном языке, имеет в некоторых говорах среднего диалекта отличные от литературного языка ряд лексико-семантических вариантов (имеют место семантические сдвиги: расширение и сужение значений): в нукратском и шарлыкском говорах и говорах Заказанья *аяз* [ajaz] «поляна, открытое место в лесу», в группе говоров Заказанья используется также значение «открытый, незатемнённый». В дубьязском говоре «ровный, открытый», в нукратском – «чистый (о голосе)», «разборчивый, понятный (о речи)», «понятливый», «памятливый», «приветливый», «острый (о зрении)»; в балтасинском говоре «только один, единственный» [12, с. 24]. Как видим, *аяз* [ajaz] – полисемантическое диалектное слово. По происхождению оно от общекипчакского *айаз*, в значении «ясный, морозный», в киргизском, куманском имеет значение «лунный свет».

Литературное *алпавыт* [алпавыт] «помещик» использовалось в значениях «советник хана», «генерал; комиссар» (произошла архаизация значений, так как слово перешло в историзм). По мнению Р. Г. Ахметьянова, лексема *алпавут* ~ *алпагут* уже во времена Дешт-и-Кипчака (X век – 1241) была заимствована из монгольских языков [10, с. 40]. Она начала употребляться в древнетюркских языках в форме *alp-alpauut* «герой» [7, с. 139]. В говорах среднего диалекта, в частности в пермском говоре, в настоящее время используется в значении «рослый, здоровый человек», вероятнее всего соотносится с лексемой *алып* «богатырь» от древнетюркского *алп*. Р. Г. Ахметьянов утверждает, что слово *алп* было заимствовано монгольскими языками в форме *алпагут* «сословие рыцарей», позже это форма была обратно заимствована уже тюркскими языками [10, с. 40].

Киек [kiek] (формы *кэйек*, *кэйик*, *көйөк*) «дичь (дикие животные, мясо которых употребляется в пищу)», башкирском *көйөк*, чувашском *каййак* «дикие животные», *каййак-кай* «дикие птицы», марийском языке *кэйёк*, *каййак*, *кек* «дичь», удмуртском *коййек* «лось» – от древнетюркского языка *kejik*, *keik*, *kedik* «олень», *кей*, *кай* «дикая птица», в тунгусских языках *кай* «лебедь» [3, с. 294–295]. В среднем диалекте употребляется в значении «лось», «молодой лось», «олень», в пермском, каргалинском говорах *кыр кийеге*, «лось», «олень», нурлатском говоре *киек* «мышь» [12, с. 307].

Таким образом, в лексический состав среднего диалекта включается общая лексика с литературным языком, специфическая диалектная лексика: лексические диалектизмы и семантические диалектизмы. Лексико-семантический и этимологический анализ диалектной лексики может быть основанием для суждения о развитии национального языка, его связях (родстве и контактах) с другими языками. Лексико-семантические и этимологические исследования лексики татарских говоров станут важной частью полного и разноаспектного описания лексической системы диалектного языка.

Список литературы

1. Булатова, А. К. Семантические диалектизмы в татарском языке / А. К. Булатова // Тюркомонгольский мир большого Алтая: историко-культурное наследие и современность : материалы Первого Междунар. алтаистического форума, Барнаул – Горно-Алтайск, 12–14 сент. 2019 г. / [отв. ред. Р. И. Райкин]. – Барнаул, 2019. – ISBN 978-5-7904-2388-8. – С. 30–31.
2. Булатова, Л. Н. О русских народных говорах / Л. Н. Булатова, Л. Л. Касаткин, Т. Ю. Строганова. – Москва : Просвещение, 1975. – 88 с.
3. Древнетюркский словарь / ред.: В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. А. Щербак. – Ленинград : Наука, 1969. – 677 с.
4. Иванов, И. Г. Северо-западное наречие марийского языка / И. Г. Иванов, Г. М. Тужаров. – Йошкар-Ола : Маркнигоиздат, 1970. – 216 с. – (Диалекты марийского языка / Марийск. науч.-исслед. ин-т при Совете Министров Марийск. АССР ; Вып. 1).
5. Ларин, Б. А. История русского языка и общее языкознание / Б. А. Ларин. – Москва : Просвещение, 1977. – 224 с.
6. Самотик, Л. Г. Лексика современного русского языка : учеб. пособие / Л. Г. Самотик. – 4-е изд., испр. – Москва : ФЛИНТА, 2022. – 500 с. – ISBN 978-5-9765-1393-8. – URL: <https://ibooks.ru/bookshelf/25528/reading> (дата обращения: 20.01.2025). – Режим доступа: для авторизир. пользователей Электронно-библиотечной системы «Айбукс». – Текст : электронный.
7. Севортян, Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные / Э. В. Севортян, Л. С. Левитская. – Москва : Наука, 1974. – 768 с.
8. Этимологический словарь тюркских языков. [Вып. 1]. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «К», «Қ» / [авт. слов. ст.: Л. С. Левитская и др. ; отв. ред. Г. Ф. Благова]. – Москва : Языки рус. культуры, 1997. – 364 с. – ISBN 5-7859-0023-8.
9. Әхмәтъянов, Р. Г. Татар теленәң этимологик сүзлегә = Этимологический словарь татарского языка : ике томда. Т. 2. М – Я / Р. Г. Әхмәтъянов. – Казан : Мәгариф-Вакыт, 2015. – 567 с.
10. Әхмәтъянов, Р. Г. Татар теленәң этимологик сүзлегә = Этимологический словарь татарского языка : ике томда. Т. 1. А – Л / Р. Г. Әхмәтъянов. – Казан : Мәгариф-Вакыт, 2015. – 538, [1] с.
11. Татар теленәң зур диалектологик сүзлегә = Большой диалектологический словарь татарского языка : якынча 40000 берәмлек / төз. Ф. С. Баязитова, Д. Б. Рамазанова, З. Р. Садыкова, Т. Х. Хәйретдинова. – Казан : Татар. китап. нәшр., 2009. – 839 с. – ISBN 978-5-298-01788-6.

Bulatova A. K.

**The Study of the Vocabulary of the Middle Dialect of the Tatar Language
in the Semantic and Etymological Aspect**

The article is devoted to the study of the lexical composition of one of the dialects of the modern Tatar language. The vocabulary of the dialects of the middle dialect includes national vocabulary, common to the normalized literary language, as well as specific, dialectal ones. The object of the research is the lexical system of the middle dialect of the Tatar language. The purpose of this article is a semantic and etymological analysis of the dialect vocabulary of the middle dialect of the Tatar language. The study can help identify the lexical connections of the studied dialects with other dialects and Turkic languages (on this basis) to establish the place of Tatar dialects in the functioning of the national Tatar language. The analysis of dialect vocabulary allows for a deeper understanding of the cultural and social aspects of native speakers' lives, as well as their interaction with other language systems.

Key words: *etymology, middle dialect of the Tatar language, dialectology, areal linguistics, Tatar language, borrowing.*

УДК 81'367'37'27

Дорошенков Валерий Александрович,
канд. филол. наук,
профессор кафедры русского и
иностраных языков и литературы
ФГБОУ ВО «КГИК»
valdor1737@gmail.com

Амахина Светлана Анатольевна,
ст. преподаватель
кафедры иностранных языков
ФГАОУ ВО «СПбПУ»
s-amakhina@yandex.ru

Синицына Юлия Николаевна,
канд. филол. наук,
доцент кафедры русского и
иностраных языков и литературы
ФГБОУ ВО «КГИК»
tiida07@yandex.ru

Конфигурации совокупностей синтактико-семантических признаков как реальный аппарат речевой деятельности

В статье рассматривается сочетаемость синтактико-семантических признаков в совокупностях содержательных признаков синтаксем с целью определения их конфигураций и дальнейшего использования в решении задач речевой деятельности. В статье применен метод моделирования синтаксической структуры предложения, метод синтаксемного анализа, эксперимент. Структура единиц проанализирована с использованием скрытых категорий. В статье методики лингвистического анализа включают в себя юнкционные модели предложений, компонентные модели предложений, эквивалентностные и оппозиционные ряды синтаксем. Инструменты синтаксического анализа, исследованные в статье, могут быть использованы для изучения речевой деятельности.

Ключевые слова: синтаксема, синтаксемный анализ, синтактико-семантические признаки, содержательные признаки синтаксем, речевая деятельность.

В начале XX века Фердинанд де Соссюр пришел к выводу, что современная лингвистика «непрестанно работает на почве придуманных грамматистами понятий, о которых мы не знаем, соответствуют ли они в действительности конститутивным элементам системы» [8, с. 78]. За последнее время много исследований было посвящено дискурсу, речевой деятельности, однако строгих конститутивных элементов языка не было выявлено, что обуславливает актуальность проводимого нами исследования.

В статье обсуждается вопрос о возможности использования инструментария синтаксического анализа в решении задач речевой деятельности, что выступает целью исследования.

Мы используем метод синтаксемного анализа в совокупностях содержательных признаков синтаксем; метод моделирования при анализе синтаксической структуры предложения; эксперимент для выявления содержательных признаков синтаксем [10]. Базой для такого исследования выступают десять академических монографий А. М. Мухина и около девяноста кандидатских диссертаций и монографий, посвященных синтаксическим единицам [6; 7; 2].

Исследования ученого С. Д. Кацнельсона были посвящены скрытым категориям слова. Он отмечал, что «явная, или внешняя грамматика строится на базе скрытой, или внутренней грамматики» [5, с. 93]. Это значит, что во внешней форме ряда цветоименований белый, черный, синий и так далее скрывается лексическая категория качества. Лексемы имеют определенную автономность при функционировании в синтаксисе, когда, например, в позиции однородных компонентов предложения мы встречаем совершенно разные слова: «The windows were high and many, letting in the light as into a schoolroom» [11]. Аналогично лексическому качеству существуют и другие лексические категории, представленные С. Д. Кацнельсоном: фактивность, интеративность, цели, предметности и другие.

В отечественное языкознание в семидесятые годы вошло понятие синтаксемы. Ее автор, А. М. Мухин, поставил цель – «индуктивное выведение понятия функциональной синтаксической единицы, или синтаксического инварианта» [7]. На объемном фактическом материале было описано огромное количество синтаксем, показаны их синтаксические и парадигматические свойства, их сочетаемость друг с другом и с единицами других уровней организации языка.

Особое внимание следует уделить сочетаемости синтактико-семантических признаков в «пучках», точнее в совокупностях содержательных признаков каждой синтаксемы. Все синтаксемы делятся на три больших класса: субстанциальные, процессуальные, квалификативные синтаксемы [1, с. 27]. На них и строится синтаксемный анализ предложения [9]. Эти классы играют роль «зонтиковых», вокруг которых собираются другие синтактико-семантические признаки, имеющие категориальное и иное свойство. За каждым классом стоит множество синтаксем и их вариантов в эквивалентных и оппозиционных рядах. По количеству признаков в синтаксеме различаются двухпризнаковые, трехпризнаковые, четырех-, пяти- и шестипризнаковые. Синтаксемы также делятся на простые и сложные. Простые – это двухпризнаковые синтаксемы, все остальные – сложные.

Рассмотрим, по условиям места, несколько синтаксем из арсенала всех трех классов единиц. Примером могут послужить предложения с субстанциальной агентивной синтаксемой в позиции подлежащего (в позиции ядерного предиктируемого компонента предложения – NP1). Субстанциальная агентивная синтаксема может быть выражена существительным, одушевленным или неодушевленным, конкретным предметом, а также абстрактным понятием или личным местоимением третьего лица. *The ship took up some kind of cargo. The salesman showed me a number of patterns.*

Jane's good humor returned briefly. She watched her son going home. Поскольку задача заключается в том, чтобы показать, откуда направляются признаки, то необходимо показать синтаксическую структуру, в которой единицы анализируются. Для этого используется модель предложения (1) *The ship (2) took up (3) some (4) kind of (5) cargo* (Рис. 1):

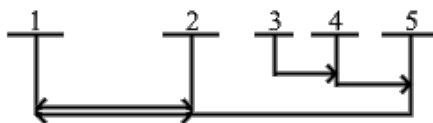

Рис. 1. Пример модели предложения

Синтаксема субстанциальная агентивная (SbAg), выраженная существительным в позиции ядерного предикцируемого компонента предложения подлежащего, сочетается с процессуальной акциональной синтаксемой (PrAc) в позиции сказуемого (ядерного предикцирующего компонента предложения (NP2)). Такая сочетаемость осуществляется на базе ядерной предикативной связи, которая является двусторонней между двумя компонентами предложения (подлежащим и сказуемым). В нашем примере один признак – субстанциальность (Sb) существует за счет собственной семантики существительного, а второй признак – агентивность становится приобретенным за счет сочетаемости с акциональным признаком NP2. Однако, смена синтаксемы в позиции сказуемого связана с переходом в другой класс синтаксем в позиции NP1 (подлежащее).

Рассмотрим категорию состояния, которую впервые в английском языке вывел в особую часть речи Б. А. Ильиш [4]. Ареол лексем при категории состояния был небольшим, около тридцати единиц: *ablaze, adrift, afire, aflame, afloat, afoot, afraid, aghast, aglow, agog, ahead, akin, ajar, alight, alike, aloof, alone, amiss, ashamed, aslant, asleep, aslope, askew, askint, astir, astray, athirst, awake, aware*. В позиции NP2 (сказуемого) слова категории состояния выступают в сочетании со связкой и словом состояния, или в сочетании со связкой или/и предложно-именной группой: *I was alive and walking about. Jane is afraid of dogs. John is awfully in love. The baby felt sad.*

В соответствии с ядерной предикативной связью и с учетом синтаксем в позиции NP2 (сказуемого) признаки синтаксем определяются в позиции подлежащего. В данном случае лексической базой являются существительные со значением психического, физического состояния или качества, например: *Jane found the room empty. Its silence caught her*. Признак агентивности обусловлен здесь признаком акциональности (Ac), в то время как признак стативности подтверждается при эксперименте: *its silence – it was silent*, то есть признак стативности – это «собственный» признак единицы. Так же и в другом примере: *The importance of her new assignment had turned her mind inward – The importance of her assignment... – Her new assignment was important*. Здесь *silence, the importance* – это экспоненты субстанциальной агентивной синтаксемы носителя состояния (SbAgSt).

Среди корпуса субстанциальных синтаксем как в калейдоскопе встречаются самые неожиданные совокупности: субстанциальные объектные акциональные (SbObAg), субстанциальные объектные стативные

(SbObSt), субстанциальные акциональные носители качества (SbAcQlt), субстанциальные агентивные темпоральные (SbObTmp), субстанциальные агентивные негативные (SbAgN) и многие другие. Наблюдаются и такие явления, когда первые два признака являются ведущими, а третьи – всегда другие, например: SbTmpAc, SbTmpCnt, SbTmpLt, SbTmpIntr. Еще более разнятся совокупности в четырех-, пяти- и шестипризнаковых синтаксемах. Арсенал всех средств языка проявляется во всех синтаксемах, однако, в многопризнаковых единицах это, несомненно, проявляется в полной мере.

Схемы приобретения признаков каждой синтаксемы были тщательно исследованы в течение второй половины XX века и начала первой декады XXI века. Было определено, что одни совокупности признаков приобретаются синтаксемами на путях синтаксических позиций и соответствующих синтаксических связей, другие синтаксемы обретают признаки путем учета лексической семантики в лексемах, а также морфологических средств, третьи приобретаются в смешенном варианте [3]. Иначе говоря, содержательные признаки синтаксем поступают в совокупность той или иной синтаксемы разными путями. Пример с использованием структуры предложения: (1) *Father* (2) *wants* (3) *me to* (4) *marry* (5) *Oswald* (Рис. 2):

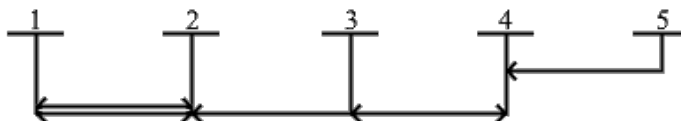

Рис. 2. Модель синтаксических связей

Между первым и вторым компонентами предложения – ядерная предикативная связь. Между вторым и третьим – субординативная связь, между третьим и четвертым – неядерная предикативная связь, и, наконец, последняя – субординативная связь. В данном предложении синтаксема выражена местоимением «me». Местоимение поставлено в строй на позицию неядерного предиктируемого зависимого компонента NP1D и со всех сторон – синтаксические связи: с одной стороны – субординативная связь, которая образует объектную синтаксему (SbOb), потому что глагол переходный; с другой стороны – неядерная предикативная, которая образует процессуальную акциональную синтаксему (PtAc), чтобы преобразоваться в субстанциальную агентивную синтаксему. Таким образом, в примере можно говорить о двух антагонистических признаках: признаки агентивности и объективности, то есть стать SbAgOb синтаксемой.

В корпусе синтаксем имеется много таких совокупностей содержательных признаков, которые с логической точки зрения невозможно совместить, например: одновременное соединение субстанции и действия или агентивности и объективности, или два объективных, или два агентивных признака.

Внешняя грамматика языка (члены предложения) строится на базе скрытой внутренней грамматики, в которой работают категориальные признаки. В языке имеются многочисленные примеры, когда и формальные, и содержательные признаки соединяются в одной единице. Необходимость исследовать скрытые категории, которые выполняют существенные

функции в организации языка. Исследованный в статье материал описан в стиле лингвистической семантики. Структура единиц проанализирована с использованием скрытых категорий. Методики лингвистического анализа, включающие в себя юнкционные модели предложений, компонентные модели предложений, эквивалентностные и оппозиционные ряды синтаксем – все это способствует более углубленному исследованию речевой деятельности человека. Таким образом, в статье предлагается использовать аппарат синтаксемики для изучения речевой деятельности.

Инвентарь категориальных признаков синтаксем лежит в основе речевого мышления человека. К настоящему времени изучено 85 признаков синтаксем, а в сочетательных комбинациях – около 400 синтаксем. В речевой деятельности мысли человека могут быть сконцентрированы в одной синтаксической единице – синтаксеме, признаки которой и конфигурации до конца не изучены.

Синтаксема твердо вошла в общий строй инвариантных единиц языка среди фонем, морфем и лексем, поэтому дальнейшее изучение категориальных признаков синтаксем, конфигураций совокупностей синтактико-семантических признаков, открытие новых синтаксических единиц необходимо для более глубокого изучения речевой деятельности человека.

Список литературы

1. **Дорошенков, В. А.** Ведущие и дополнительные признаки синтаксем / В. А. Дорошенков, С. А. Амахина, Ю. Н. Сеницына // Язык науки и техники в современном мире : материалы XI Междунар. науч.-практ. конф., Омск, 18–20 апр. 2022 г. / [отв. ред. С. В. Буренкова]. – Омск, 2022. – ISBN 978-5-8149-3477-2. – С. 24–31.
2. **Дорошенков, В. А.** Единицы языка и их взаимодействие. Лингвистический анализ : монография / В. А. Дорошенков, О. В. Вахонина. – Краснодар : Просвещение-Юг, 2018. – 194 с. – ISBN 978-5-93491-772-3.
3. **Дорошенков, В. А.** О синтаксической презентации группового концепта «ВРЕМЯ» в современном английском языке / В. А. Дорошенков, Ю. Н. Сеницына // Актуальные вопросы лингвистики и литературоведения : сб. науч. ст. Междунар. науч. конф. памяти д-ра филол. наук, проф. Л. А. Араевой, Кемерово, 03–05 февр. 2022 г. / под общ. ред. Н. В. Мельник. – Кемерово, 2022. – ISBN 978-5-8353-2946-5. – С. 82–88.
4. **Ильиш, Б. А.** Строй современного английского языка : учеб. по курсу теорет. грамматики для студентов пед. ин-тов (на англ. яз.) / Б. А. Ильиш. – Изд. 2-е. – Ленинград : Просвещение, Ленингр. отд-ние, 1971. – 368 с.
5. **Кацнельсон, С. Д.** Типология языка и речевое мышление / С. Д. Кацнельсон. – Москва : Едиториал УРСС, 2009. – 220 с. – ISBN 978-5-397-00743-6.
6. **Мухин, А. М.** Эксперимент и моделирование в лингвистике: структурный синтаксис предложения / А. М. Мухин. – Санкт-Петербург : Наука, 2004. – 152 с. – ISBN 5-02-026978-6.
7. **Мухин, А. М.** Функциональный синтаксис. Функциональная лексикология. Функциональная морфология / А. М. Мухин. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2007. – 198 с. – ISBN 5-98187-195-4.

8. **Соссюр, Ф.** Курс общей лингвистики / Ф. Соссюр ; пер. А. М. Сухотин ; под ред. Р. О. Шор. – Москва : Юрайт, 2020. – 303 с. – ISBN 978-5-534-05835-2.
9. **Ashurov, S. S.** Some comments on the analysis of active and stative syntaxeme in the function predicate / S. S. Ashurov. – Text : electronic // Journal of criticalreviews. – 2020. – Т. 7, №. 18. – P. 4580–4583. – URL: <https://jcreview.com/archives/volume-7/issue-18/2098> (date of access: 23.01.2025).
10. **On the semantics of syntactic units in subject position** / V. A. Doroshenkov, Yu. N. Sinitsyna, S. A. Tikhonova, A. S. Mayorova. – Text : electronic // International Conference on International Conference on Language and Technology in the Interdisciplinary Paradigm (LATIP 2021), 1–3 April, 2021, Novosibirsk & Irkutsk, Russia / European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. – Novosibirsk ; Irkutsk, 2021. – URL: https://www.researchgate.net/publication/356730324_On_The_Semantics_Of_Syntactic_Units_In_Subject_Position (date of access: 10.01.2025).
11. **Lawrence, D. H.** The Rainbow / D. H. Lawrence. – New York : Modern Library, [1915]. – URL: <https://www.gutenberg.org/files/28948/28948-h/28948-h.htm> (date of access: 20.01.2025). – Text : electronic.

**Doroshenkov V. A.,
Amakhina S. A.,
Sinitsyna Yu. N.**

Configurations of Syntactic-semantic Features as a Real Apparatus for Speech Activity

The article discusses the compatibility of syntactic-semantic features in sets of content features of syntaxes in order to determine their configurations and further use in relation to speech activity. The following linguistic methods are used in the article: modeling the syntactic structure of a sentence, syntaxeme analysis, and experiment. The structure of the units is analyzed using latent categories. In the article methods of linguistic analysis include junction models of sentences, component models of sentences, equivalence and oppositional series of syntaxes. The instruments of syntactic analysis, studied in the article, can be used to research speech activity.

Key words: *syntaxeme, syntacsemic analysis, syntactic-semantic features, content features of syntaxeme, speech activity.*

Дятлова Анастасия Михайловна,
преподаватель кафедры английской
и восточной филологии
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
dyatlova-lgpu@mail.ru

Эволюция научных подходов к изучению сущности синхронного перевода как вида переводческой деятельности

Статья посвящена анализу развития научных подходов к изучению сущности синхронного перевода. Ретроспективное исследование направлено на определение этапов эволюции подходов к рассмотрению синхронного перевода как вида переводческой деятельности, а также реализации положений научных подходов в практике осуществления синхронного перевода и его дидактике. Сформулированы основные тенденции развития современной научной переводческой парадигмы. Исследование вносит вклад в развитие теоретических основ теории перевода, а его результаты могут быть использованы для актуализации образовательных программ и методик подготовки переводчиков-синхронистов.

Ключевые слова: научный подход, эволюция подходов, синхронный перевод, теория синхронного перевода, практика синхронного перевода, дидактика синхронного перевода, переводческая деятельность.

Становление и развитие научной парадигмы изучения синхронного перевода продиктовано значимостью практической деятельности синхронных переводчиков в сферах политики, международных отношений, науки, культуры и экономики и т. п., а также феноменальностью нейрофизиологической и лингвopsихологической природы самого процесса синхронного перевода. Ракурс рассмотрения синхронного перевода с момента его институализации претерпел ряд значительных изменений: от упрощенного понимания синхронного перевода как процесса механического воспроизведения речи с исходящего на переводящий язык – до комплексного, системного, междисциплинарного рассмотрения синхронного перевода как вида когнитивно-коммуникативной профессиональной деятельности, требующей интеграции лингвистических, психологических, культурологических, отраслевых и технологических знаний. Тем не менее, в современной переводоведческой научной литературе наблюдается только фрагментарное освещение эволюции научных подходов к определению сущности синхронного перевода. Данное положение актуализирует необходимость проведения аналитического ретроспективного исследования вариативности, функционального потенциала и подвижности применения научных подходов, формирующих теоретические основы и принципы практической и дидактической составляющей синхронного перевода.

Цель исследования заключается в анализе эволюции научных подходов к изучению теоретических основ и практики синхронного перевода на основе

выявления ключевых тенденций и перспективных направлений развития данной научной дисциплины.

Достижение цели исследования обусловлено решением следующих задач: 1) определить основные этапы формирования научных взглядов на проблему синхронного перевода путем описания доминирующих научных подходов; 2) описать сущность теоретических разработок, выполненных в рамках каждого рассмотренного научного подхода, и их практическое применение; 3) определить основные тенденции формирования принципов к изучению синхронного перевода в контексте современной научной парадигмы.

Изучение тенденций развития представлений о синхронном переводе в данном исследовании строится на сочетании методов разных уровней научного познания. Исследование проводилось с опорой на диалектические, аналитические и феноменологические принципы познания, что в целом позволило определить общую стратегию исследования. На общенаучном уровне применялись методы общелогического, эмпирического и теоретического познания. Общелогические методы (анализ, синтез и обобщение) применялись как на эмпирическом, так и на теоретическом уровнях познания и обеспечили возможность раскрытия внутренних сущностных признаков предмета исследования, связи его компонентов и их взаимодействие друг с другом. К исследовательским методам, позволяющим получить эмпирические данные о процессе развития теоретических основ синхронного перевода, его практики и дидактики, относятся методы наблюдения, описания и сравнения. Средствами теоретического познания выступили: гипотетико-дедуктивный, структурно-функциональный, логический и исторический методы, а также метод формализации. Применение указанных методов обеспечивает возможность выдвижения предположения о тенденциях развития синхронного перевода и перспективах его изучения.

Комплексный анализ теоретических основ перевода и практической переводческой деятельности позволяет проследить эволюцию подходов к пониманию понятия и сущности механизмов реализации процесса синхронного перевода и описать примеры прикладного применения выделенных научных подходов: на теоретическом уровне, в качестве примера развития теории перевода, предлагается рассмотрение определения понятия «синхронный перевод» с точки зрения различных научных подходов; на практическом уровне – изучение реализации данных подходов в практике и дидактике синхронного перевода.

Практическое и теоретическое изучение процессов синхронного перевода, как в отечественном, так и в зарубежном переводоведении, началось в 60-х годах XX в. и поднимало ряд вопросов, связанных с исследованием темпоральных характеристик процесса, определением параметров фразового сдвига речи синхрониста, единиц синхронного перевода, сегментацию речевого потока и исследования механизмов синхронного перевода (Б. А. Бенедиктов, Д. Гервер, Ф. Голдма-Эйслер, А. Кочкина, П. Олерон и Ю. Нанпон, М. Я. Цвилинг, А. Ф. Ширяев, Б. Штайер и др.).

Понимание перевода как продукта переводческой деятельности, оформленной в текст, и самого синхронного перевода в частности, выражено идеями лингвистического подхода, в основе которого лежит определение перевода как преобразования или трансформации текста с одного языка

на другой. Данный подход представлен в работах таких учёных, как Л. С. Бархударов, В. Н. Комиссаров, Дж. Кэтфорд, Я. И. Рецкер, А. В. Федоров, А. Д. Швейцер. «Синхронный перевод – это способ устного перевода, при котором переводчик, слушая речь оратора, практически одновременно (с небольшим отставанием – 2–3 сек.) проговаривает перевод», – такое определение синхронного перевода дано В. Н. Комиссаровым в его работе «Теория перевода (лингвистические аспекты)» [4, с. 98]. Очевидно, что данное определение понятия не соответствует современному пониманию сущности перевода в целом, а также синхронного перевода в частности, и отражает лишь лингвистическую сторону вопроса.

Лингвистический подход является фундаментом традиционного терминологического и научного аппарата теории перевода. В рамках лингвистического подхода наибольшей популярностью пользуется трансформационная теория, основанная на подходах трансформационной грамматики, предложенной американским лингвистом Н. Хомским [7]. Трансформационная теория при изучении синхронного перевода помогает понять, как переводчики синхронно преобразуют фразы и предложения, сохраняя их смысл и адаптируя структуру к особенностям переводящего языка. Практическое применение лингвистического подхода реализуется путем проведения сравнительно-сопоставительного анализа текстов оригинала и текста перевода и сосредоточено на анализе языковых структур и процессов, которые происходят в реальном времени при переводе с одного языка на другой.

Очевидно, что именно сравнительно-сопоставительный анализ применяемых переводческих трансформаций являлся главным инструментом для проведения исследовательской работы, ориентированной на изучение процесса и результатов переводческой деятельности. Анализ переводческих трансформаций, использованных при синхронном переводе, является лишь формальным отображением лингвистических изменений, которые претерпевает текст оригинала в процессе перевода. Данный подход не ориентирован на отображение экстралингвистического компонента как важной составляющей переводческой деятельности, и, следовательно, исследования синхронного перевода с использованием лишь лингвистического подхода не обладают значительной актуальностью и перспективностью на современном этапе развития науки о переводе. Важно отметить, что научный терминологический аппарат традиционной теории перевода, основанный на лингвистическом подходе, в настоящее время претерпевает значительные изменения. Отходя от текстоцентрической модели перевода, учеными актуализировались такие понятия, как «перевод», «синхронный перевод», «переводческая стратегия», «переводческая тактика», «адекватность перевода», «эквивалентность перевода» и многие другие, а также пересмотрены основы оценки качества перевода, его прагматики и функциональной составляющей.

Деятельностная составляющая синхронного перевода репрезентирована психолингвистическим подходом, базирующимся на исследованиях советской школы речевой деятельности и разработанным такими лингвистами, как И. А. Бодуэн де Куртенэ и Л. В. Щерба; учеными-психологами: Л. С. Выготский, И. А. Зимняя, А. А. Леонтьев, А. Н. Леонтьев, А. Р. Лурия. Психолингвистический подход исследует взаимосвязь между языком

и психическими процессами: как люди воспринимают, обрабатывают, хранят и воспроизводят языковую информацию. На основе психолингвистического подхода была спроектирована комплексная модель синхронного перевода А. Ф. Ширяева, состоящая из параллельно протекающих процессов: процесса ориентирования в тексте; процесса поиска и принятия переводческих решений; процесса осуществления переводческих действий [10, с. 98–101], и модель вероятностного прогнозирования Г. В. Чернова и И. А. Зимней, которая основывается на психолингвистическом механизме вероятностного прогнозирования поступающего переводчику сообщения, а также на механизме упреждающего синтеза при создании переводчиком сообщения на языке перевода [3]. Попытки моделирования процесса синхронного перевода с учетом психолингвистических особенностей профессиональной переводческой деятельности стали новым этапом развития теории перевода.

Продолжая демонстрацию развития идей переводоведения, приведем пример определения синхронного перевода Г. В. Чернова в соответствии с психолингвистическим подходом: «Синхронный перевод можно определить как такой профессиональный вид устного перевода конференций, который осуществляется одновременно с восприятием сообщения на языке оригинала с помощью технических средств в специально оборудованной кабине, и в процессе которого – в условиях дефицита времени – на единицу текста перерабатывается информация ограниченного объема» [8, с. 13]. Данное определение значительно расширило представление о синхронном переводе как «определённом виде деятельности, состоящей из определённых взаимосвязанных действий» [10, с. 15] и затронуло важнейшие аспекты синхронной переводческой деятельности: коммуникативную ситуацию синхронного перевода; работу в условиях дефицита времени; речемыслительную и техническую стороны перевода. На практическом и дидактическом уровне проводилась разработка специальных методик обучения синхронному переводу, созданных на основе психолингвистического подхода (методика обучения синхронной переводческой деятельности А. Ф. Ширяева), что позволило создать прообраз современной системы подготовки переводчиков-синхронистов, которые обладают специальными знаниями теории перевода, а также практическими умениями и навыками осуществления синхронного перевода.

Когнитивный подход в современной теории перевода фокусируется на исследовании механизмов восприятия, обработки и передачи информации, происходящих в сознании переводчика, а также изучении когнитивных и нейропсихологических аспектов синхронного перевода. Для когнитивистики перевода центральными областями исследования выступают такие когнитивные механизмы, как восприятие, память, внимание, прогнозирование и их роль в процессе перевода (Д. Жиль, В. Даро и Ф. Фаббро, Б. Мозер-Мерсер, К. Б. Сибер и Д. Керцель).

Отдельное внимание уделяется анализу факторов, влияющих на производительность переводчиков, включая стресс, усталость и многозадачность (С. Р. Андерсон, А. М. де Грут, И. К. Кристофелс, М. Парадис, Ф. Фаббро). На теоретическом уровне Б. Мозер-Мерсер были исследованы соотношение возрастания когнитивной нагрузки при повышенной сложности текста, ускорение темпа речи, влияние нехватки фоновых знаний, роль

кратковременной памяти в синхронном переводе; спроектирована «модель когнитивных усилий» Д. Жилия, состоящая из четырех «усилий» («усилия по слушанию и анализу», «усилия по производству речи», «усилия задействования операций кратковременной памяти», «усилия по координации»); разработана «модель когнитивной нагрузки синхронного перевода» К. Б. Сиберы, в основу которой заложено утверждение, что синхронный перевод – это «многозадачный процесс, требующий от переводчиков баланса между несколькими параллельными когнитивными задачами, такими как слушание, понимание и воспроизведение речи в реальном времени» [13, с. 187].

В отечественной науке следует отметить Д. В. Балаганова и разработанную им когнитивно-динамическую концепцию синхронного перевода. В рамках концепции предложена модель, основанная на изучении когнитивных процессов деятельности профессиональных переводчиков в условиях высокой интенсивности и темпоральной ограниченности. Для прикладного изучения понятия синхронного перевода предлагается следующее определение Д. В. Балаганова: «Синхронный перевод – когнитивная система, состоящая из когнитивных механизмов, которые охватывают совокупность ментальных операций, необходимых для понимания и осмысления исходного текста, а также для максимально полной оценки возможностей эквивалентной передачи при переходе от исходного языка к переводящему языку» [1, с. 31]. Когнитивный подход при определении синхронного перевода смещает акцент на взаимодействие когнитивных механизмов восприятия, понимания, обработки информации, переключения между двумя языками, выбор варианта перевода отрезка обработанной речи, вероятностного прогнозирования, синхронизации и им соответствующих лингвистических стресс-факторах: темп речи и артикуляционные особенности оратора, незнание лексики, языковая интерференция; нормативно-узуальных характеристик переводящего языка, – и экстралингвистических стресс-факторах: громкость, усталость и психологические проблемы [1]. И. Н. Ремхе рассматривает синхронный перевод как динамический процесс управления ограниченными когнитивными ресурсами и объясняет когнитивно-матричный аспект моделирования переводческого процесса, что в последующем помогает оптимизировать подготовку переводчиков и совершенствовать технологии, связанные с обработкой речи [5].

Дидактика перевода была обогащена появлением новых разработок в сфере обучения переводу: Е. А. Будановой разработана «Методика обучения переводу на основе лингво-когнитивных моделей», а С. А. Бойко научно обоснована и проверена на практике методика обучения студентов художественному переводу на основе когнитивно-дискурсивного анализа текста; Ю. Швецова теоретически обосновала возможности использования когнитивного подхода в формировании переводческой эрудиции; Т. В. Радыгиной и И. С. Вацковской предложен дидактический алгоритм при обучении устному переводу, теоретическим основанием которого являются особенности когнитивных процессов, сопровождающих переводческую деятельность.

Коммуникативно-функциональный подход акцентирует внимание на идее первостепенной значимости в передаче смысла оригинала, достижении коммуникативной цели перевода, т. е. перевод должен быть адекватен

исходному сообщению с точки зрения его воздействия на целевую аудиторию, учитывая культурные, социальные и языковые особенности. К основным принципам коммуникативно-функционального подхода можно отнести: ориентацию на адресата; передачу инвариантной составляющей оригинала, а не формы; функциональную эквивалентность текста перевода тексту оригинала; учет контекста и коммуникативной ситуации перевода [6, с. 32–33]. В основу коммуникативно-функционального подхода заложена теория динамической эквивалентности Ю. Найды и основные положения скопос-теории К. Райс и Г. Фермеера: приоритет цели (перевод должен соответствовать конкретной цели, которая определяется заказчиком, аудиторией и контекстом); адаптация к аудитории (учёт культурных, социальных и профессиональных особенности целевой аудитории); функциональная адекватность (первостепенная важность не дословной точности, а передача смысла и функции исходного сообщения) [12]. Успешный перевод – не просто механическая передача слов, а инструмент достижения конкретных коммуникативных задач, а, следовательно, синхронный перевод согласно скопос-теории – это целенаправленное коммуникативное действие, при котором переводчик, ориентируясь на доминирующую функцию исходного сообщения, адаптирует его для целевой аудитории, учитывая культурные, ситуативные и прагматические параметры [12]. Основным критерием успеха является достижение коммуникативной цели, а не формальное соответствие оригиналу.

Разработка методики обучения синхронному переводу на основе коммуникативно-функционального подхода является одним из наиболее перспективных и актуальных направлений дидактики и практики перевода. Основные наработки изложены в работах: К. Норд «Text Analysis in Translation: Theory, Methodology, and Didactic Application»; М. Ким «Translation and Cross-Cultural Communication Studies in the Asia Pacific»; С. Хейл «Community Interpreting»; В. В. Сдобникова «Переводческое мышление в эпоху цифровизации»; О. В. Гоголевой «Особенности обучения письменному переводу в рамках коммуникативно-функционального подхода»; Р. М. Шапилова «Структура и алгоритм процесса специального перевода: коммуникативно-функциональный подход».

Мультимодальный подход рассматривает синхронный перевод как многосложный процесс взаимодействия и взаимовлияния лингвистических и экстралингвистических факторов, т. е. взаимодействие различных модальностей: вербальной (анализ и интерпретации речи), когнитивной (механизм обработки полученной информации, механизм внимания, механизм памяти, механизм прогнозирования, механизм принятия решения, механизм управления стрессом), невербальной (интонация, жесты, мимика) и технологической (техническое оснащение синхронного перевода). Синхронный перевод с точки зрения теории мультимодальности следует рассматривать как когнитивную и нейролингвистически обусловленную деятельность, так и как производственный процесс / событие переводческой деятельности [11; 14]. Исходя из ведущих положений мультимодального подхода, разработанного Е. В. Чистовой, синхронный перевод определяется как комплексный процесс межкультурной и межязыковой коммуникации, при котором переводчик не только интерпретирует и передаёт

вербальное содержание, но и активно взаимодействует с невербальными и паралингвистическими элементами (жесты, интонация, визуальные компоненты, пространственные сигналы), интегрируя их в единый смысловой поток [9].

Практическое применение мультимодальный подход находит в исследованиях процесса синхронного перевода: О. В. Агафонова, А. А. Леонтьева, А. А. Петрова, А. Ченки «Числительные в синхронном переводе: полимодальный анализ»; А. В. Белоедова, Е. А. Кожемякина, Я. И. Тяжлова «Влияние вербального комментария на интерпретацию визуального медиасообщения: мультимодальный подход»; Д. Савенца. Ж. Вилде. Ж. Вранэс «Towards a multimodal approach for analysing interpreter's management of rapport challenge in onsite and video remote interpreting».

Понятие мультимодальности коммуникации станет важнейшим компонентом переводческой науки, прежде всего благодаря технологическим разработкам и новым формам и видам бытовой и профессиональной коммуникации, трансформируя как саму сущность переводческой деятельности, так и принося новые возможности «более точно зафиксировать, описать и интерпретировать данные, которые носят скорее смешанный характер: визуальные, аудиальные и вербальные, – а также количественные и качественные данные» [2, с. 447]. Исходя из изложенного, цель синхронного перевода с позиции мультимодальности заключается в создании целостного коммуникативного акта, адаптированного к многоканальному восприятию для аудитории.

Проведение ретроспективного анализа научных подходов к определению сущности синхронного перевода как вида переводческой деятельности позволило выявить основные этапы становления и формирования теории и практики синхронного перевода как особой ветви научного переводческого знания. Достижение цели исследования обусловлено решением всех поставленных задач. В ходе решения первой задачи были определены основные этапы формирования научных взглядов на проблему синхронного перевода:

- текстоцентрическое понимание синхронного перевода (лингвистический подход);
- изучение речемыслительной и познавательной стороны синхронного перевода (психолингвистический и когнитивный подходы);
- рассмотрение синхронного перевода с точки зрения положений теории коммуникации и функционализма (коммуникативно-функциональный подход);
- анализ синхронного перевода с позиции междисциплинарности (мультимодальный подход).

В рамках решения второй задачи был проведен обзор теоретических разработок, выполненных на основе каждого рассмотренного научного подхода, и их применение в практике и дидактике перевода. Эмпирические данные, полученные при решении первой и второй задач исследования, позволили нам определить основные тенденции развития принципов научного познания синхронного перевода в контексте современной научной парадигмы. Очевидна тенденция слома традиционного представления об устной и письменной переводческой деятельности, выраженного в переходе от «лингвистического»

понимания перевода в целом к использованию современных (когнитивного, коммуникативного, мультимодального и т. п.) подходов для его изучения и преподавания. Проведенный анализ фундаментальных научных работ в области теории и практики перевода свидетельствует об актуализации востребованности междисциплинарного изучения синхронного перевода с применением нескольких научных подходов и знаний из различных научных областей (мультимодальный подход). Происходит пересмотр конвенционального понимания основных переводческих категорий и понятий, практического использования синхронного перевода, технологических требований к его обеспечению, а также научных подходов к изучению его сущности. Предпринятая попытка выделения этапов развития научных подходов к пониманию сущности синхронного перевода в дальнейшем может быть подвергнута научной дискуссии и является лишь началом формирования научной периодизации синхронного перевода.

Список литературы

1. **Балаганов, Д. В.** Динамика когнитивных механизмов в синхронном переводе : спец. 10.02.19 «Теория языка» : автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра филол. наук / Балаганов Дмитрий Владимирович ; Военный ун-т М-ва обороны Российской Федерации. – Москва, 2021. – 39 с.
2. **Белоедова, А. В.** Влияние вербального комментария на интерпретацию визуального медиасообщения: мультимодальный подход / А. В. Белоедова, Е. А. Кожемякин, Я. И. Тяжлов // Медиалингвистика. – 2020. – № 7(4). – С. 445–461.
3. **Зимняя, И. А.** К вопросу о роли вероятностного прогнозирования в процессе синхронного перевода / И. А. Зимняя, Г. В. Чернов // Вопросы теории и методики преподавания перевода : тезисы Всесоюз. конф. 12–14 мая 1970 г. : в 2 ч. / М-во высш. и сред. спец. образования СССР, Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. М. Тореца. – Москва, 1970. – Ч. 1. – С. 112–113.
4. **Комиссаров, В. Н.** Теория перевода (лингвистические аспекты). Теория перевода : учеб. для студентов ин-тов и фак. иностр. яз. / В. Н. Комиссаров. – Репр. изд. – Москва : Альянс, 2013. – 250 с. – ISBN 978-5-91872-024-0.
5. **Ремхе, И. Н.** Переводческий процесс в аспекте когнитивного моделирования : монография / И. Н. Ремхе. – Москва : ФЛИНТА : Наука, 2015. – 140 с. – ISBN 978-5-9765-2240-4.
6. **Сдобников, В. В.** Теория перевода (коммуникативно-функциональный подход) : учеб. для студентов лингвист. вузов и фак. иностр. яз. / В. В. Сдобников, К. Е. Калинин, О. В. Петрова. – 2-е изд., перераб. – Москва : ВКН, 2019. – 512 с. – ISBN 978-5-7873-1527-1.
7. **Хомский, Н.** Синтаксические структуры / Н. Хомский // Новое в лингвистике. – Москва, 1962. – Вып. 2. – С. 412–527.
8. **Чернов, Г. В.** Теория и практика синхронного перевода / Г. В. Чернов. – Москва : Междунар. отношения, 1978. – 208 с.
9. **Чистова, Е. В.** Мультиканальность и мультимодальность восприятия в когнитивной деятельности переводчика-синхрониста / Е. В. Чистова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – № 9. – С. 337–342.

10. **Ширяев, А. Ф.** Синхронный перевод: Деятельность синхронного переводчика и методика преподавания синхронного перевода / А. Ф. Ширяев. – Москва : Воениздат, 1979. – 183 с.
11. **Chesterman, A.** Models of What Processes? / A. Chesterman // Describing Cognitive Processes in Translation / ed. by M. Ehrensberger-Dow [et al.]. – Amsterdam, 2015. – ISBN 978-90-272-6820-4. – P. 7–20.
12. **Reiss, K.** General Foundations of Translation Theory / K. Reiss, H. J. Vermeer. – Tübingen : Niemeyer, 1984. – 240 p.
13. **Seeber, K. G.** Cognitive load in simultaneous interpreting: Model meets data / K. G. Seeber, D. Kerzel // International Journal of Bilingualism. – 2011. – № 16(2). – P. 228–242.
14. **Toury, G.** Descriptive Translation Studies – and Beyond / G. Toury. – Amsterdam, PA : Benjamins, 2012. – 350 p. – ISBN 978 90-272-2449-1.

Dyatlova A. M.

The Evolution of Scholarly Approaches to Understanding the Nature of Simultaneous Interpreting as a Form of Translation Activity

The article aims at analyzing the development of scholarly approaches that investigate the nature of simultaneous interpreting. The study is developed in order to determine the evolutionary stages of scholarly approaches considering simultaneous interpreting as a form of translation activity. The author gives the examples of implementation of the scientific provisions of approaches in practice of simultaneous interpreting and its didactics. The main trends of the modern scientific translation paradigm are formulated. The study contributes to the development of the theoretical foundations of translation theory. The results can be used to update educational programs and methods for training simultaneous interpreters.

Key words: *scientific approach, evolution of approaches, simultaneous interpreting, simultaneous interpreting theory, simultaneous interpreting practice, simultaneous interpreting didactics, simultaneous interpreting activity.*

Епифанова Татьяна Владимировна,
ассистент кафедры русского языкознания
и коммуникативных технологий
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
epifanova-tat@mail.ru

Сводки боевой обстановки в жанровой системе военного дискурса

В статье исследуются трансдискурсивные изменения в военном дискурсе, коснувшиеся жанровой системы. Показано, как влияние цифровизации и активизации личностного начала авторов текста трансформирует обычно строго регламентированный жанр передачи оперативной информации – сводки боевой обстановки. В современном военном дискурсе жанр сводки частично обновляет структурную модель и обретает свойства текстов «новой природы»: мультимодальность, поликодовость, лингвокреативность.

Ключевые слова: военный дискурс, массмедийное пространство, жанр, сводки боевой обстановки.

В периоды социальных потрясений и военных конфликтов вынужденно актуализируется военный дискурс. В массмедийном пространстве современности военный проблемно-тематический диапазон обширен: освещаются боевые действия, эксперты обсуждают ситуацию на фронте, проходят общественно-политические дебаты, посвящённые войне, выступают военные. Соответственно, жанровые рамки, необходимые для передачи разного рода информации и лингвопрагматического воздействия, оказываются подвижны. Жанровые параметры традиционных форматов текстов о войне – новости, репортажи с места боевых действий, сводки, комментарии экспертов, приказы, даже военные доктрины – меняются. Активные в дискурсе СМИ жанры, транслирующие информацию о войне, трансформируются, что позволяет говорить о деинституционализации жанровой стратегии военного дискурса [3]. Ввиду того, что жанровая система военного дискурса модернизируется под влиянием трансдискурсивных явлений, интерпретация изменений, происходящих в тех или иных устойчивых типах текстов о войне, представляется актуальной.

Цель статьи – анализ структурно-семантических изменений в модели жанра сводок боевой обстановки. Материалом исследования стали сводки, передаваемые в региональных СМИ Луганской Народной Республики в январе–феврале 2025 г. (<https://lug-info.ru/defence/>), и авторские сводки военного корреспондента, полковника запаса Геннадия Алёхина, размещаемые им в телеграм-канале «Адекватный харьковчанин» (далее – «АХ») (<https://t.me/s/alehingennadiy>).

Военный (возможные варианты: милитаристский, военный, военно-политический) дискурс активно исследуется в трудах Д. В. Васильева, Ю. Н. Сдобновой, А. В. Олянича, В. И. Теркулова, А. В. Уланова. В современной лингвистике очевидна недостаточность понимания военного

дискурса как особого вида речевой деятельности военнослужащих [5, с. 3], т. к. активизация роли СМИ в жизни общества и глобальная цифровизация приводят к тому, что «тексты о войне» актуальны не только для узкого круга представителей Вооружённых сил, но и для политиков, военных корреспондентов, общественных деятелей, рядовых граждан, столкнувшихся с реалиями войны. Поэтому следует согласиться с трактовкой Е. В. Вьюрковой, считающей, что милитарный дискурс – это «дискурсивные практики в традиционных и нетрадиционных формах, осуществляемые на базе концепта “война” и тесно связанные с другими типами институционального дискурса, воспроизводимого военными или гражданскими лицами <...>, контекстом которых обычно является политическая и геополитическая обстановка в стране и за рубежом» [1, с. 46].

Жанровая система милитарного дискурса сравнительно мало изучена: в частности, анализируются жанровое своеобразие англоязычного армейского дискурса (Е. А. Кучинская, Е. В. Ларченкова) и жанровое структурирование институционального военного дискурса (Д. Р. Фахрутдинова). Процессы трансформации милитарных «текстов новой природы» (Л. Н. Синельникова), т. е. текстов, в которых явлены категории поликодовости, мультимодальности, гипертекстуальности, попадают в фокус научного внимания ещё реже. Современный милитарный дискурс – это сложно организованная жанровая парадигма: с одной стороны, в ней очевидны строго регламентированные жанры, в основе инвариантной структуры которых лежат стандарт, унификация, коммуникативная обезличенность и декларативность (устав, приветствие, доктрина, приказ, директива и др.); с другой стороны, в результате смещения дискурсивных границ «текстов новой природы» (корреляции публицистического, массмедийного, политического и милитарного дискурсов в открытом информационном пространстве) появляются гибридные жанры, для которых характерно проявление мультимодальности (т. е. соотношения рационально-логических, информативных и оценочно-эмоциональных элементов в тексте) и активизация личностного начала при использовании элокутивных средств языка и нарушении языковой нормы (репортаж с места боевых действий, слоган, комментариев эксперта, аналитическая статья и др.). Ярким примером деинституционализации милитарного дискурса является жанр сводки.

Сводка представляет собой тип «открытого» текста, т. к. невозможно считать подобного рода жанр исключительно прерогативой публицистики: сводка как схематизированный конгломерат сведений является жанром деловой коммуникации. Сводка представляет собой малоформатный текст, в котором собрана оперативная информация об основных событиях, касающихся сферы деятельности определённого ведомства [6, с. 48]. Для формирования сводок используются различные документы и отчёты подразделений ведомства, а также альтернативные источники информации (для милитарного дискурса таковыми являются личные блоги военных корреспондентов, репортажи с места боевых событий). Коммуникативная цель сводки – передача оперативной информации, актуальной на момент публикации, однако этому жанру свойственна и когнитивная функция: «в процессе обобщения информации могут быть получены новые знания о предметной области, которая этой информацией описывается» [6, с. 48].

Сводки боевой обстановки – наиболее «популярный» жанр милитарного дискурса. С момента начала Специальной военной операции (далее – СВО) Министерство обороны Российской Федерации ежедневно публикует в официальных источниках актуальные сводки о произошедших в течение суток событиях, касающихся военных действий на территории Донбасса и Украины. Согласно постановлению Роскомнадзора, принятому в феврале 2022 г., при освещении событий, связанных с СВО, необходимо ссылаться на официальные источники информации Министерства обороны РФ. Это обусловило читательский интерес к альтернативным источникам оперативной информации – телеграм-каналам и личным блогам военных корреспондентов, в которых авторская активность строго не регламентирована. В свою очередь, внимание публики не к вышестоящим иерархически источникам информации, которые претендуют на объективность, достоверность и фактологичность при освещении военных событий, а к «нижестоящим» источникам приводит к тому, что под влиянием субъективного характера подачи и интерпретации информации блогерами и военкорами военная картина мира граждан может корректироваться (впрочем, как отмечает Ю. М. Ершов, Штаб Вооружённых Сил РФ неоднократно обращается к сведениям, передаваемым известными военными корреспондентами [4, с. 9–10]).

Структурная модель сводки боевой обстановки традиционно включает компоненты, которые в последние годы существенно стилистически модернизируются. Для текста сводки, как показывает анализ, становятся характерными такие категории, как мультимодальность, поликодовость, субъективность (выражение личностного начала автора, его представлений, взглядов, чувств, убеждений), в условиях информационного и военно-политического противоборства выполняющие прагматическую функцию, – т. е., по мысли А. В. Дроздовой, они «не дополняют информационный ряд, а воздействуют на массовое сознание, формируя оценочное отношение к образу врага и представление о происходящем» [2, с. 81–82].

1. Заголовок – стандартно обобщённый и схематичный, указывающий на произошедшее событие и включающий топонимы, со ссылкой на источник информации – в большинстве случаев это Министерство обороны или военный эксперт: *«ВС РФ нанесли поражение украинским боевикам, в том числе у Новолюбовки в ЛНР – Минобороны»*; *«Армия России освободила село Водяное Второе в ДНР – Минобороны»*; *«ВС РФ взяли под контроль три км берега реки на Сватовско-Кременском участке – Марочко»*. В ряде случаев заголовок передаёт стилистически маркированные косвенные цитаты с ярко выраженной оценочностью или призывом к действию, например: *«СК РФ: украинские боевики пытаются российских военнопленных ради удовольствия»*; *«Киев готовит резонансные антироссийские провокации. Что выявила разведка РФ»*; *«Глава Кременского округа призвал воздержаться от поездок по району из-за беспилотников ВСУ»*. Отметим и навигационные элементы сводки в современном цифровом пространстве. В Луганском информационном центре (далее – ЛИЦ) каждая сводка маркируется такими направляющими читателя элементами, как «Оборона» и «Эксклюзив». По существу, заголовок – сильная позиция любого текста (И. В. Арнольд) – в «сжатом» виде презентует информацию о событии на фронте или в военной сфере, формируя горизонт читательского ожидания и восприятия сводки.

В стилистическом и прагматическом отношении любопытен процесс метафоризации заголовка сводок у военкоров. Так, Г. Алёхин блок оперативной информации о «харьковском направлении» боевых действий называет *«Адекватный харьковчанин»* (с указанием даты публикации), а донецкий военкор Ю. Андриенко ведёт *«Сетевой дневник»*, в котором сообщает актуальные новости (в основном связанные с военными событиями) в Донецкой Народной Республике. Интерпретация боевой обстановки военкорами, таким образом, отчасти субъективна и интимна (оба заголовка связаны с нарративизацией личного опыта).

2. Оперативная информация – основной смысловой блок сводки. В нём информационно компактно сообщается о содержании военного события, характеризуется боевая обстановка: освобождение населённого пункта, продвижение на позициях, отражение атаки, обмен пленными, сведения о количестве поражённых военных объектов и убитых. Оперативная информация содержит ссылки на различные источники (ведомства Министерства обороны, сообщения корреспондентов, очевидцев, военных экспертов, политиков и др.), подтверждается иллюстрирующей цитатой и изображениями (карт местности, фотографий с места боевых событий), видеороликами, создающими поликодовое текстовое пространство. Типичный пример оперативной информации, подаваемый в сводке ЛИЦ, таков: *«Российские подразделения взяли под контроль участок административной границы ЛНР южнее поселка Белогоровка, относящегося к Лисичанску. Об этом ЛИЦ сообщил военный эксперт Андрей Марочко, ссылаясь на собственные источники. “ВС РФ взяли под контроль участок административной границы ЛНР южнее Белогоровки”, – заявил Марочко»* (ЛИЦ от 04.02.2025). Цитаты экспертов и значимая информация чаще всего графически выделены полужирным шрифтом или курсивом, что задействует поликодовые ресурсы современного цифрового текста. Например, Г. Алёхин всегда графически выделяет то, что желает отметить особо: *«Хочется отметить огромную **работу, которую проводят инженерно-сапёрные подразделения**»* («АХ», 2 февраля); *«**Любопытные моменты от моих осведомлённых источников...**»* («АХ», 29 января).

Содержательно основной блок сводки, как уже было отмечено, фокусируется на освещении боевой обстановки или интерпретации того или иного военного события. Коммуникативной тактикой информирования в сводке становится частое упоминание **числовых данных** (*«за **пять** месяцев боев украинские войска потеряли свыше **70%** личного состава своей группировки – более **26 тыс.** военнослужащих»* (ЛИЦ от 07.02.2025), *«Силловые структуры пресекли **23** теракта с начала года в России»* (ЛИЦ от 11.01.2025)), **антропонимов** (имена политиков, глав правительственных ведомств, военных экспертов), **топонимов** (ЛНР, ДНР, названия населённых пунктов, *Купянское направление, Харьковское направление* и т. д.), **военных терминов** (*тактическое положение, гуманитарный коридор, живая сила, улучшить позиции, ВПК, ПВО, контраступление* и проч.).

Анализ лексики и синтаксиса сводок из официальных источников показывает, что в них доминируют признаки, необходимые для объективного языкового изображения действительности: преобладание существительных, отсутствие эмоционально-оценочной лексики, которая фигурирует исключительно в высказываниях от первого лица, модальная рамка

уверенности благодаря апелляции к авторитетным источникам, преобладание простых и сложноподчинённых предложений, обилие однородных членов предложения, наличие вводных и вставных конструкций.

Стилевая специфика сводок военкоров иная: в ней очевидны мультимодальность, эмоциональность, интимность интонации, смешение функциональных стилей, доминанта разговорного регистра речи, порой – использование грубой и обсценной лексики, метафоризация и элокутивность: *«Вот такая цена вопроса хвалёной, широко разрекламированной 155 бригады»* («АХ», 23 января); *«Мы прочно владеем оперативно тактической инициативой»*, *«После обнаружения их встречает плотным огнём»* («АХ», 25 января); *«За какое-то вознаграждение, какими-то уговорами их туда свозят, и срок обучения, по свидетельству моих источников, максимум 2 недели»* («АХ», 27 января). Усиление личностного начала обуславливает обилие орфографических, пунктуационных и грамматических ошибок, но и активизирует лингвокреатив: *«Санёрное дело, как установить мины-ловушки, как пользоваться оружием ближнего боя»* («АХ», 29 января).

3. Факультативно возможен **заключительный блок** сводки, используемый региональными СМИ, – **хэштеги** после текста, создающие гипертекстовое цифровое пространство для упрощения поиска необходимой информации и её дальнейшей типологизации. Такой компонент сводки возможен только в интернет-пространстве (в газетах «Новороссия», «Жизнь Луганска», «Республика», «XXI век» при формировании сводок хэштеги не продуктивны). ЛИЦ формирует хэштеги по укрупнённым тематическим группам: наблюдения показывают, что это *источник информации и имена экспертов* («СК_РФ», «ТАСС», «ФСБ», «Минобороны_РФ», «Марочко», «Путин»), *топонимы* («Белогоровка», «ДНР», «ЛНР», «Кременский_район», «Сватовский_район»), *классификация события* («потери ВСУ», «освобождение», «удар», «пленные», «пытки», «безопасность», «терроризм», «потери»), *тип войск*, участвующих в боевом событии («авиация», «ПВО», «ракетные_войска»). Характерно, что хэштеги, классифицирующие события, намеренно оценочны и направлены на формирование устойчивого общественного мнения о произошедшем.

Итак, анализ структурно-семантической модели сводки показал, что в условиях информационного и военного противоборства этот жанр трансформируется: в современном милитарном дискурсе, связанном с массмедиа и политикой, он выполняет как информативную, так и прагматическую функцию, участвуя в формировании общественного мнения, что отражается на языковой выразительности сводки – актуализации поликодовости, мультимодальности, субъективности текста.

Проведенное исследование открывает ряд перспектив для дальнейших исследований милитарного дискурса и смежных областей.

1. Более широкий эмпирический материал. Необходимо расширить базу данных для анализа, включив сводки из других регионов, стран и периодов военных конфликтов. Это позволит выявить общие тенденции и специфические региональные особенности трансформации жанра.

2. Сопоставительный анализ жанров милитарного дискурса. Целесообразно провести сопоставительное исследование трансформации других жанров милитарного дискурса (репортаж, интервью с военными, аналитическая статья) для выявления общих механизмов

деинституционализации и гибридизации жанровой системы. Это позволит построить более полную картину изменений, происходящих в милитарном дискурсе в целом.

3. Психолингвистический анализ воздействия милитарного дискурса. Важно исследовать, как трансформация жанров и использование специфических языковых средств в милитарном дискурсе влияют на восприятие информации и формирование общественного мнения.

4. Исследование этических аспектов трансформации милитарного дискурса. Необходимо изучить этические последствия деинституционализации жанров и активизации личностного начала в текстах о военных действиях.

5. Разработка методологии анализа мультимодальных текстов милитарного дискурса. В связи с усилением роли визуальных и аудиокomпонентов в современных текстах необходимо разработать методологию анализа мультимодального милитарного дискурса, учитывающую взаимодействие вербальных и невербальных элементов.

Эти направления исследований позволят не только углубить понимание процессов, происходящих в милитарном дискурсе, но и разработать инструменты для противодействия дезинформации и манипуляциям в условиях военных конфликтов и социальных потрясений.

Список литературы

1. **Вьюркова, Е. В.** Сопоставительный анализ милитаристского дискурса политической элиты США и Франции : на материале английского и французского языков : спец. 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук / Вьюркова Екатерина Васильевна ; Рос. ун-т дружбы народов. – Москва, 2017. – 211 с.
2. **Дроздова, А. В.** «Нескучные новости»: о тактиках информирования в эпоху глобального военно-политического противостояния / А. В. Дроздова // Вестник Луганского государственного педагогического университета. Серия 3, Филологические науки. Медиакоммуникации. – 2023. – № 3(103). – С. 79–82.
3. **Епифанова, Т. В.** Жанровые стратегии современного милитарного дискурса / Т. В. Епифанова // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VIII Междунар. науч.-практ. конф. (Пенза, 28–29 марта 2024 г.) / под ред.: Г. И. Канакиной, И. Г. Родионовой. – Пенза, 2024. – ISBN 978-5-907807-96-9. – С. 22–28.
4. **Ершов, Ю. М.** Репрезентация специальной военной операции в СМИ Юга России / Ю. М. Ершов // Известия Уральского федерального университета. Серия 1, Проблемы образования, науки и культуры. – 2024. – Т. 30, № 1. – С. 5–18.
5. **Уланов, А. В.** Русский военный дискурс XIX – начала XX века: структура, специфика, эволюция : спец. 10.02.01 «Русский язык» : дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук / Уланов Андрей Владимирович ; Омский гос. ун-т им. Ф. М. Достоевского. – Омск, 2014. – 494 с.
6. **Чубинидзе, К. А.** Структурированная интерпретация сводок оперативной информации / К. А. Чубинидзе // Межотраслевая информационная служба. – 2004. – № 3-4. – С. 48–60.

Epifanova T. V.

**Summaries of the Combat Situation in the Genre System
of Military Discourse**

The article examines the transdiscursive changes in the military discourse that affected the genre system. It is shown how the influence of digitalization and activation of the personal nature of the authors of the text transforms the usually strictly regulated genre of transmitting operational information – summaries of the combat situation. In modern military discourse, the genre of summary partially updates the structural model and acquires the properties of texts of a «new nature»: multimodality, polycode, linguistic creativity.

Key words: military discourse, media space, genre, combat situation reports.

Камышева Марина Николаевна,
преподаватель кафедры романо-германской филологии,
аспирант 1 курса,
научная специальность
5.9.8. «Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика»
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
zamoshnikova1993@bk.ru

Функционирование пейзажного концепта в романтическом дискурсе

В статье рассматриваются особенности вербализации пейзажного концепта в произведениях французских романтиков, его роль в передаче эмоционального состояния и философских взглядов автора, анализируется символика природы и её влияние на формирование когнитивной поэтики романтического дискурса. Пейзажный концепт – один из важнейших конструктов, играющих значительную роль в создании индивидуально-авторской картины мира. Автор использует ассоциативные связи с природой не только для характеристики героев, создания особенного настроения, но и для правильного восприятия текста читателем. Подчеркивается, что лингвокогнитивная специфика концепта раскрывает романтическое восприятие природы, выражающее также отношение личности к общественным условиям ее существования.

Ключевые слова: романтизм, пейзажный концепт, французская литература, когнитивная поэтика, символика природы.

До недавнего времени пейзажное описание изучалось преимущественно в литературоведении. Оно также привлекало внимание лингвистов, но главным образом с точки зрения его лексического и стилистического содержания. Творчество французских романтиков занимает значительное место не только во французской литературе, но и в мировом литературном наследии. Пейзажный концепт становится важным компонентом литературного произведения, выражающим единство человека и природы. До сих пор французские ученые (A. Berque, J. Carion, M. Kessler, A. Roger) изучали пейзажный концепт романтизма преимущественно в литературоведческом ключе. Однако в свете развития современной лингвокогнитивной парадигмы эти исследования требуют дальнейшего углубленного анализа, что обуславливает актуальность данной работы в контексте когнитивной поэтики.

Объектом нашего исследования является пейзажный концепт в языковой картине мира писателей эпохи романтизма.

Цель исследования обусловлена выявлением особенностей вербализации пейзажного концепта в лирических произведениях французских романтиков.

В начале XIX века развитие литературного процесса европейских стран оказалось тесно связанным с восприятием или отрицанием Французской революции 1789–1794 годов. Этот исторический контекст продолжал оказывать влияние на литературу на протяжении всего столетия. Романтизм

можно рассматривать как специфический культурный и идеологический ответ на вызовы, возникшие в результате Французской революции, которая ознаменовала завершение эпохи Просвещения и стала символом перехода к новому этапу исторического развития. Художники, писатели и музыканты выступили свидетелями масштабных исторических событий и революционных трансформаций, кардинально изменивших привычный ход жизни. Многие из них с энтузиазмом восприняли эти изменения. Однако с течением времени пришло осознание, что новый социальный строй не соответствует тем представлениям об обществе, которые были сформулированы философами XVIII века, что привело к разочарованию [1, с. 246]. Французские писатели начала столетия ощущают неизбежность изменений, неразрывную связь своей судьбы с историческими процессами и постоянную необходимость человека обращаться к внутреннему миру для постижения внутренних противоречий и сложности. Стремление уйти от реальности, совмещенное с попытками её осмысления, порождает новую систему взглядов – романтизм.

В искусстве появляются новые критерии: свобода самовыражения, акцент на уникальных, неповторимых чертах личности, естественность, искренность и раскованность, которые заменяют классические образы XVI века. Романтики отвергают рационализм и практицизм эпохи Просвещения, считая их механистичными, безличностными и искусственными. Вместо этого они восхваляют эмоциональную выразительность и вдохновение. Ощущая себя свободными от упадочной аристократической системы, они стремятся выразить свои новые идеи. В их жизни происходит перемена социальной роли. Они находят отклик среди среднего класса, который готов не только поддержать, но и преклоняться перед художником. Сдержанность и смирение отступают, уступая место сильным эмоциям, порой доходящим до крайностей.

Продвигая новые идеи, французским авторам становится невероятно сложно отречься от традиционного влияния классицизма. Тем не менее, радикальные перемены в восприятии мира французами находят отражение в пересмотре концепций вселенной и человеческой сущности. В конце XVIII столетия появляется книга Ж. де Сталь «О влиянии страстей на счастье людей и народов» [4, с. 363–374], которая культивирует мысль о том, что изменение сознания человека как индивидуального целого может подготовить «рассмотрение последствий их объединения в общество». Она возвышает любовь – «страсть, где меньше всего эгоизма» [4, с. 371]. В этом произведении в центр внимания автор ставит личность, тем самым определяя характерные черты романтизма. Природа романтизма приобретает черты антропоцентричности. Однако в эпоху романтизма претерпевает изменения и представление о природе, о ее взаимодействии с человеком.

Итак, рассмотрим особенности понимания природы на примере романтического поэтического текста, поскольку именно он предстает тем глубоко символическим дешифратором вечного Универсума. Поэзия Просвещения и сентиментализма содержала ключевые черты зарождающегося нового восприятия мира, но в ряде аспектов писатели не отошли от идей своих предшественников [5, с. 210].

Романтизм характеризуется ощущением единства человека и природы. Неразрывность человека и природы, общее для всех романтиков, выражается разными авторами по-своему.

В центре внимания в произведениях романтиков всегда находится природа, однако, целью ее описания является внутренний мир человека со всеми его переживаниями и волнениями. Можно сделать вывод, что описание природы для романтиков всегда сводится к трактовке понимания их внутреннего мира. Автор как носитель культурной идентичности своего народа пропускает через себя и свой личный опыт, и устоявшиеся образы, и символы, а затем в поэтическом или прозаическом произведении формирует собственный уникальный концепт [3, с. 75].

Тем не менее, для многих романтиков описание природы – путь к пониманию внутреннего мира человека: *l'automne* (стихотворение «L'automne» А. де Ламартина и *les soleils couchants* (стихотворение «Soleils couchants» В. Гюго [8] становятся образами упадка их прошлой жизни, в то время, как *le vent qui gémit u le roseau qui soupire* (стихотворение «Le lac» А. де Ламартина) символизируют настоящие эмоции поэтов. Романтики, в отличие от социальных реалистов, стремились к углублённому самопознанию и внутреннему миру. Они использовали природу как зеркало для своих размышлений, что подчёркивало их дистанцированность от социальных проблем и ориентацию на самоанализ.

В стихотворении «Le vallon» А. де Ламартина [9] концепт NATURE (ПРИРОДА), которая «*t'aime*» et «*t'entoure*» 'любит тебя' и 'окружает', выражает наивысшую степень эмоций человека: «*Mais la nature est là qui t'invite et qui t'aime*». Интимное общение, существующее между этой защищающей природой и чувственностью поэта, подчеркивается использованием глаголов, которые усиливают выражение: «*Suis le jour dans le ciel, suis l'ombre sur la terre*» [9]. К тому же, в стихотворении «L'automne» описываются эмоциональные отношения между поэтом и природой: поэт приветствует природу как живое существо, и в знак благодарности она согласна быть в гармонии с его настоящими чувствами: «*Salut! bois couronnés d'un reste de verdure! Feuillages jaunissants sur les gazons épars! Salut, derniers beaux jours!*» [9]. Картина осени передает внутренний мир лирического героя: «*Le deuil de la nature convient à la douleur et plaît à mes regards!*» [9]. Симметричная структура последней строфы «*La fleur tombe... moi, je meurs...*» [9] передает эту параллель между душой и природой.

Индивидуальный подход автора прослеживается в обоих вариантах, как подчеркивает Г. Шарлье, однако поэтическое измерение отличается: в первом случае акцент делается на отображении реальности, а во втором на первый план выходит внутреннее состояние, передаваемое при помощи пейзажа, созвучного этому состоянию. Романтическое восприятие природы характеризуется выраженным стремлением к побегу человека из реальности в мир фантазий. Поэт ищет убежище в природе, стремясь отстраниться от сложных реалий жизни, разочарований и внутреннего напряжения. Взаимодействие с природой приносит ему утешение и восстанавливает жизненные силы [5, с. 216].

Кроме того, в романтической поэзии природа может предстать в образе страдающей матери, скорбящей из-за судеб её народа. Идея о том, что природа сопереживает человеку получила в литературе название «лирического сочувствия» [5, с. 219].

Во французской романтической поэзии концепт NATURE (ПРИРОДА) может трансформироваться в концепт TERRE NATALE (РОДНАЯ ЗЕМЛЯ),

подчиняясь теме о Родине. Приведем пример стихотворения А. де Ламартина «Milly ou la terre natale», в нем используется восклицательная риторическая фигура речи – апострофа, адресованная к самому Богу: «*Ne permets pas, Seigneur, ce deuil et cet outrage!*» [9]. В следующей строке также находим восклицание: «*Ne souffre pas, mon Dieu, que notre humble héritage*» [9]. Глагол *souffrir*, использованный в значении «принимать», – это устаревшая форма. Описание любви к родной земле часто встречается в лирике А. де Ламартина.

Романтизм является многосторонним литературным направлением, в рамках которого особое значение придается описанию природы. Поэты-романтики обращали особое внимание на окружающий мир, они совершили «открытие природы». Уход от реальности в мир духа не всегда удовлетворял романтиков. Они стремились, чтобы их идеалы, несмотря на свою духовную сущность, не оставались лишь эфемерными мечтами, а обретали более осязаемые очертания [2, с. 121].

Наиболее эффективным способом уйти от реальности стал «побег в мир мечты» – «погружение в природу». «Природа – это идеал», – утверждал немецкий романтик Новалис: «Природа – это окаменевшие чары» [2, с. 121]. Для романтиков природа – это не просто нечто неодушевленное. Она всегда представляет собой духовную жизнь. В природе романтик неизменно находит отражение либо собственных внутренних переживаний, либо идеального бытия, составляющего предмет его грез.

Оживление природы в восприятии – один из любимых поэтических мотивов романтиков. Природа противопоставляется обществу, убивающему личность. Чаще всего они описывали дикую, нетронутую человеком природу [6, с. 85]. В природе вещи предстают такими, какие они есть, в отличие от человеческих творений, техники и искусства. В противовес последствиям Первой индустриальной революции, которая способствовала загрязнению городов и приковыванию человека к машинам, природа символизирует свободу, согласие и мир.

Концепт *NATURE* в романтическом искусстве часто представляет собой свободную стихию, которая образует красивый мир, выделяющийся на фоне человеческого существования. В этой связи особую значимость приобретает водная стихия, воплощённая в концепте *MER (MERE)*, олицетворяющем необъятную широту и величественную мощь в то время, как концепт *MONTS/MONTAGNES (ГОРЫ)* демонстрирует их превосходство и нетронутую красоту. Изображение гор в романтическом искусстве является символом и ассоциируется с высотой человеческого духа.

Такое видение природы ярко представлено в творчестве Ф.-Р. Де Шатобриана. В его выдающемся произведении «*Mémoires d'Outre-Tombe*» [7] концепт *MER* занимает центральное место. С самого начала произведения читатель осознаёт, что *MERE* интерпретируется как ЧЕЛОВЕК, воплощая образ самого автора и его судьбы. Также важно отметить метафорическую концептуальную схему *MERE ЕСТЬ ВРЕМЯ*, представляющую роль моря в технике наслаивания различных временных аспектов.

Море воспринимается как горизонтальная и вертикальная безграничность, являясь одновременно пустыней и пропастью («*désert*» и «*abîme*»). К этим двум измерениям добавляется глубина неба, особенно

в ночное время, что играет значительную роль в морских сценах автора. Он ощущает безграничность над головой и необъятность под ногами; жизнь протекает между этими двумя измерениями. Пропасьть может поглотить, но она также сохраняет в своей плоскости хрупкие живые существа. В наиболее характерных произведениях Ф.-Р. Де Шатобриана человеческая жизнь изображается как полет над пропастью, который не может остановиться: «*Ainsi se croisent dans les vents et sur les flots les inconstantes destinées humaines; riantes ou funestes, le même abîme les porte et les engloutit*» [7].

Видя в природе воплощенный идеал, романтики также стремились наделять людей, связанных с природой, её качествами. Они восхищались простыми и свободными крестьянами, которые живут среди природы и неразрывно связаны с ней [2, с. 129].

Подводя итог, отметим, что романтическая интерпретация природы заключается в изображении природы с целью показать личное отношение и реакцию на быстро меняющиеся социальные условия. Для писателей-романтиков природа не выступает «мертвым атрибутом». Они видят в ней зеркало изображения душевного состояния, поэтому природа наделяется смыслом, который часто более красноречив, чем значение слов. Перспективным является рассмотрение пейзажного концепта в лирических произведениях разных периодов с целью выявления сходств и различий его стилистических и лингвокогнитивных особенностей, а также изучения влияния пейзажных описаний на восприятие читателя и эмоции героев.

Список литературы

1. Андреев, Л. Г. История французской литературы / Л. Г. Андреев – Москва : Высшая школа, 1987. – 546 с.
2. Ванслов, В. В. Эстетика романтизма / В. В. Ванслов. – Москва : Искусство, 1966. – 403 с.
3. Скляр, Н. В. Концептосфера поэтического произведения эпохи немецкого романтизма / Н. В. Скляр. – Текст : электронный // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. – 2017. – Т. 13, № 1–2(35–36). – С. 72–81. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30636722> (дата обращения: 02.02.2025). – Режим доступа: для авториз. пользователей Научной электронной библиотеки «eLibrary.Ru». – EDN: ZUKZYP.
4. Сталь, Ж. О влиянии страстей на счастье людей и народов: литературные манифесты западноевропейских романтиков / Ж. Сталь. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1980. – 630 с.
5. Хорват, К. Романтические воззрения на природу. Европейский романтизм / К. Хорват. – Москва : Наука, 1973. – 506 с.
6. Эстетика природы / [К. М. Долгов, П. Д. Тищенко, Т. Б. Любимова и др. ; редкол.: К. М. Долгов (председ.) и др.] ; Рос. АН, Ин-т философии. – Москва : ИФРАН, 1994. – 230 с. – ISBN 5-201-01842-4.
7. Chateaubriand, F. Mémoires d'Outre-tombe / F. Chateaubriand. – Texte : électronique // Ebooks libres et gratuits : [site]. – URL: https://www.ebooksgratuits.com/ebooksfrance/chateaubriand_memoires_outre-tombe.pdf (date de la requête: 02.02.2025).
8. Hugo, V. Tristesse d'Olympio / V. Hugo. – Texte : électronique // Bonjourpoesie – Poésie française : [site]. – URL: <http://poesie.webnet.fr/lesgrandsclassiques/>

poemes/victor_hugo/tristesse_d_olympio.html (date de la requête: 02.02.2025).

9. **Lamartine, A.** Le vallon / Alphonse de Lamartine. – Texte : électronique // Lettres-parsiennes : [site]. – URL: <http://www.lettres-parsiennes.net/textes-extraits/alphonse-lamartine/vallon.php> (date de la requête: 02.02.2025).

Kamysheva M. N.

The Landscape Concept of French Romantic Discourse

The article examines the features of the verbalization of the landscape concept in the works of French Romantics, its role in conveying emotional states and philosophical views of the author. The article analyzes the symbolism of nature and its influence on the formation of the cognitive poetics of the romantic discourse. The landscape concept is one of most important constructs that play a significant role in creating an individual authors worldview. The author uses associative connections with nature not only to characterize the characters, create a special mood, but also for the correct perception of the text by the reader. It is emphasized that the concept reveals a romantic perception of nature, which also expresses the attitude of a personality to the social conditions of its existence.

Key words: Romanticism, landscape concept, French literature, cognitive poetics, symbolism of nature.

Мамедова Анара Ровшан кызы,
аспирант кафедры иностранных языков
ФГАОУ ВО РУДН им. Патриса Лумумбы,
научная специальность 5.9.8. «Теоретическая,
прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика»
tammadova_anara@mail.ru

Гостеприимство как лингвокультурный концепт (на материале азербайджанского языка)

Статья посвящена исследованию понимания гостеприимства как лингвокультурного концепта в азербайджанской лингвокультуре. Для представления понимания о гостеприимстве анализируются различные источники, в том числе этнографические, культурологические, исторические, лингвистические работы. Показаны роль гостя, внимание к нему в азербайджанской культуре. Отдельно представлены группы лексем для обозначения предметов, необходимых для приготовления еды, а также наименования угощений – гастронимы. Особое внимание уделяется паремиологическому фонду азербайджанского языка. Выделены группы паремий: 1) о взаимности посещений в качестве гостей; 2) об угощении как признаке гостеприимства; 3) о продолжительности пребывания в гостях; 4) об уважительном приеме гостя на Востоке.

Ключевые слова: гостеприимство, азербайджанская лингвокультура, паремия, ценность, пословица, азербайджанский фольклор.

Практика рассмотрения устойчивых единиц разных языков как средств репрезентации концепта показала эффективность включения «в исследовательское поле сведений из различных гуманитарных наук» [10, с. 556]: гостеприимство свойственно многим культурам с древности. С точки зрения антропологии, оно рассматривается как социальный институт, который в древности подразумевал право каждого человека на приют и защиту [6, с. 6]. С позиций лингвоаксиологии гостеприимство можно считать духовной ценностью (по типологии, предложенной Т. В. Лариной): опирается на «социальный опыт общества» [9, с. 57]. Эта ценность «отождествляется с традициями народов Востока, исповедующих мусульманство», в христианском учении «отмечается почтительное уважение к гостю, при этом традиция странничества и традиции гостеприимства сопрягаются» [3, с. 177–178]. Традиции и ритуалы гостеприимства бывают очень близки по форме, однако разительно отличаются по своему содержанию у тюркских и других народов, поэтому свое наиболее адекватное описание (как и многие другие духовные ценности, репрезентированные в национально-культурной семантике языковых единиц и фольклорных текстов) приобретают только на широком поликультурном и полилингвальном фоне [2; 4].

Гостеприимство является одной из духовных ценностей многих народов [13], но для азербайджанского народа, согласно критериям

Г. Г. Слышкина, это лингвокультурный концепт [14, с. 5], для характеристики которого мы используем различные данные. Азербайджанский народ уважает древние традиции гостеприимства, которое стало одной из важных основ культуры. Азербайджанцы почитают традиции гостеприимства, стараются всегда следовать им. Они всегда относились к гостю радушно вне зависимости от его социального статуса, религиозной или этнической принадлежности. В Азербайджане всегда следовали идее о том, что гость – от Бога.

Еще древние тюрки свято чтили обычаи гостеприимства, которое занимало особое место в ценностной картине мира древних тюрков. В первом в истории тюркской лексикографии словаре Махмуда ал-Кашгари приводятся многочисленные свидетельства тюркского гостеприимства в виде пословиц и стихов. Вот некоторые из них «Когда (к тебе) приходит гость, с ним приходят удача и счастье»; «Если гость приходит к тебе в поношенной одежде, с тяжелым сердцем, предложи ему пищу, которая есть, и не медли с помощью» [7, с. 43].

В огузском эпосе «Книга моего деда Коркута» («Китаб-и дэдэм Коркут») сказано: «Черным домам, куда не приходит гость, лучше обрушиться» [8, с. 12] – это значит, что без гостей дому не будет благословения. В этой связи можно привести азербайджанскую пословицу *Qonaq bərakət gətirər* («Гость приносит благословение»). Древние огузы являются предками трёх современных народов – туркмен, турок и азербайджанцев. Огузский героический эпос, записанный в Средние века, отражает историческое прошлое этих народов, описывает традиции и обычаи тюркских кочевых народов. Уже тогда гостеприимство считалось неперенным долгом человека. В книге характеризуется идеал женщины, который также связан с гостеприимством: «Опора своего дома, это та, которая, когда из степи приходит гость, когда муж ее на охоте, она того гостя накормит, напоит, уважит и отпустит» [8, с. 13]. Одной из основных добродетелей женщины в те времена считалось соблюдение традиций гостеприимства. И в последующие периоды этот обычай получил широкое распространение в жизни азербайджанского народа.

Ахмедов А. С. в работе о гостеприимстве азербайджанцев в эпоху правления Сефевидов (XVI–XVIII вв.) приводит свидетельства европейских путешественников о гостеприимстве жителей Азербайджана. Так, по словам венецианского посла, проезжавшего по Азербайджану, жители этого края отличались дружеским отношением к иностранцам, независимо от их религии [1, с. 90].

Главным элементом в традиции гостеприимства азербайджанцев всегда был уважительный прием гостей. Гость имел право на гостеприимство, которое было обязанностью хозяев. Хозяева должны были обеспечить гостю безопасность, кров, питание и отдых. Важным элементом азербайджанского гостеприимства издавна считалось угощение. Иностранные путешественники много писали о гостеприимстве азербайджанцев и о разнообразии блюд, подаваемых гостям. Особое место в Азербайджане занимает хлеб (*çörək*), выпеканием которого занимались в основном женщины. Широко распространена выпечка хлеба в традиционных печах – тендирах (*təndir*). Если двор большой, для хлебной печи строилось специальное помещение – *təndirxana*. В Азербайджане выпекали более 50 видов хлеба [5, с. 528]. Когда жители Баку приглашали гостей на свои семейные праздники, они

угощали их множеством блюд, среди которых особенно популярны дюшбере (*düşbəre*) и кутабы (*qutab*). Бакинские пельмени дюшбере из жирных частей баранины или говядины, смешанных с курдючным жиром, отличаются очень маленькими размерами. Вершиной кулинарного искусства считается, когда в одной ложке умещается 12–15 штук дюшбере [5]. После дюшбере обычно угощали кутабами. В работе П. Исмаилзаде отмечается: «Когда бакинцы приглашали гостей на какие-нибудь свои церемонии или торжества, они обязательно объявляли, что будут готовить *düşbəraqutab*. Это сочетание блюд было неременной частью подношений со стороны невесты в дом жениха» [5]. Праздничные столы накрывались красиво, а каждому гостю подавали «мутаку (*«назбалиш»* – декорированную, набитую шерстью подушку или *«nimdər»* – тюфячок), а по центру ставили *dəstərhan* («скатерть с яствами»). До и после еды в специальной посуде (*afmafa-maz*) приносили воду, чтобы гость вымыл руки. В городских районах для мытья рук после еды (*gülab suyu*) использовали розовую воду [5, с. 534]. Хозяин мог обидеться, если гость ел мало из предложенных ему блюд – это расценивалось как неуважение к хозяину.

В XIX в. на Кавказе побывал французский учёный Элизе Реклю, который также подчеркивал гостеприимство азербайджанцев. Он писал, что «только им присуща такая редкая искренность, честность, далекая от искушения, чрезмерная доброта и гостеприимство» [1, с. 90]. Сохранилось описание французского писателя А. Дюма о гостеприимстве жителей села Бины, которое находилось неподалёку от Баку: «Они не разрешили нам переночевать в невзрачном караван-сарае; местные жители тепло встретили нас и отвели в дом, покрытый ковром; они прибежали встретить нас, принесли виноград, яблоки, гранаты и другую еду; до поздней ночи люди разговаривали с нами, играли музыку, пели в хоре и танцевали группами» [5, с. 535].

Обычаи гостеприимства нашли отражение в азербайджанском фольклоре, прежде всего, паремиях, которые в данном случае выполняют кумулятивную функцию. Мы выделили четыре группы паремий о гостеприимстве [12]. Первая группа пословиц говорит о взаимности посещений в качестве гостей. Азербайджанская пословица рекомендует: *Qonaqlıq yaxşı şeydi, bir gün bizdə, bir gün sizdə* («Ходить в гости – хорошее дело, один день у нас, другой день – у вас»). Кодекс гостеприимства предполагает, что гость должен обязательно пригласить хозяев к себе [11, с. 72]. Ко второй группе паремий относятся единицы, считающие угощение важным признаком гостеприимства: *Qonaq sevənin süfrəsi boş qalmaz* («Стол гостеприимного не останется пустым»). В третьей группе регламентирована продолжительность пребывания в гостях, азербайджанская пословица рекомендует гостить один день: *Qonaq bir gün olar* («Гость на один день»). Уважительный прием на Востоке, в частности в Азербайджане, с древних времен считался правом гостя, долгом и обязанностью принимающей стороны, независимо от этнической и религиозной принадлежности [1, с. 91]: *Qonağa hörmət eylə, əgərçi kafir də olsa* («Уважайте гостя, даже если он кафир (неверный)»).

Таким образом, гостеприимство относится к числу базовых культурных ценностей азербайджанской лингвокультуры, лингвокультурным концептом, отражающим одну из характерных черт культуры народа. Традиции гостеприимства также зависят от вероисповедания, культуры

народа в целом. Влияние оказывает общий социо-историко-культурный контекст (термин О. В. Ломакиной). Гостеприимство является ценностной константой азербайджанской лингвокультуры, что находит отражение в паремиологическом фонде, а также вербализуется при помощи гастронимов.

Список литературы

1. **Ахмедов, А. С.** Традиции приема гостей в Азербайджане в трудах европейских авторов, пишущих о сефевидах / А. С. Ахмедов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2017. – Вып. 4(788). – С. 88–96.
2. **Бредис, М. А.** Лингвокультурологический комментарий в полилингвальных словарях пословиц / М. А. Бредис, Е. Е. Иванов. – Текст : электронный // Вопросы лексикографии. – 2022. – № 26. – С. 5–29. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturologicheskiy-kommentariy-v-polilingvalnyh-slovaryah-poslovits?ysclid=m9bnld2khc538510382> (дата обращения: 10.04.2025). – Режим доступа: Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». – DOI: <https://doi.org/10.17223/22274200/26/1>.
3. **Гишкаева, Л. Н.** Репрезентация концепта «гостеприимство» в паремиологии (на материале родственных и неродственных языков) / Л. Н. Гишкаева, Д. Д. Комова, О. В. Ломакина // Когнитивные исследования языка. – 2022. – № 3(50). – С. 177–180.
4. **Иванов, Е. Е.** Лингвокультурологический комментарий в тувинско-русско-английском паремиологическом словаре / Е. Е. Иванов. – Текст : электронный // Новые исследования Тувы. – 2023. – № 1. – С. 243–258. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturologicheskiy-kommentariy-v-tuvinsko-russko-angliyskom-paremiologicheskom-slovare?ysclid=m9bn7duzv863918128> (дата обращения: 10.04.2025). – Режим доступа: Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». – DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.14>.
5. **Исмаилзаде, П.** Традиционные блюда в системе питания азербайджанцев / П. Исмаилзаде // История, археология и этнография Кавказа. – 2021. – Т. 17, № 2. – С. 523–541.
6. **Кабакова, Г. И.** Русские традиции застолья и гостеприимства / Г. И. Кабакова. – Москва : Форум : Неолит, 2015. – 463 с. – ISBN 978-5-91134-868-7.
7. **Кашгари, М.** Дивāн Луғāt ат-Турк / ал-Кашгари Махмуд ; пер., предисл. и коммент. З.-А. М. Ауэзовой ; индексы сост. Р. Эрмерсом. – Алматы : Дайк-Пресс, 2005. – 1288 с. – ISBN 9965-699-74-7.
8. **Книга моего деда Коркута.** Огузский героический эпос / пер. В. В. Бартольда ; изд. подгот.: В. М. Жирмунский, А. Н. Кононов. – Москва ; Ленинград : Изд-во Акад. наук СССР, [Ленингр. отд-ние], 1962. – 301 с.
9. **Ларина, Т. В.** Категория вежливости и стиль коммуникации : сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций / Т. В. Ларина. – Москва : Языки славянских культур, 2009. – 512 с. – ISBN 978-5-9551-0297-9.
10. **Ломакина, О. В.** Роль интегративных исследований в характеристике лингвокультурного концепта / О. В. Ломакина // Когнитивные исследования языка. – 2024. – № 5(61). – С. 556–560.

11. Мамедова, А. Р. Образ хозяина как отражение концепта ГОСТЕПРИИМСТВО в азербайджанских паремиях (на фоне ряда тюркских, славянских и германских языков) / А. Р. Мамедова // Когнитивные исследования языка. – 2024. – № 1(57). – С. 69–73.
12. Мамедова, А. Р. Репрезентация концепта гостеприимство в азербайджанских пословицах (на фоне паремий ряда разноструктурных языков) / А. Мамедова // Когнитивные исследования языка. – 2024. – № 5(61). – С. 668–673.
13. Нелюбова, Н. Ю. Метафорическое представление гастрономического культурного кода во французских, русских и тувинских паремиях: аксиологический аспект / Н. Ю. Нелюбова // Когнитивные исследования языка. – 2023. – № 2(53). – С. 458–465.
14. Слышкин, Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты : спец. 10.02.19 «Теория языка» : автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра филол. наук / Слышкин Геннадий Геннадьевич ; Волгогр. гос. пед. ун-т. – Волгоград, 2004. – 39 с.

Mammadova A. R.

Understanding Hospitality in Azerbaijani Linguoculture (Based on the Azerbaijani Language)

The article is devoted to the study of the understanding of hospitality as a linguacultural concept in the Azerbaijani linguaculture. To present the understanding of hospitality, various sources are analyzed, including ethnographic, cultural, historical, linguistic works. The role of the guest, attention to him in the Azerbaijani culture are shown. A group of lexemes for denoting items necessary for cooking, as well as the names of treats (gastronims) are separately presented. Particular attention is paid to the paremiological fund of the Azerbaijani language. Groups of paremias are identified: 1) about reciprocity of visits as guests; 2) about treats as a sign of hospitality; 3) about the duration of stay as a guest; 4) about a respectful reception of a guest in the East.

Key words: *hospitality, Azerbaijani linguoculture, paremia, value, proverb, Azerbaijani folklore.*

Миргородская Анна Юрьевна,
канд. филол. наук, доцент,
доцент кафедры русского языкознания и
коммуникативных технологий
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
mirgorodskaya.a.u@mail.ru

Риторические компоненты научного дискурса

Риторические компоненты научного дискурса способствуют актуализации научных исследований, эффективному продвижению научных концепций в условиях современного цифрового пространства. Риторика науки, акцентируя внимание на языковом оформлении, указывает на важность представления мысли в ее динамике, использования достаточного количества примеров и аналогий. Шаблонность и речевая избыточность в научном дискурсе противопоставляются конструкциям, которые характеризуют процесс размышления и способны вызвать интерес к научной проблематике.

Ключевые слова: научный дискурс, риторика науки, процесс размышления, пример, аналогия.

На современном этапе научный дискурс должен соответствовать многочисленным параметрам, среди которых не только точность, логичность и обоснованность, но и рациональность в использовании риторических принципов для эффективного продвижения научных идей. Многочисленные примеры показывают, что даже наиболее значимые исследования могут остаться незамеченными, если будут изложены формально, отстраненно, непрактично. «Любая репрезентация научных текстов всегда является так или иначе риторически нагруженной, даже если она оформлена только на языке математики», – утверждают ученые [5, с. 65]. Причем цель науки, которая состоит в поиске истины, не противоречит риторическому представлению результатов исследования и эффективному их продвижению.

Риторика науки стала предметом междисциплинарного осмысления в ряде работ, среди которых исследования Г. В. Гриненко «Риторика науки и научные дискурсы», Н. Ю. Козловой «Наука и риторика: современный контекст», Э. Р. Лассан «Существует ли риторика научного дискурса?», Г. Г. Хазагерова «Обессмысливание научного дискурса», В. И. Чуешова «Риторика науки: от старой к новой парадигме» и т. д. Труды ученых, посвященные этой проблематике, отображают современные тенденции к формализации и унификации, что приводит к «дисфункции научного дискурса» [8, с. 5].

Актуальность статьи связана с неоднозначностью и дискуссионностью понятия «риторика науки», расширением в научном дискурсе арсенала риторических средств, используемых для нешаблонного, динамичного изложения. Еще с античных времен «риторика» и «наука» рассматривались как противоположные понятия. Ученые связывают этот процесс с сократовской критикой красноречия и софистики, а также следующими этапами развития

философской мысли, углубляющей «представления о риторике и науке как несовместимых явлениях социальной жизни» [5, с. 19].

Целью нашего исследования станет рассмотрение риторических компонентов научного дискурса. Достижение поставленной цели обуславливает выполнение ряда задач:

- изучить причины разрыва между риторикой и наукой;
- выявить критерии «дисфункции» научного дискурса;
- проанализировать примеры использования риторических компонентов в научных статьях.

Несмотря на то, что научное изложение опирается на риторический канон, описывающий этапы подготовки речи, теорию аргументации, разработанную риториками еще в античности, именно в этот период намечается разрыв между наукой и риторикой. В Древней Греции с развитием софистики отношение к риторике было неоднозначным, поскольку ее понимали как декларативное пустословие, ориентированное на развлечение публики, а также трактовали как искусство заведомого обмана и манипулирования. Эта точка зрения «углубляла представление о риторике и науке как явлениях, по своей сути, в корне противоположных, если даже не взаимоисключающих» [3, с. 10]. С одной стороны, без элементов и механизмов риторики не может обойтись никакое научное сообщение, с другой стороны – став объектом стереотипного, предвзятого изучения, риторика подвергалась научной критике.

В современном цифровом пространстве научный дискурс меняет вектор своего развития, ориентируясь на аудиторию. Как отмечают ученые, «научный дискурс, естественно затягиваемый в социальность, медийность силой своей коммуникативной природы, вынужден следовать общезначимым коммуникативным тенденциям, а значит, вступать с иными информационными потоками в условия соперничества за внимание реципиента» [5, с. 20]. Большое количество научных материалов появляется в свободном доступе, однако не все из них становятся рейтинговыми, читаемыми и цитируемыми. Возникновение разных информационных ресурсов, сообщающих обществу о последних научных разработках, обсуждение условий развития диалога науки с обществом свидетельствуют о происходящих изменениях. Эти факторы обуславливают взаимосвязь науки и риторики, призванных актуализировать передовые достижения.

По мнению ученых, «внутренние тенденции науки как, прежде всего, одной из форм культурной коммуникации, по своей природе невозможной вне образности, риторичности и всего, что делает ее язык живым, насыщенным смыслами, увлекающим разум и чувство, то есть эвристичным, возбуждающим сам “акт мысли”» [3, с. 15–16]. Если научное знание будет представлено невыразительно, сдержанно и равнодушно, то это усложнит мыслительный процесс и сделает труднодоступным восприятие новой идеи. Например, новаторские для своего времени идеи Ч. Дарвина в труде «Происхождение видов» были восприняты научным сообществом и получили широкое распространение, в том числе из-за нешаблонной манеры изложения. О. Мандельштам восторженно говорит о новизне формы и ясности стиля английского ученого: «Естественнонаучные труды Дарвина, взятые как литературное целое, как громада мысли и стиля, – не что иное, как кипящая жизнью и фактами и бесперебойно пульсирующая газета

природы» [4]. В работе Ч. Дарвина был использован не сугубо теоретический подход, а показана мысль в ее динамике, аргументация опирается на большое количество примеров, аналогий. Конечно, естественно-научное направление отличается от знаний гуманитарного профиля, однако Г. Г. Хазагеров отмечает, что современная наука ориентирована на соблюдение формальных требований к научному тексту. Это приводит к тому, что фразы из научных статей и диссертаций разных научных направлений построены шаблонно, калькировано: от формулировки актуальности и научной новизны до описания методов исследования [8].

Среди факторов, влияющих на представление научного знания, кроме шаблонности построения, можно выделить многословность или речевую избыточность. Для научного дискурса краткость, не противоречащая ясности, является важным коммуникативным качеством, поскольку выявляет содержательно значимые элементы текста. Большое значение имеют сокращенные варианты жанров: аннотация для статьи, автореферат для диссертации, компенсирующие многословие научной речи. Г. Г. Хазагеров задает закономерные вопросы: «Чем обусловлено само многословие, не замечаемое исследователями научной речи? только ли необходимостью для доказательности детализацией?» [8, с. 11]. Известные в риторике топосы (структурно-смысловые модели, на основании которых строятся части текста) активно используются в научной речи, реализуя в тексте избыточность, не связанную с целью работы. Часто используют топосы «род и вид», «свойства», «сравнение», «история вопроса», однако по-настоящему избыточным становится топос «определение», который может быть представлен бесконечным числом толкований терминов и их сравнением между собой, что не приводит к развитию научной идеи.

Интерпретация научного знания может осуществляться с помощью примера и аналогии, которые являются наиболее доходчивыми риторическими приемами, позволяющими реализовать закон экономии речевых усилий или механизм «качественной экономии изложения». Так, пример, согласно Аристотелю, является риторическим наведением, с его помощью можно приблизить предмет анализа к реципиенту, придать изложению наглядность и последовательность. Сенека также отмечал преимущество примеров, указывая на то, что «долог путь наставлений, краток и убедителен путь примеров» [7]. Примеры усваиваются лучше, чем абстрактные положения, поскольку помогают постичь теоретические данные через конкретизацию предыдущего высказывания.

Научная речь насыщена примерами, цель которых – сделать изложение материала понятным, приблизить его к адресату. Обычно внимание на примере акцентируется еще до его использования, языковыми маркерами примера становятся вводные слова: *например, к примеру*, конструкции: *для примера обратимся, рассмотрим на примере, в качестве примера будет рассмотрено / можно привести, наглядным примером подобного рода нам послужит, наш пример будет касаться, ярким примером выступает / является, приведем самые популярные примеры, простой иллюстрацией может служить следующий пример* [5]. Анализ научных публикаций Второго международного конгресса Русского общества истории и философии науки «Наука как общественное благо» свидетельствует об активном

применении вводных слов (в 82% случаев), а также развернутых конструкций (18% случаев), в которых сообщается о последующей конкретизации и пояснении материала.

Аналогия – риторический прием, «вероятностное умозаключение по подобию» [1, с. 134], метод познания, одна из самых древних мыслительных операций вместе с индукцией и дедукцией. Аналогия позволяет осмыслить предмет, сравнив с другим предметом, более известным и понятным для реципиента. Основными правилами для построения аналогии становятся: точность – соответствие критериев для сравнения; уместность – соответствие интеллектуальным, возрастным особенностям аудитории, целям и условиям коммуникации. В каждом сравнении можно выделить предмет сравнения, образ сравнения и признак сравнения. Аналогии можно проводить между понятиями, явлениями, однако ошибочным, по мнению ученых, будет сравнение действий одного человека с другим, поскольку нет объективных причин считать их носителями одинаковых признаков сравнения. Функции аналогии сводятся к экономии речевых усилий, обеспечению доступности понимания адресатом и привлечению его внимания [6, с. 14].

В научных статьях компонентами, определяющими риторический прием, становятся маркеры сравнения: *по аналогии, аналогично, подобно тому как, точно так же, как, можно представить как*: «Подобно модели Тулмина [2], теоретическая модель определяет дискурс как...» [5, с. 13]; «Совокупность свойств, ограничивающих определённую область (в силу чего объект может быть определён через своё применение в ситуации), образно можно представить как «сосуд», со всех сторон в X(p) ограниченный условиями применения в конкретной ситуации...» [5, с. 97]; «Точно так же, как в тексте, приведенном выше, индивидуация является следствием соединения определенного набора особенностей...» [5, с. 167]. Аналогия применяется в разных сферах научной деятельности, но как метод используется в основном в гуманитарных науках, так, метод истории практически всецело основан на аналогии [1, с. 134]. Исследователи отмечают, что при изучении аналогии нужно учитывать лингвокреативный потенциал, связанный с языковой личностью, способной находить общие черты в различных явлениях и понятиях.

Таким образом, риторические компоненты научного дискурса призваны актуализировать научные исследования, способствовать эффективному продвижению научных идей. Риторика науки акцентирует внимание на языковом оформлении, указывает на важность представления мысли в ее динамике, отдает приоритет краткому и понятному, точному и интересному изложению сложных понятий с использованием достаточного количества примеров и аналогий. Анализ риторических средств оформления процесса размышления, в ходе которого выводится новое знание, станет перспективой дальнейшего изучения научного дискурса.

Список литературы

1. Волков, А. А. Курс русской риторики : пособие для учеб. заведений / А. А. Волков. – Москва : Изд-во храма св. муч. Татианы, 2001. – 474 с. – ISBN 5-901836-01-4.
2. Дискурс и стиль: теоретические и прикладные аспекты : монография / под ред. Г. Я. Солганика [и др.]. – 2-е изд. – Москва : ФЛИНТА, 2014. –

- 268 с. – ISBN 978-5-9765-1906-0. – URL: <https://e.lanbook.com/book/51847> (дата обращения: 26.02.2025). – Режим доступа: для авториз. пользователей Электронно-библиотечной системы «Лань». – Текст : электронный.
3. **Козлова, Н. Ю.** Риторика и наука: преодоление античного разрыва / Н. Ю. Козлова // Проблемы современного образования. – 2018. – № 1. – С. 9–18.
 4. **Мандельштам, О. Э.** Литературный стиль Дарвина / О. Э. Мандельштам. – Текст : электронный // Осип Мандельштам: мандельштамовская энциклопедия : [сайт]. – URL: <http://mandelshtam.lit-info.ru/mandelshtam/chernovik/vnutrennie-recenzii/literaturnyj-stil-darvina-chernovik.htm?ysclid=m7kcmnlvbf35680586> (дата обращения 26.02.2025).
 5. **Наука как общественное благо** : сб. науч. ст. : в 7 т. Т. 4 / науч. ред. и сост.: Л. В. Шиповалова, И. Т. Касавин. – Москва : Рус. о-во истории и философии науки, 2020. – 252 с. – ISBN 978-5-6043173-9-6. – URL: <http://rshps.ru/books/congress2020t4.pdf> (дата обращения 26.02.2025). – Текст : электронный.
 6. **Руднева, О. В.** Аналогия как риторический прием и лингвокогнитивный феномен в публичной речи / О. В. Руднева // Филология : научные исследования. – 2022. – № 5. – С. 10–20.
 7. **Сенека, Л. А.** Нравственные письма к Луцилию / Луций Анней Сенека ; изд. подгот. С. А. Ошеров ; [Российская АН]. – Москва : Ладомир : Наука, 1993. – 383 с. – ISBN 5-86218-093-1.
 8. **Хазагеров, Г. Г.** Обесмысливание научного дискурса как объективный процесс / Г. Г. Хазагеров // Социологический журнал. – 2010. – № 2. – С. 5–18.

Mirgorodskaya A. Yu.

Rhetorical Components of Scientific Discourse

The rhetorical components of scientific discourse contribute to the actualization of scientific research and the effective promotion of scientific concepts in the modern digital space. The rhetoric of science focuses on linguistic design, points out the importance of representing thought in its dynamics, using a sufficient number of examples and analogies. Stereotyping and verbal redundancy in scientific discourse are contrasted with constructions that characterize the process of reflection and can arouse interest in scientific issues.

Key words: scientific discourse, rhetoric of science, the process of reflection, example, analogy.

УДК 81'373.612.2'42

Пономарева Татьяна Александровна,
канд. филол. наук, доцент,
доцент кафедры русского языкознания
и коммуникативных технологий
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
tanya_p-05@mail.ru

Шалов Илья Васильевич,
аспирант 1 курса,
научная специальность
5.9.5. «Русский язык.
Языки народов России»
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
defandpred@gmail.com

Метафора как инструмент создания параллельных реальностей: междисциплинарный подход

В статье рассматривается метафора как когнитивный инструмент конструирования параллельных реальностей в традиционном художественном нарративе, а также в разных типах нарратива в современных условиях цифровизации. Обосновывается выбор междисциплинарного подхода к изучению метафоры в качестве базового. Отмечается, что с помощью междисциплинарного подхода можно не только выявить ключевые метафорические механизмы, лежащие в основе создания параллельных миров, но и оценить их роль в современной литературе, искусстве и медиа. Сформулированы некоторые общие принципы, характерные для создания параллельных реальностей через метафору.

Ключевые слова: метафора, когнитивная метафора, нарратив, параллельные реальности.

Современные исследования в области гуманитарных наук всё чаще изучают метафору не только как риторический приём, но и как мощный когнитивный инструмент, позволяющий конструировать альтернативные, параллельные реальности (такой подход встречаем в работах Дж. Лакоффа и М. Джонсона, Н. Д. Арутюновой, А. Н. Баранова, В. Н. Телия, А. П. Чудинова и др.). В условиях глобализации, цифровизации и мультижанровости классические модели восприятия мира претерпевают значительные трансформации. Метафора выступает в этом контексте посредником между автором, текстовой репрезентацией и субъективным опытом читателя, создавая возможность для реконструкции и переосмысления реальности.

Цель данной статьи – описать, каким образом метафорический механизм позволяет порождать параллельные реальности в нарративе и рассмотреть его с междисциплинарной точки зрения, объединяющей когнитивную лингвистику, литературоведение, лингвокультурологию и медиаискусство.

Теоретической базой для разработки данной темы стали труды Дж. Лакоффа и М. Джонсона, Э. В. Будаева, Т. А. Гридиной, Н. И. Коноваловой, Г. Г. Мирзоевой, З. Ю. Петровой, В. Н. Телия, Н. А. Фатеевой и др. ученых.

Современная когнитивная лингвистика рассматривает метафору как структурный элемент мышления, формирующий наши представления о мире. Согласно теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона, метафоры «отражают не столько лингвистическую окраску, сколько когнитивные операции, посредством которых мы понимаем абстрактные категории» [3, с. 52]. Метафоры «жизнь – это путешествие» или «любовь – это битва» не только образно представляют сложные отношения, но и структурируют мышление, позволяя воспринимать личный опыт как часть более глубоких универсальных процессов.

Понятие «параллельных реальностей» в литературоведении связано с идеей мультисенсорного и многослойного мира, в котором различные уровни восприятия взаимодействуют друг с другом. Феномен параллельных миров ярко проявляется в жанрах научной фантастики, фэнтези, постмодернизма, где метафора выступает как метод описания альтернативных историй, пересматривающих традиционное восприятие времени, пространства и идентичности. Отличительной особенностью такого нарратива является способность метафоры создавать «окна» в иные реальности, позволяющие читателю временно отрешиться от привычного мира и окунуться в гипотетические конструкции, где действуют иные законы бытия [3, с. 28].

Современное исследование метафоры требует междисциплинарного подхода, объединяющего разные направления.

1. Когнитивная лингвистика. В рамках когнитивной лингвистики метафора рассматривается как способ активизации «схемы понимания», при которой абстрактные понятия ассоциируются с конкретными образами и действиями. Такая ассоциативная модель позволяет интерпретировать параллельные реальности не столько как несвязанные фантазии, сколько как вариации восприятия, обусловленные действующими когнитивными структурами.

2. Литературоведческая перспектива. Литературоведы обращают внимание на стилистические и жанровые особенности, посредством которых метафора становится инструментом трансформации реальности. Анализ, например, произведений Ф. Кафки показывает, как метафорическое переформатирование реальности помогает автору воспроизвести комплексность человеческого опыта и осветить противоречивость социальной среды.

3. Лингвокультурологические и социокультурные исследования. С позиций лингвокультурологии метафора является мостом между индивидуальным опытом и коллективной памятью, отражая культурные архетипы и символические системы общества. В данном контексте создание параллельных реальностей через метафору представляется не просто художественным приёмом, а стратегией интерпретации и критики действующего социокультурного порядка.

4. Медиаискусство и интерактивные технологии. Современные медиа, включая интерактивные игры, виртуальную реальность и цифровой сторителлинг, активно используют метафорические модели для создания альтернативных вселенных. В этих формах искусства метафора не

ограничивается на уровне языка, а приобретает мультисенсорный характер, вовлекая пользователя в процесс генерации и исследования параллельных реальностей [1, с. 26].

Метафора как инструмент конструирования параллельных реальностей

Метафорические структуры – это совокупности образов, символьных кодов и понятий, способствующих формированию альтернативных реальностей в рамках нарратива. Например, метафора «зеркального мира», где отражённые образы представляют собой искажения, предлагает не только эстетическое переживание, но и возможность для философских размышлений о природе идентичности и реальности. Одновременно, образы, связанные с понятием «лабиринт», используют ассоциации с запутанностью и сложностью мышления, что помогает авторам воссоздавать внутреннюю динамику персонажей и социальных систем. Именно через такие метафоры создаётся ощущение множественности миров, где границы между действительностью и вымыслом размыты.

В эпоху цифровизации метафора получает новое измерение, став не только словесным, но и визуальным, интерактивным механизмом. Цифровые технологии позволяют интегрировать аудиовизуальные средства с текстовыми элементами, создавая симбиотическую систему восприятия. Так, например, виртуальная реальность становится пространством, где метафора обретает физическую форму за счёт возможностей трехмерного моделирования и интерактивного взаимодействия. В данной парадигме традиционные метафоры «жизнь как игра», «судьба как лабиринт» приобретают новую значимость, поскольку пользователь становится активным участником создания и пересмотра альтернативных миров. Отсюда вытекает необходимость междисциплинарного анализа, объединяющего литературоведение, технологию медиа и исследования восприятия.

Рассмотрим несколько примеров, демонстрирующих, как метафора служит инструментом формирования параллельных реальностей.

1. Художественная литература. В романе Харуки Мураками «1Q84» наблюдается использование параллельной реальности, где каждое метафорическое изображение (двойной образ, затемнённые тени, загадочные символы) способствует созданию альтернативного восприятия социального и личного мира. Метафоры здесь не только придают тексту таинственность, но и стимулируют читателя к поиску скрытых смыслов.

2. Кино. Фильмы братьев Коэн демонстрируют, как метафора «сюрреалистического мира» используется для создания атмосферы нереальности. Странности повседневной жизни, представленные через символические образы, заставляют зрителя переосмыслить границы возможного и невозможного.

3. Интерактивные медиа. В видеоиграх, таких как «BioShock», метафорическое изображение утопического общества, оказавшегося под властью тоталитарного режима, помогает пользователю осознать параллельную реальность, где ценности и идеалы подвергаются радикальному переосмыслению. Здесь метафора становится не только нарративным элементом, но и ключевым компонентом интерактивного опыта [4, с. 35].

Междисциплинарная интеграция: методология и результаты

1. Синтез теоретических моделей. Опираясь на методологию когнитивной лингвистики, литературоведения и медиаискусства, можно выделить несколько общих принципов, характерных для создания параллельных реальностей через метафору.

Концептуализация абстрактного. Метафора позволяет перевести абстрактные категории (идентичность, время, пространство) в конкретные образы, делая их доступными для восприятия. Например, «жизнь – это дорога, по которой мы все идем»; «мой разум – это лабиринт противоречий».

Динамика интерпретации. Каждый метафорический элемент, обладая пластичностью, может принимать различные формы в зависимости от культурного контекста, что способствует созданию многослойного нарратива. Например, «любовь горела в его сердце»; «он борется с болезнью».

Интерактивность восприятия. В цифровую эпоху метафора не является статичным элементом, а становится динамическим процессом, вовлекающим аудиторию в процесс «конструирования» реальности посредством активного взаимодействия с мультимедийными объектами. Например, «его память была огромной библиотекой воспоминаний»; «ее настроение было переменчивым, как осенний ветер».

2. Эмпирический анализ. Для иллюстрации междисциплинарного подхода в исследовании метафоры как инструмента создания параллельных реальностей были проведены следующие исследования:

Контент-анализ литературных произведений. Ряд новейших произведений научной фантастики и постмодернистской литературы подвергся анализу с целью выделения характерных метафорических схем. Выявлено, что образы «двойного мира», «замкнутого круга времени» и «разрушенного утопического сообщества» способствуют многоуровневой интерпретации текста.

Исследование интерактивных медиа. Анализ игр и виртуальных сред выявил, что именно интеграция визуальных и текстовых метафор создает уникальное ощущение погружения в альтернативную реальность. Использование метафор, вызывающих ассоциации с известными литературными архетипами, помогает формировать эмоциональную связь между пользователем и виртуальным миром.

Полученные данные указывают на высокую эффективность междисциплинарного подхода. Синтез письменного, визуального и интерактивного аспектов обогащает семантическое пространство нарратива, расширяя его функциональные возможности. Таким образом, метафора приобретает статус не только языкового феномена, но и концептуально важного инструмента для конструирования сложных, многомерных реальностей [6, с. 26–52]. Исследование метафоры как инструмента создания параллельных реальностей демонстрирует, что когнитивный подход обладает огромным потенциалом для интерпретации и реконструкции как художественного, так и культурного опыта. Междисциплинарный анализ выявил, что синтез когнитивных, литературоведческих, лингвокультурологических подходов позволяет не только глубже понять природу метафоры, но и оценить её роль в формировании параллельных реальностей.

Результаты исследования подчёркивают необходимость дальнейшего изучения метафорического мышления в современном нарративе с особым упором на интеграцию цифровых технологий и интерактивного сторителлинга. Перспективные направления для дальнейших исследований включают разработку методик компьютерного анализа метафорических образов, а также их эмпирическое сопоставление с культурными архетипами.

Таким образом, метафора становится важнейшим инструментом не только художественного выражения, но и философско-когнитивного анализа, способствующего диалогу между различными областями знаний. Благодаря этому междисциплинарный подход позволяет создать новые методологические рамки для исследования параллельных реальностей, предлагая богатые возможности для теоретических размышлений и практических приложений в области нарратологии и медиаискусства. Такой анализ открывает новые перспективы для дальнейших исследований, позволяя лучше понять, каким образом метафора формирует наши представления о множественности реальностей и способствует непрерывному диалогу между творчеством и наукой.

Список литературы

1. Будаев, Э. В. Становление когнитивной теории метафоры / Э. В. Будаев // Лингвокультурология. – 2007. – № 1. – С. 19–35.
2. Гридина, Т. А. Метафора в свете национальной ментальности : монография / Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова. – Екатеринбург : УрГПУ, 2020. – 227 с. – ISBN 978-5-7186-1667-5.
3. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живём / Дж. Лакофф, М. Джонсон ; пер. с англ. А. Н. Баранова и А. В. Морозовой ; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – Москва : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с. – ISBN 5-354-00222-2.
4. Мирзоева, Г. Т. Метафора в науке и языке художественной литературы / Г. Т. Мирзоева // Филологические науки в МГИМО. – 2018. – № 4(16). – С. 31–37.
5. Петрова, З. Ю. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XXI вв. Вып. 6. «Человек». Жизнь, смерть, судьба, время / З. Ю. Петрова, Н. А. Фатеева. – 2-е изд. – Москва : ЯСК, 2022. – 872 с. – ISBN 978-5-907498-05-1.
6. Телия, В. Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция / В. Н. Телия // Метафора в языке и тексте : монография / [отв. ред. В. Н. Телия]. – Москва, 1988. – ISBN 5-02-010889-8. – С. 26–52.
7. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие / А. П. Чудинов. – Москва : Флинта : Наука, 2006. – 256 с. – ISBN 5-89349-897-6.
8. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) : монография / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т., 2001. – 238 с. – ISBN 5-7186-0277-8.

Ponomareva T. A.,
Shalov I. V.

**Metaphor as a Tool for Creating Parallel Realities:
an Interdisciplinary Approach**

The article examines metaphor as a cognitive tool for constructing parallel realities in traditional artistic narrative, as well as in different types of narrative in modern conditions of digitalization. The choice of an interdisciplinary approach to the study of metaphor as a basic one is substantiated. It is noted that using an interdisciplinary approach, it is possible not only to identify the key metaphorical mechanisms underlying the creation of parallel worlds, but also to assess their role in modern literature, art and media. Some general principles characteristic of creating parallel realities through metaphor are formulated.

Key words: metaphor, cognitive metaphor, narrative, parallel realities.

Цурбанова Анастасия Юрьевна,
ассистент кафедры русского языкознания
и коммуникативных технологий
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
ms.ozhedryanova@mail.ru

Построение интерпретационного поля концепта *Россия* (на материале социолингвистического анкетирования студентов ЛГПУ)

*Статья посвящена построению интерпретационного поля концепта **Россия** на основе социолингвистических данных. В статье анализируются ключевые слова, устойчивые словосочетания, метафоры и символы, репрезентирующие концепт **Россия** в анкетах студентов ФГБОУ ВО «ЛГПУ». Рассматриваются исторические, географические, политические и культурные факторы, оказавшие влияние на формирование интерпретационного поля. Концепт **Россия** в современном дискурсе является многослойным и многозначным феноменом, отражающим не только географическую привязку, но и сложные культурные идентичности, исторические контексты и политическую динамику.*

Ключевые слова: концепт, ядро, ближняя периферия, дальняя периферия, крайняя периферия, ассоциативные связи, интерпретационное поле.

На современном этапе развития науки пристальное внимание уделяется вопросам взаимодействия различных областей знания. Динамическое развитие психолингвистики, этнолингвистики, социолингвистики, лингвокультурологии способствует тому, что лингвистика занимает методологические позиции в системе гуманитарного знания.

Лингвокультурология, фокус внимания которой неизбежно направлен на изучение языка как культурного кода нации, находится в «точке пересечения» интересов научного сообщества. В её рамках освещаются вопросы описания корреляции языка и этноса, языка и культуры, языка и народного менталитета, определения особенностей категоризации и концептуализации окружающей действительности в сознании того или иного народа посредством анализа языковых единиц, опредмечивающих незримые процессы и явления в ментальном мире человека.

В рамках когнитивистики концепт рассматривается как когнитивная структура. Концепт определяется как оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике [3, с. 90].

Цель исследования – выявить доминирующие и периферийные смыслы, формирующие национальное самосознание и восприятие России в дискурсе студентов ЛГПУ. Особое внимание уделяется проблемам национальной идентичности, патриотизма, а также стереотипным ассоциациям.

Теоретико-методологическая основа работы включает в себя различные подходы, методы и инструменты, используемые для анализа и исследования концепта *Россия*.

Основой концептологии является когнитивный подход (В. З. Демьянков, Е. С. Кубрякова, И. А. Стернин, А. Р. Лурия, Ю. Д. Апресян, А. А. Залевская, В. Б. Касевич и др.).

Когнитивная лингвистика изучает познавательные процессы, включая восприятие, мышление и язык. В контексте концептологии когнитивный подход позволяет исследовать структуру и организацию концептов в человеческом мышлении, а также их отражение в языке.

Лингвокультурологический подход представлен в работах В. Ю. Масловой, С. Г. Воркачева, Ю. С. Степанова, В. И. Карасика и др.

Кроме того, в теоретико-методологической основе концептологии широко используется междисциплинарный подход (С. С. Гусев, М. А. Богданова, А. П. Бабушкин, В. В. Красных, Д. Б. Гудков). Этот подход предполагает интеграцию знаний и методов различных дисциплин, таких как лингвистика, философия, психология, социология и т. д. Он позволяет получить более полное и всестороннее понимание концептов и их роли в культуре и обществе.

Также одним из ключевых элементов теоретико-методологической основы является семиотический подход (Р. Якобсон, Р. Барт, Ю. М. Лотман, У. Эко). В контексте концептологии семиотический подход позволяет анализировать знаки, символы и значения, связанные с концептами, а также изучать процессы создания и передачи смысла через концепты.

Таким образом, теоретико-методологическую основу работы составили достижения в области антропологической лингвистики – М. М. Бахтина, Ю. Н. Караулова; лингвокогнитологии – Е. С. Кубряковой, А. П. Бабушкина, Н. Н. Болдырева, В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина, И. А. Стернина; лингвокультурологии – Н. Д. Арутюновой, И. А. Абрамовой, Е. С. Абрамовой, В. А. Масловой, А. Вежбицкой, С. Г. Воркачева, Ю. С. Степанова, Л. Н. Чуриловой и др.; социалингвистики – Г. Карри, А. М. Селищева, Е. Д. Поливанова, Л. В. Щербы, А. Д. Швейцера и др.; лингвострановедения – Е. М. Верещагина, С. Г. Тер-Минасовой, В. Г. Костомарова, В. С. Библиера, Г. Д. Томахина и др.

В работе используются методы социалингвистического анкетирования, сравнительных исследований и семиотического подхода для выявления культурных кодов и символов, присущих представлению о России.

Практическая значимость исследования заключается в возможности оптимизации стратегий коммуникации и укрепления позитивного имиджа страны.

Для построения интерпретационного поля концепта *Россия* на основе анализа данных социалингвистического анкетирования студентов ФГБОУ ВО «ЛГПУ» мы составили следующий план:

1. Обзор теоретических основ исследования концепта, его структуры и методов анализа. Раскрытие сущности понятий «концепт», «ядро концепта», «принадлежная зона», «периферия» и их значение для лингвокультурологического подхода.

2. Описание методики социалингвистического анкетирования, его возможностей для выявления содержания и структуры концепта *Россия*. Характеристика респондентов, участвовавших в эксперименте.

3. Семантический анализ полученных ассоциативных реакций на стимул «Россия». Систематизация ассоциаций по тематическим группам, определение ядерных, приядерных и периферийных компонентов концепта.

4. Лингвокультурологический анализ ассоциаций, направленный на выявление культурно-специфических, национально-маркированных элементов концепта *Россия*. Интерпретация образов, символов, ценностных установок, отраженных в реакциях респондентов.

5. Обобщение результатов семантического и лингвокультурологического анализа. Построение целостного интерпретационного поля концепта *Россия* с описанием его структуры и содержания.

6. Выводы о национально-культурной специфике концепта *Россия*, его динамике и трансформации в современном языковом сознании.

Исследуя анкеты студентов ЛГПУ, мы проделали следующие этапы анализа.

1. Определили ядро концепта *Россия* (наиболее базовые, устойчивые и общепринятые ассоциации, связанные с этим концептом) (*Родина, малая родина, «моя Родина, хотя родилась и живу не в России», большая, любимая, природа, Москва, моя, красивая* и др.).

2. Выделили ближнюю периферию концепта (конкретные, но все еще общепринятые ассоциации) (*семья, гордость, бедность, красота, друзья, Победа, патриотизм, Отчизна, гимн, сила, медведи, росгвардия, жизнь* и др.).

3. Определили дальнюю периферию концепта (субъективные, оценочные, эмоциональные ассоциации, отражающие личный опыт и отношение к России) (*белый, синий, красный, школа, степи, надёжность, чиновничество, упадок, реки, озёра, монархия, безработица, «Первый канал»*).

4. Выделили крайнюю периферию концепта (индивидуальные, уникальные ассоциации, отражающие личные представления и отношение к России):

– малоизвестные исторические события или фигуры, которые имели место в истории России, но не получили широкого признания (*Фёдор Конюхов* – первый россиянин, побывавший на всех Семи вершинах; *Василий Дегтярёв* – российский и советский конструктор стрелкового оружия; *Тунгусский метеорит; УАЗ СГР; Олег Попов* – артист цирка, эквилибрист);

– региональные традиции и обычаи, которые характерны для определённых мест, но не являются общеизвестными за пределами этих регионов (*Курбан-байрам, Ивана Купала, Святки, День рыбака*) и др.;

– языковые особенности, такие как диалекты или жаргон, которые распространены в определённых областях, но не используются в общенациональном масштабе (*тормозок, поребрик, парадная, тремпель, шаурма (шаверма), кура, греча, закупорка (закатки), толчёнка, кулёк, буханка, жужжалка, террикон, шарага, шабашика, юшка*) и др.;

– современные культурные явления, которые ещё не стали частью основного культурного потока, но отражают динамику общественных процессов (*лезгинка* – танец; *гедлибже* – блюдо адыгской кухни; *гжель, палех и хохлома* – роспись и др.).

Далее нами была выстроена модель, описывающая структуру концепта *Россия* как многоуровневую систему, включающую ядро (базовые ценности и представления), периферию (изменчивые, контекстно-зависимые элементы)

и ассоциативное поле (связи с другими концептами). Результаты исследования позволяют проследить эволюцию представлений о России и выявить факторы, влияющие на формирование её имиджа.

На наш взгляд, эта модель может быть представлена в виде различных «измерений», тезисов и комментариев.

1. Историческое измерение (*Древнерусское государство, Киевская Русь, Московское царство, Российская империя, Советский Союз, Российская Федерация и др.*).

Тезис: Россия – долгая и богатая история, многовековые традиции. Огромная роль в мировых событиях, влияние на международную политику. Уникальный культурно-исторический код, отличающий Россию от других стран.

2. Географическое измерение (*Евразийская страна, самая большая страна в мире по площади, разнообразие природных ландшафтов, геополитическое положение*).

Тезис: Россия – обширная территория, богатая природными ресурсами. Расположена на двух континентах с протяженными границами.

3. Культурное измерение (*православное христианство, славянская культура, литература, искусство и музыка мирового уровня, традиции и обычаи*).

Тезис: Россия – это разнообразные этнические группы, языки и культуры. Богатое литературное, художественное и музыкальное наследие. Мировой вклад в науку и искусство. Православие и другие религии, нравственные и моральные ценности. Духовность и патриотизм как ключевые черты российского народа.

4. Политическое измерение (*централизованное государство, сильная исполнительная власть, федеративное устройство, многопартийная система*).

Тезис: Активное участие в международных делах, членство в крупных организациях. Геополитическое значение и роль в поддержании региональной и глобальной стабильности.

5. Экономическое измерение (*богатые природные ресурсы, развитая промышленность, сельскохозяйственная страна, торговые связи с другими странами*).

Тезис: Суверенитет и независимость, государственный строй и система управления. Сильная армия и мощный военно-промышленный комплекс.

6. Социальное измерение (*многонациональное население, разные этнические группы, социальная стратификация, система социального обеспечения*).

Тезис: Россия – это особое отношение к коллективизму, справедливости и социальной защите.

7. Перцептивное измерение (*«матушка Россия» – олицетворение родины; «держава» – мощное государство; «загадочная душа» – сложность понимания; «медведь» – символ силы*).

Комментарий: Перцептивное измерение концепта Россия может быть описано как совокупность представлений, восприятий и ощущений, которые люди имеют об этой стране. Эти представления могут быть как положительными, так и отрицательными, и могут зависеть от множества

факторов, таких как индивидуальный опыт, культурные стереотипы, политические убеждения и медийное воздействие. Перцептивное измерение может быть разнообразным и индивидуальным для каждого человека.

8. Ассоциативное измерение (*Красная площадь, Московский Кремль, Сибирь, Байкал, водка, балалайка, матрешка, гусли, берёза, валенки*).

Комментарий: Россия может вызывать различные ассоциации и эмоции у людей в зависимости от их отношения к России.

9. Эмоциональное измерение (*патриотизм, гордость, уважение*).

Комментарий: Россия воспринимается как сильное и влиятельное государство, защитник своих интересов.

Таким образом, мы видим, что концепт *Россия* как ментальная единица представляет собой сложное многомерное образование, включающее в себя понятийные, образные и ценностные компоненты. Структура концепта традиционно описывается через понятия «ядро», «приядерная зона» и «периферия». Ядро концепта содержит наиболее существенные, базовые признаки, тогда как приядерная зона и периферия включают менее значимые, но также важные смысловые элементы.

Ядро концепта *Россия* составили такие ключевые ассоциации, как *страна, государство, территория, народ, культура* и др. Эти единицы отражают базовые, устойчивые представления о России, ее сущностные характеристики в языковом сознании респондентов.

Приядерную зону концепта образуют ассоциации: *столица, президент, армия, природные ресурсы, традиции* и др. Они раскрывают важные, но менее центральные аспекты образа России.

На периферии концепта находятся ассоциации: *величие, суровость, противоречивость, загадочность* и др. Эти реакции характеризуют более частные, ситуативные или индивидуальные представления о России.

Лингвокультурологический анализ ассоциативного поля концепта *Россия* позволяет выявить его национально-культурную специфику. Так, ядерные компоненты отсылают к глубинным культурным символам и архетипам, характерным для русского национального сознания. Приядерные ассоциации *берёза, матрёшка, медведь* и др. демонстрируют устойчивые культурные коннотации, отражающие ценностные ориентиры и мировоззренческие установки российского социума. Наконец, периферийные реакции, такие как *помощь, СВО, «зелёные человечки»* и др., указывают на динамику и трансформацию образа России в современном языковом сознании под влиянием социокультурных изменений.

В заключение можно сказать, что построенное на основе ассоциативных данных интерпретационное поле концепта *Россия* отражает его многомерность и национально-культурную специфику. Ядро, приядерная зона и периферия концепта демонстрируют устойчивые, важные и вариативные компоненты коллективного представления о России, которые формируются под воздействием исторических, культурных и социальных факторов.

Таким образом, мы видим, что концепт *Россия* в языковом сознании жителей Луганска является динамичным и многогранным, отражая сложность их взглядов и отношений. Его интерпретационное поле охватывает широкий спектр аспектов – географических, исторических, культурных, духовных, – которые в совокупности создают уникальный образ страны. Концепт *Россия*

продолжает эволюционировать, открывая новые горизонты для исследований в области лингвистики, культурологии и социальных наук.

Построение интерпретационного поля концепта *Россия* предполагает многоаспектный анализ, учитывающий исторический, культурный, политический и лингвистический контексты.

Методологически он включает анализ ключевых текстов (литература, публицистика, исторические документы), проведение опросов и интервью, а также изучение визуальных репрезентаций. Важным этапом является выявление когнитивных метафор, лежащих в основе концепта *Россия*.

Перспективой исследования станет создание многомерной модели, отображающей динамику развития концепта *Россия*, его связь с другими ключевыми концептами (например, *народ*, *государство*, *духовность*) и влияние на формирование национальной идентичности.

Список литературы

1. **Абрамова, Е. С.** «Россия» как ключевой концепт современной русской культуры / Е. С. Абрамова // Молодые исследователи в музыке, культуре, науке (развитие личности через музыку, язык, общение) : материалы III регион. студенческой науч.-практ. конф. (Белгород, 25 нояб. 2009 г.) / [редкол.: С. А. Колчин (отв. ред.) и др.]. – Белгород, 2009. – С. 264–267.
2. **Апресян, Ю. Д.** Избранные труды : в 2 т. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. – Москва : Яз. рус. культуры, 1995. – 767 с. – ISBN 5-88766-045-7.
3. **Колесов, В. В.** Концептуальное поле русского сознания / В. В. Колесов // Вопросы психолингвистики. – 2022. – № 4(54). – С. 100–115.
4. **Кубрякова, Е. С.** Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова. – Москва : Русский язык, 1997. – 245 с.
5. **Кубрякова, Е. С.** Сознание человека и его связь с языком и языковой картиной мира / Е. С. Кубрякова // Филология и культура : материалы IV Междунар. науч. конф, 16–18 апр. 2003 г. / [редкол.: Н. Н. Болдырев (отв. ред.) и др.]. – Тамбов, 2003. – С. 32–34.
5. **Маслова, В. А.** Когнитивная лингвистика : учеб. пособие / В. А. Маслова. – 2-е изд. – Минск : ТетраСистемс, 2008. – 266 с. – ISBN 978-985-470-780-8.
7. **Никитина, М. Ю.** Концепт милосердие в русском языковом сознании (психолингвистический аспект) / М. Ю. Никитина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 2-2(32). – С. 135–138.
8. **Потапенко, С. І.** Вступ до когнітивної лінгвістики : [навч. посіб.] / С. І. Потапенко. – Ніжин : Вид-во НДУ імені Миколи Гоголя, 2013. – 140 с. – ISBN 978-617-527-094-3.
9. **Степанов, Ю.** Константы : словарь русской культуры / Юрий Степанов. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : Академический проект, 2004. – 992 с. – ISBN 5-8291-0388-5.
10. **Уфимцева, Н. В.** Русский региональный ассоциативный словарь (Европейская часть России) : [в 2 т.]. Т. 1. От стимула к реакции / Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова ; Рос. акад. наук, Ин-т языкознания РАН, Моск. междунар. акад. – Москва : Московская междунар. акад., 2018. – 542 с. – ISBN 978-5-904360-73-3.

Construction of the Interpretation Field of the Concept of *Russia*

*The article is devoted to the construction of the interpretation field of the concept of **Russia** based on sociolinguistic data. The article analyzes keywords, stable phrases, metaphors and symbols representing the concept of **Russia** in the questionnaires of students of the Lugansk State Pedagogical University. Historical, geographical, political and cultural factors that influenced the formation of the interpretation field are considered. The concept of **Russia** in modern discourse is a multi-layered and multi-valued phenomenon, reflecting not only geographical reference, but also complex cultural identities, historical contexts and political dynamics.*

Key words: *concept, core, near periphery, far periphery, extreme periphery, associative links, interpretation field.*

Чжан Тяньюань,
аспирант кафедры теории и
практики иностранных языков
ФГАОУ ВО РУДН им. Патриса Лумумбы,
научная специальность 5.9.8.
«Теоретическая, прикладная и сравнительно-
сопоставительная лингвистика»
zhangtianyuan0823@163.com

История развития китайской теории перевода

Статья посвящена теории перевода в Китае и предлагает панорамный взгляд на основные этапы ее развития: от древнекитайского переводческого дискурса, еще не сформировавшегося в теорию, до новейшего направления – экоперевода. Если до XX века китайская теория перевода развивалась самостоятельно, а с XX века, в основном, была ориентирована на обобщение опыта западных коллег, то в XXI веке с возникновением экоперевода китайская теория перевода вышла на принципиально новый уровень, создав собственное направление, предлагающее новый взгляд на перевод и поднимающее вопросы, которые не рассматривались ранее. Статья помогает глубже понять принципы становления китайской теории перевода и может быть полезна российским ученым-лингвистам, а также всем, кто интересуется китайской культурой и вопросами перевода.

Ключевые слова: перевод, переводоведение, теория перевода, метод перевода, китайская теория перевода, история теории перевода, экоперевода.

Китайская теория перевода развивалась на всем протяжении переводческой деятельности в Китае: начиная с перевода буддийских писаний во времена династии Восточная Хань (II–III века) и династий Тан (VII–X века) и Сун (VII–XIII века), научно-технического перевода во времена династий Мин (XIV–XVII века) и Цин (XVII–XX века), перевода западных произведений во времена поздней династии Цин (конец XIX – начало XX века) и ранней республиканской эпохи (середина XX века). XXI век ознаменовался зарождением экоперевода, новой модели, которая является наиболее популярной в настоящее время в Китае.

Цель данной статьи – рассмотреть траекторию развития китайской теории перевода с древнейших времен до наших дней, чтобы получить системное представление о состоянии перевода в Китае. Статья включает описание новейшего и наиболее актуального направления теории перевода в Китае в настоящее время, экоперевода, которое ранее не рассматривалось подробно.

Переводческая деятельность в Китае, зафиксированная в письменном виде, началась с перевода буддийских писаний во времена династии Восточная Хань, и обсуждение стандартов перевода также велось в основном на их основе. Центральным теоретическим вопросом стало столкновение концепций «Вэнь» (стилистически изящный перевод) и «Чжи» (буквальный

перевод), однако также исследовались философская природа и эстетика перевода и основные переводческие критерии: «выразительность», «изысканность» и «верность».

Самое раннее упоминание о столкновении концепций «Вэнь» и «Чжи» находится в предисловии к переводу «Дхаммапады», сборника изречений Будды (кит. Фа-цзюй Цзин 法句经), написанного в 224 году переводчиком буддийских писаний Чжи Цянем из династии Хань (II век). Сам Чжи Цянь не понимал языка санскрита (кит. Тяньчжу 天竺语), поэтому был вынужден прибегнуть к помощи монаха Вэй Чжинаня. Вэй Чжинань переводил текст устно, а Чжи Цянь записывал. Чжи Цянь смущало то, что слова Вэй Чжинаня «не были достаточно элегантными», на что Вэй Чжинань ответил, что перевод слов Будды должен следовать их смыслу без прикрас; люди должны знать первоначальный смысл слов Будды, не упуская ни одного из их значений [11, с. 6]. Согласно одному из величайших памятников и исторических источников буддистской литературы «Гаосэн Чжуань» (кит. 高僧传, жизнеописание достойных монахов), перевод Чжи Цяня действительно отличался большой элегантностью, в связи с чем большинству переведенных им буддистских писаний характерна красота и простота восприятия [11, с. 8]. Таким образом, Чжи Цянь и Вэй Чжинань являются первыми представителями школ «Вэнь» и «Чжи». Чжи Цянь считал, что переводы должны соответствовать эстетическим требованиям, а Вэй Чжинань полагал, что перевод буддийских писаний не нуждается в приукрашивании и должен быть максимально близок к оригиналу. Столкновение концепций «Вэнь» и «Чжи» считается официальным началом китайской теории перевода и активно прорабатывалось в последующие века [6, с. 11]. Стоит отметить, что данный спор о концепциях «Вэнь» и «Чжи» является лишь первым из зафиксированных в древнем Китае, однако сам феномен «преклонения перед Чжи» в переводе буддийских писаний существовал задолго до Чжи Цяня [7, с. 138].

Помимо концепций «Вэнь» и «Чжи», важную роль в китайском переводоведении играет теория «пяти потерь» (кит. у-ши-бэнь 五失本) и «трех трудностей» (кит. сань-бу-и 三不易), выдвинутая монахом Ши Даоанем (или просто Дао Анем, 314–385) в предисловии к Маха-праджня-парамита-сутре (кит. «摩诃钵罗密经抄序») при переводе с санскрита на китайский. О высоком статусе переводческих идей Ши Даоаня свидетельствуют слова популярного китайского писателя и ученого Цянь Чжуншу о том, что «именно эта концепция перевода стала открытием теории перевода в Китае, в ней четко объяснялись основные моменты перевода» [10, с. 1262]. Известный политик и мыслитель XIX века Лян Цичао также отметил, что «развивая метод литературного перевода как научную проблему, Дао Ань был первым» [4, с. 145].

Под «пятью потерями» имелись в виду проблемы, возникшие при переводе и не позволившие добиться полного соответствия перевода оригиналу: 1) так как порядок слов в сутре, написанной на древнеиндийском языке, инвертирован относительно правил китайского языка, то для адаптации перевода буддийских писаний к тому, что было бы привычно для китайского читателя, потребовалось внести в текст изменения в соответствии с китайской грамматикой; 2) сутра была написана простым слогом, тогда

как китайцы любят литературное изящество, в связи с чем в перевод были внесены некоторые изменения; 3) повествования в сутре, особенно панегирик, часто повторяются, поэтому некоторые части текста были упрощены или даже опущены в переводе; 4) гимн-четверостишие в конце сутры, напоминающий выводы, повторяется много раз и поэтому частично опущен в переводе; 5) ряд оборотов, обобщающих уже сказанное ранее, также удалены. Все вышеперечисленное приводит к тому, что оригинальный текст сутры теряет свой первоначальный вид в переводе [11, с. 11].

Среди «трех трудностей», возникающих при переводе сутр, Дао Ань выделяет следующие: 1) сутра – это слова мудрецов, которые говорили в соответствии с обычаями своего времени, однако на момент, когда они переводились, времена были уже другими и требовалось изменить древние изречения в соответствии с современностью, что представляло собой довольно сложную задачу; 2) в словах мудрецов много философии глубокого смысла, которые нелегко донести до широкой публики; 3) даже после смерти Будды Шакьямуни, его ученикам приходилось много размышлять, чтобы понять значение его сутр, а переводчику, работавшему несколько веков спустя, тем более нелегко уловить истинный смысл этих изречений.

Подводя итог, следует отметить, что в своих теориях Ши Даоань проявляет удивительную дальновидность для своего времени и затрагивает такие вопросы, как строение предложения (порядок слов на языке оригинала и на языке перевода), техники перевода (добавление и опущение), различия во временном факторе между оригинальным текстом и целевой аудиторией переводного текста, жанр оригинального текста, отсутствие у читателя необходимых фоновых знаний. Следует также упомянуть, что Ши Даоань был противником адаптации переводного текста (внесения в него изменений, которые могли бы исказить первоначальный смысл сутры), поэтому он считается представителем китайской школы «буквального перевода» того времени.

В отличие от Ши Даоаня, знаменитый древнекитайский мастер-переводчик Кумараджива (или Цзюмолоши, кит. 鳩摩罗什, 344–413) считается представителем «вольного перевода». Он первым в истории китайской теории перевода поднял вопрос о художественной ценности оригинального текста [2, с. 19]. По словам Ляна Цичао, перевод, сделанный Цзюмолоши, стремился максимально передать суть оригинала и воссоздать его художественный эффект, используя добавления и опущения [11, с. 17].

Среди последующих концепций наиболее примечательной является «концепция Глабаллы» (кит. 阙中论), предложенная монахом Хуэй Юанем (334–416) из династии Восточная Цзинь. Говоря о двух главных концепциях перевода «Вэнь» и «Чжи», Хуэй Юань отметил, что «либо литературное изящество перевода затмевает смысл оригинала, либо перевод слишком чист и игнорирует стилистику оригинала» [11, с. 19], тогда как следовало бы стремиться к равновесию между сохранением смысла оригинала и соблюдением художественных норм языка перевода. Именно этот подход положил конец в дискуссиях о противостоянии концепций «Вэнь» и «Чжи», ознаменовав собой новую эпоху в истории китайской теории перевода.

Позднее, с развитием перевода сутр, появилось множество известных переводчиков, которые исследовали различные проблемы перевода и

выдвигали свои идеи: например, монах Сэн Жуй (IV–V века) из династии Восточная Цзинь исследовал проблему перевода имен существительных, утверждая, что если перевод имени существительного неверен, то и весь текст перевода будет таковым; ему же принадлежит идея о том, что первым шагом при оценке качества перевода должно быть изучение и понимание оригинального текста, и лишь затем можно говорить о той или иной степени эквивалентности. Знаменитый монах Янь Цун (VI век) из династии Суй выделил восемь главных качеств хорошего переводчика: щедрость, скромность, чистота, альтруизм, знание истории, знание географии, владение языком оригинала и владение языком перевода. Монах Сюань Цзан (VII век) из династии Тан ввел понятие «Пяти непереводаемых», обозначив пять видов лексических единиц (мистические заклинания, многозначные слова, отсутствующие в китайском языке понятия, заимствования и названия буддистских храмов), которые следовало переводить только фонетически.

В конце династии Мин и начале династии Цин (середина XVII века) в древнекитайском переводе произошли существенные изменения, обусловленные расширением его сферы, которая начала выходить за рамки буддийских писаний. С началом масштабного перевода научно-технических текстов переводоведение вышло на новый этап развития, на котором акцент делался на практику, тогда как развитие теории относительно замедлилось.

Переводчик Янь Фу (1854–1921) в 1896 году в введении к переводу на китайский язык «Эволюции и этики» Т. Гексли (кит. «天演论 • 译例言») выдвинул стандарт перевода «достоверность, доходчивость, изящность» (кит. 信、达、雅), который стал «золотым правилом» китайской теории перевода. Хотя сам Янь Фу не давал особых пояснений к терминам достоверности, доходчивости и изящности, теория перевода в Китае исходит из того, что «достоверность» означает передачу основной идеи оригинального текста; «доходчивость» предполагает, что перевод должен быть красивым и понятным, а «изящность» требует соблюдения стилистических норм языка. Стоит отметить, что три стандарта перевода Янь Фу – «достоверность, доходчивость, изящность» играют важную роль в истории китайской переводческой литературы, а сам он известен как первый создатель современной китайской теории перевода и один из величайших китайских переводчиков.

Важной вехой в развитии китайского переводоведения является движение Четвертого мая 1919 года. Переводчики Лу Сюнь и Мао Дунь выдвинули новую теорию перевода, противоречащую принципам «достоверность, доходчивость, изящность» (кит. 信、达、雅). Суть ее заключалась в призыве к «буквальному переводу» и сохранению иностранного синтаксиса для обогащения китайского языка, а также привнесения «западного стиля» [2, с. 24].

В 1921 году, после движения Четвертого мая, в Пекине было основано Общество литературного исследования, во главе которого стояли литератор Чжэн Чжэньдуо, писатель Мао Дунь и другие. Главной целью Общества литературного исследования являлось «изучение мировой литературы, обобщение старой китайской литературы, создание новой литературы». Также им была составлена и издана серия «Общество литературного исследования», содержащая, в частности, переводы романов французских, русских и североевропейских авторов и знакомящая китайских читателей

с такими известными писателями, как Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев, М. Горький, Г. Ибсен, Ги де Мопассан и др., что оказало большое влияние на литературное движение того времени. Литературная деятельность данного общества способствовала развитию реалистической литературы в Китае, подчеркивала важность социальной функции литературы и значимость перевода. Создание Общества литературного исследования внесло огромный вклад в развитие переводческого дела в Китае.

С момента основания Нового Китая (1949 год) развитие китайских переводческих теорий сводится к обсуждению, углублению и эволюции теорий предшественников, которые в основном фокусируются на трех вопросах: 1) дилемма между буквальным и вольным переводом; 2) принципы «достоверность, доходчивость, изящность»; 3) дискуссия о том, является ли перевод наукой или искусством. В связи с бурным развитием западной теории перевода во второй половине XX века китайская теория перевода в течение длительного времени находилась в ее тени, перенимая, в основном, идеи и опыт западных коллег. Особой популярностью в Китае пользовались такие теоретики перевода, как Ю. Найда, С. Басснетт, А. В. Федоров, В. Н. Комиссаров, Л. С. Бархударов и т. д. В 1980-х и 1990-х годах теория перевода в Китае достигла уровня: «говоря о теории перевода, нельзя не упомянуть Юджина Найду» [3, с. 2].

В начале XXI века, ввиду отсутствия собственной систематической теории перевода в Китае и влияния западных теорий перевода, китайский ученый Ху Гэншэн предложил совершенно новое направление – Экопереводоведение (кит. 生态翻译学), которое подробно изложено в монографии «Экопереводоведение: Строительство и Интерпретация» (кит. 生态翻译学: 诠释与建构)» (2013). Англоязычная монография «Eco-Translatology: Towards an Eco-Paradigm of Translation Studies» была опубликована в 2020 году. В последние десятилетия экопереводоведение вызвало длительный «экологический прилив» в области перевода, и в Китае нет другого нового направления в теории перевода, сравнимого с ним по популярности [1, с. 108].

Главное отличие экопереводоведения от западных направлений теории перевода заключается в том, что в центре внимания находится переводчик, обладающий свободой для принятия множества важных решений, необходимых для максимально гармоничного соединения всех компонентов переводческой среды: исходного и переводного языков и текстов, автора, реципиента и заказчика [5, с. 28]. В настоящее время основные области применения экопереводоведения в Китае – это литературный перевод, перевод рекламных и публицистических текстов и устный перевод.

В основе экопереводоведения лежит подход, рассматривающий процесс перевода как цепную взаимосвязь и взаимодействие между языком, культурой, человеческим обществом и миром в целом. (Рис. 1) [9, с. 41]:

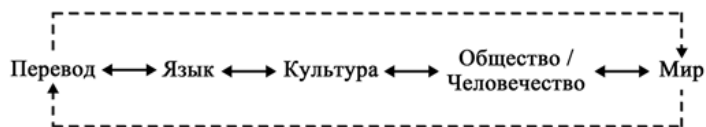

Рис.1 Взаимосвязь между переводом и миром

Иными словами, экопереводоведение смотрит на перевод гораздо шире, полагая, что перевод является частью экосистемы, далеко выходящей за рамки языковых знаков. Так, ключевыми объектами исследования экопереводоведения являются:

1) переводческая экологическая среда (*translation-environment ecology*): совокупность всех внешних условий, влияющих на восприятие текста;

2) текстовая экологическая среда (*textual ecology*): взаимодействие элементов в системах языков оригинала и перевода на лингвистическом, культурном и коммуникативном уровнях;

3) экологическая среда сообщества переводчиков (*translator-community ecology*): все субъекты, так или иначе участвующие в процессе создания произведения, его перевода, публикации, распространения и т. д., то есть авторы, переводчики, редакторы, издатели, читатели, критики и другие.

Согласно этой теории, для оптимального функционирования текста в соответствии с оригинальным замыслом автора в принципиально иной социо-лингво-культурной среде переводчику необходимо произвести многомерную и многоэлементную трансформацию текста (как минимум, языковую, культурную и коммуникативную) для достижения его сбалансированности и гармоничности. При этом среди критериев «гармоничности перевода» создатель теории видит его долговечность и применимость в динамично меняющейся языковой среде, отзывы читателей, критику экспертов, популярность в рынке и т. д.

Интересно отметить, что переводческая терминология, используемая экопереводоведением, созвучна терминам из экологии и отчасти описывает схожие процессы, происходящие, однако, уже на языковом уровне: *мультитрансформация* (多元化翻译, *Multi-Transformation*) фокусируется на многомерном переводе с точки зрения языка, культуры, коммуникации, эстетики и распространения; *витализация* (生机化翻译, *Vitalization*) ориентирована на сохранение образности оригинала; *натурализация* (自然化翻译, *Naturalization*) направлена на сохранение оригинальных коннотаций исходной языковой среды; *имитация* (仿生化翻译, *Imitationalization*) означает художественную обработку конкретного текста с упором на имитацию форм и стилей [8, с. 12] и т. д.

Будучи новым направлением, экопереводоведение все еще сталкивается со множеством вопросов и проблем: в частности, терминологический аппарат и техники перевода, которые могут быть использованы для решения новых задач, находятся на стадии формирования. Однако как первое систематическое и зрелое направление теории перевода в Китае, экопереводоведение знаменует собой совершенно новый этап в развитии науки о переводе и представляет большой интерес, поскольку выводит переводческую деятельность на более высокий уровень, рассматривая перевод с совершенно новой точки зрения.

Подводя итог, следует отметить, что большинство направлений в китайской теории перевода связаны с литературным переводом: в ранний период это был перевод сутр, в более поздний – романы иностранных авторов, переводимые с целью привнесения в китайский менталитет западных ценностей. С XX века китайская теория перевода также в основном перенимала опыт западной, что в целом отражало геополитическую ситуацию в мире, однако, вступив в XXI век, китайская теория перевода совершила прорыв,

создав собственное направление, которое получило признание ученых, в том числе и за рубежом.

Список литературы

1. **Лань, Хунцзюнь.** Многогранная интеграция теоретических конструктов перевода: размышления о 20 годах (2001–2021) экопереводоведения / Лань Хунцзюнь, Фэн Лися. – Текст : электронный // Иностранные языки в Китае. – 2022. – № 19(01). – С. 105–111. – URL: <https://www.scholarmate.com/S/i151Ts> (дата обращения: 11.04.2025). – DOI: 10.13564/j.cnki.issn.1672-9382.2022.01.012.
2. **Лу, Юнчан.** Общий курс художественного перевода с русского языка на китайский / Лу Юнчан. – Шанхай : Шанхайское издательство по образованию, 2007. – 319 с. – ISBN 978-7-5446-0246-4.
3. **Лю, Цзюньпин.** Эмеритальная история западной теории перевода / Лю Цзюньпин. – Ухань : Издательство Уханьского университета, 2019. – 611 с. – ISBN 978-7-307-20853-7.
4. **Лян, Цичао.** Перевод литературы и буддийских писаний / Лян Цичао. – Тяньцзинь : Тяньцзиньское издательство древних книг, 2005. – 344 с.
5. **Новикова, Э. Ю.** Переводческая экосистема региона: детерминанты, признаки, особенности / Э. Ю. Новикова, О. И. Попова. – Текст : электронный // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – № 22(3). – С. 19–29. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perevodcheskaya-ekosistema-regiona-determinanty-priznaki-osobennosti> (дата обращения: 11.04.2025). – Режим доступа: Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.3.2>.
6. **Потапова, Н. В.** Китайские переводы «Алмазной сутры» и «Сутры сердца»: текстологическая интерпретация и комментарии : спец. 10.01.03 «Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы)» : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук / Потапова Наталья Вячеславовна ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Ин-т стран Азии и Африки. – Москва, 2008. – 20 с.
7. **Хуа, Сяньфа.** Китайская поэтическая интерпретация столкновении концепций «Вэнь» и «Чжи» при переводе буддийских писаний / Хуа Сяньфа, Хуа Маньюань // Вестник Хубэйского университета. – 2014. – № 41(05). – С. 138–142. – DOI: 10.13793/j.cnki.42-1020/c.2014.05.026.
8. **Ху, Гэншэнь.** Философские «три вопроса» Экопереводоведения / Ху Гэншэнь // Журнал китайских переводчиков. – 2021. – № 42(06). – С. 5–14; 190.
9. **Ху, Гэншэнь.** Экопереводоведение: строительство и интерпретация / Ху Гэншэнь. – Пекин : Коммерческое издательство, 2013. – 512 с. – ISBN 978-7-100-10264-3.
10. **Цянь, Чжуншу.** Гуаньчжуэйбянь (ограниченные взгляды: эссе об идеях и письмах) / Цянь Чжуншу. – Шанхай : Саньянь, 2008. – 2425 с. – ISBN 978-7-1080-2746-7.
11. **Чэнь, Фукан.** История теории перевода в Китае / Чэнь Фукан. – Шанхай : Шанхайское издательство по обучению иностранным языкам, 2000. – 529 с. – ISBN 7-81046-813-8.

History and Development of Chinese Translation Theory

This article is devoted to Chinese translation theory and offers a panoramic view of the main stages of its development, from ancient Chinese translation discourse, which has not yet formed into a theory, to the latest trend – Eco-translatology. While Chinese translation theory developed independently before the 20th century, and since the 20th century it has been mainly focused on generalising the experience of Western translation theories and practices, in the XXIst century, with the emergence of Eco-translatology, Chinese translation theory has reached a fundamentally new level, creating its own trend that offers a new perspective on translation and raises issues that have not been considered before. The article helps to gain a deeper understanding of the principles of Chinese translation theory formation and may be useful for Russian linguistic scholars, as well as for all those interested in Chinese culture and translation studies.

Key words: translation, translation studies, translation theory, translation method, Chinese translation theory, history of translation theory, Eco-translatology.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

УДК 821.111-312.9.09(73):929Куанг

Коробко Кристина Вячеславовна,
преподаватель кафедры английской
и восточной филологии
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
kristina.korobko@gmail.com

Альтернативная история и магический реализм в романе Ребекки Ф. Куанг «Вавилон»

В статье исследуется, как субжанр альтернативной истории и художественный метод магического реализма служат инструментом репрезентации тем национальной и культурной идентичности, самоопределения и поиска культурного «я» в современной американской литературе. Материалом исследования послужил научно-фантастический роман «Вавилон» Ребекки Куанг, в котором переосмысливается китайская история в контексте колониально-империалистической политики Британской империи. В ходе исследования было установлено, что Р. Куанг интегрирует элементы фантастики с целью акцентуации социальных и политических проблем, обеспечивая их восприятие как китайской, так и западной аудиторией. В свою очередь, магический компонент романа способствует переосмыслению глобальных механизмов власти, социального неравенства и угнетения, способствуя рассмотрению этих вопросов в центре повествовательной структуры произведения.

Ключевые слова: альтернативная история, магический реализм, американская литература XXI века, литература китайской эмиграции, Ребекка Куанг.

Литература китайской эмиграции конца XX–XXI вв. является ярким примером репрезентации проблем самоидентификации и поиска собственного культурного «я» в рамках принадлежности к истории, народному и культурному наследию, политике и т. д. Такие авторы, как Ань Юй, Фонда Ли, Иунь Ли, Ребекка Куанг, Чжан Айлин, Шань Са, Эми Тан и Юн Чжан в своих произведениях исследуют сложный опыт столкновения с новой культурой, сохранения и трансформации национальной идентичности, поиска и познания самости. Вместе с тем, нарративизация исторической травмы, тема национальной и культурной принадлежности индивида, культурной апроприации занимают центральную позицию в современных гуманитарных исследованиях (Я. Ассман, М. М. Бахтин, В. А. Емелин, Г. С. Кнабе, Ю. М. Лотман, А. Ш. Тхостов, М. Хальбвакс, С. Хантингтон и др.). Особый интерес вызывает литература постколониальных стран – мощный инструмент для изучения наследия колониализма, культурной идентичности и борьбы за самоопределение.

В рамках статьи мы обращаемся к жанру научной фантастики, в частности, ее субжанру альтернативной истории и художественному

методу магического реализма. Ресурсы научно-фантастического жанра, с одной стороны, отлично подходят для дистанцирования от болезненных исторических событий, с другой стороны, создают пространство для исследования различных социальных, культурных и психологических тем вне контекста идеологических и политических интерпретаций. Таким образом, научная новизна исследования обусловлена комплексным подходом к анализу романа «Вавилон» Р. Куанг, объединяющего элементы альтернативной истории и магического реализма как ключевые инструменты репрезентации национальной идентичности и исторической памяти. Исследование расширяет понимание роли научной фантастики не только как жанра, ориентированного на развлекательную функцию, но и как мощного инструмента анализа исторических и социальных процессов, что делает его актуальным в контексте современных гуманитарных исследований.

Целью исследования является анализ способов нарративизации исторической травмы, поиска культурной и национальной идентичности и прочих актуальных тем в литературной традиции китайских писателей-эмигрантов посредством анализа произведений научной фантастики, использующих элементы альтернативной истории и магического реализма.

Одним из самых репрезентативных материалов в данной области исследования, по нашему мнению, является творчество Р. Куанг – американской писательницы китайского происхождения, автора фэнтезийной трилогии «Маковые войны» («The Poppy War Trilogy», 2018–2020 гг.), научно-фантастического романа «Вавилон» («Babel: an arcane history», 2022 г.) и сатирического романа «Йеллоуфейс» («Yellowface», 2023 г.) [7].

Куанг Р. является представительницей поколения китайской эмиграции, сменившей гражданство в раннем возрасте – «полуторное поколение». Несмотря на то, что она покинула Китай всего в 4 года, она не потеряла связь со своей этнической родиной, продолжая поддерживать контакт с родственниками, оставшимися жить на территории КНР, а также провела год языковой практики в университете Пекина. Об опыте возвращения на родину и наследования общенациональной травмы Р. Куанг пишет следующее: «When I visited my father's home village, you can see the bullet holes in the walls left by Japanese soldiers during the WWII, and they're still there, and that's a history that has stayed with them» [8] Таким образом, мы можем сделать вывод, что вопрос национальной идентичности и принадлежности для автора является глубоко личным. Так, например, огромное влияние на творчество писательницы оказал факт того, что на родине ее матери – острове Хайнань – в течение XX в. происходил геноцид практически всего коренного населения, что впоследствии стало прототипом для центральной сюжетной линии ее дебютной трилогии «Маковые войны».

Роман «Вавилон» (полное название – «Вавилон, или Необходимость насилия: сокрытая история революции оксфордских переводчиков») продолжает рефлексию над китайской историей, начатую в «Маковых войнах». Если художественная реальность «Маковых войн» строится на исторических процессах и событиях XIX–XX вв. (Опиумные войны, Японо-китайская война, Первая и Вторая мировые войны и т. д.), то нарратив «Вавилона» исследует первопричины этих военных столкновений и саму неизбежную природу насилия, концентрируясь на фантастической версии Оксфорда

1830-х гг.: Королевский институт переводов Оксфордского университета – Вавилон – является монополистским центром перевода. Благодаря Вавилону колониальная Британская империя обретает непреодолимый перевес силы во внешней политике, так как по условиям описанной Ребеккой Куанг альтернативной реальности именно в Оксфорде создают и зачаровывают серебряные пластины, позволяющие воссоздать потерянные при переводе смыслы, что, в свою очередь, порождает магию.

Эволюция жанра научной фантастики, обусловленная влиянием массовой культуры, привела к тому, что под этим термином сегодня понимают настолько широкий круг произведений, что первоначальное значение утратило свою точность. Так, роман Р. Куанг «Вавилон» мы можем отнести к субжанру научной фантастики – альтернативной истории, «являющимся изображением реальности, которая могла бы существовать, если бы история, в один из своих значимых моментов (точек бифуркации, или точек развилки) пошла по другому пути» [5, с. 34].

В художественном мире «Вавилона» точкой развилки служит наличие магии, которая используется Британской империей во всех сферах жизни: от хозяйственно-бытовых нужд до военного дела. «Уже тысячу лет серебряные пластины использовали в Лондоне, да и по всему свету, но со времен расцвета Испанской империи ни одно место в мире так не зависело от силы серебра и не обладало подобными запасами» [2, с. 33].

Элементы магического реализма позволяют интегрировать магию в повседневную жизнь, особенно в сферу языка и перевода – серебряные пластины, способные усиливать магическую силу слов, становятся обычным инструментом для переводчиков. Так, например, пластина с переводческой парой «*triacle* – исцеление» (ориг. старофранцузское «*triacle*» и английское «*treacle*») используется для создания сладкой микстуры, действующей как противоядие от большинства ядов, так как «<...> английское слово *treacle*, означающее как “исцеление”, так и “патоку”, появилось в семнадцатом веке в связи с обильным использованием сахара для маскировки неприятного вкуса лекарств. Затем она проследила это слово для старофранцузского *triacle*, означающего “противоядие” или “лекарство от укуса змеи”, затем до латинского *theriaca* и, наконец, до греческого “териаки”: оба они означают “противоядие»» [2, с. 196]. Другая темная сторона возможностей пластин раскрывается в следующем примере: «Бао (爆), – сказал профессор Ловелл. – Что значит «огонь», кроме того – “насилие”, “жестокость” и “беспорядки”. Сам по себе иероглиф может означать “необузданные, дикие зверства”; он же используется в словах, обозначающих “гром” и “жестокость”. <...> И ее грудь взорвалась. Ребра разошлись, как будто кто-то открыл птичью клетку» [2, с. 319–320].

Таким образом, возможности серебряных пластин практически безграничны, их сила подпитывается бесконечным ресурсом языка и многогранности великого множества культур. Профессоры Вавилона приходят к выводу, что хотя сейчас в мире производства пластин доминируют английский, французский, итальянский и испанский, из года в год они приносят все меньше прибыли, ведь языки и культуры сближаются, из-за чего магический эффект истощается. Выход из ситуации обнаруживается в странах Востока и тех языках, на которых не говорят в Европе.

Благодаря данной политике в Оксфорд попадет главный герой произведения, Робин Свифт, сирота из Кантона. Робин борется с чувством отчужденности, вызванным его смешанным происхождением (его мать китаянка, а отец британец) и желанием найти свое место в мире. Зная английский в совершенстве, Робин все равно испытывает неуверенность в себе и собственном праве находиться в Оксфорде, его внешность метиса и даже иностранное выдуманное имя (покровитель Робина приказал забыть и никогда не использовать его китайское имя) лишь способствуют прогрессии эмоционального раскола внутри героя. Одновременно с этим Робин чувствует, что может начать забывать кантонский – он вынужденно думает и разговаривает на английском, а в университете его принуждают изучать более практичный мандаринский диалект китайского языка.

Поначалу обучение в Оксфорде кажется Робину пределом мечтаний, он мнимо обретает свое место в социуме, уважение и статус, однако с ходом сюжета персонаж эволюционирует, теперь Робин задает все больше неудобных вопросов: «А может, охраняют знания, которые должны принадлежать всем, – сказал Робин. – Потому что если язык свободен, если знания свободны, почему все “Грамматики” лежат в башне под замком? Почему мы даже не приглашаем иностранных ученых и не посылаем ученых открывать центры перевода по всему миру?» [2, с. 148]. В самом начале произведения азиатская холера губит его мать, это событие является ключевым для старта развития персонажа – ведь если Британская империя может бесконечно черпать языковой, культурный ресурс и даже само серебро из родины Робина, тогда почему его народ оказался бессилён перед болезнью, которую пластина способна вылечить за считанные секунды. Более того, уже будучи взрослым студентом, Робин возвращается в качестве переводчика вместе со своими одноклассниками и покровителем профессором Ловеллом в Кантон, где обнаруживает свой родной город уничтожаемым Британской экспансией и незаконной продажей опиума. Неизбежность грядущей войны с Китаем и осознание себя лишь инструментом угнетения собственной родины окончательно убеждает Робина отказаться от привилегий студента Вавилона и стать на путь бунта.

Другая центральная проблема произведения – вынужденная необходимость насилия и революции – оставляет место для переосмысления. Сквозь многоголосие персонажей автор описывает разные позиции и решения вопроса, однако, финал романа предоставляет лишь одну перспективу: круговорот жестокости и крайних мер в мире бесконечен, противопоставить этому можно только такой же круговорот честной и отчаянной борьбы с несправедливостью. «Победа достигается изобретательностью, упорством и самопожертвованием. Победа – это игра в пятнашки, в исторические случайности, где все идет нужным путем, потому что кто-то проторил путь» [2, с. 634].

Учитывая все вышесказанное, мы можем сделать вывод, что магическая составляющая позволяет усугубить неравенство на мировой арене альтернативной реальности, вынося тему колониализма и угнетения на видимый план, одновременно обостряя проблему и упрощая логическое и эмоциональное понимание для той части аудитории, которая находится «по ту сторону» колониальной политики. Р. Куанг в одном из своих интервью

обозначила следующее: «I have to straddle the line between just writing a book for a Chinese audience, and also explaining some things so that they can be swallowed by a Western audience» [8] Таким образом, Р. Куанг в своем творчестве создает вселенную, в рамках которой, опираясь на реальные исторические факты и опыт ее собственной семьи, может раскрыть более широкий обзор видения проблемы. Будучи гражданкой Америки, писательница ощущает информационную недосказанность касательно освещения истории своей этнической родины и чувствует ответственность перед необходимостью донести этот важный национальный опыт всему миру: «The only way that we can learn from this is to acknowledge and forgive. Acknowledge that it happened, and educate younger generations about what happened so that it doesn't happen again» [8]

На основании вышеизложенного можно утверждать, что литературные методы магического реализма и альтернативной истории являются эффективными инструментами для исследования нарративизации национальной идентичности, исторической памяти и последствий колониализма. Р. Куанг использует фантастические элементы, чтобы обострить социальные и политические вопросы, делая их доступными как для китайской, так и для западной аудитории. В свою очередь, магическая составляющая романа позволяет переосмыслить глобальные механизмы власти, неравенства и угнетения, вынося их на первый план повествования.

Посредством образа главного героя – Робина Свифта – происходит репрезентация сложного внутреннего конфликта, вызванного противоречием между различными культурными идентичностями и сложностью их интеграции в единую систему самовосприятия. Его путь от преданного Империи студента до революционера отражает неизбежность борьбы против колониального угнетения и насилия, одновременно ставя перед читателем вопрос о пределах оправданного насилия в борьбе за справедливость. Следовательно, можно заключить, что роман «Вавилон» является не только художественным произведением, но и важным культурным и политическим высказыванием. Он затрагивает актуальные темы постколониальной теории, идентичности и глобализации, способствуя более глубокому пониманию исторического наследия и его влияния на современный мир.

Представляется обоснованным полагать, что перспективы дальнейшего исследования включают сравнительный анализ произведений китайских эмигрантов, таких как Эми Тан, Июнь Ли и Фонда Ли, с целью выявления общих мотивов и различий в осмыслении национальной идентичности. Важным направлением является сопоставление романа «Вавилон» с произведениями других авторов альтернативной истории (Филип Дик, Чайна Мьевиль) для изучения влияния магического реализма на их нарративные стратегии. Представляет интерес и исследование историко-культурного контекста романа, его связи с реальными историческими событиями и научными дискуссиями о колониализме. Изучение магического реализма в современной англоязычной научной фантастике поможет определить его важность для политической и социальной критики.

Список литературы

1. Загребельная, М. С. Историческая основа «Опиумной войны» Ребекки Куанг / М. С. Загребельная // Modern Science. – 2022. – № 1–2. – С. 310–312.
2. Куанг, Р. Вавилон, или Необходимость насилия : сокрытая история революции оксфордских переводчиков / Ребекка Куанг. – Москва : Эксмо, 2024. – 640 с. – ISBN 978-5-04-202445-0.
3. Куликов, Е. А. Специфика репрезентации реальности в вымышленных художественных мирах (на примере фэнтезийных романов Ребекки Куанг и Фонды Ли) / Е. А. Куликов // Филология и культура. – 2022. – № 3(69). – С. 99–105.
4. Куликов, Е. А. Тема исторической памяти в романе Ребекки Куанг «Опиумная война» / Е. А. Куликов // Языки истории и языки литературы : кол. моногр. / отв. ред.: Т. А. Шарыпина, М. К. Меньщикова. – Нижний Новгород, 2022. – ISBN 978-5-91326-639-2. – С. 210–222.
5. Рыльщикова, Л. М. Альтернативная реальность как популяризованный элемент научно-фантастического дискурса / Л. М. Рыльщикова, К. В. Худяков // Lingua Mobilis. – 2011. – № 7(33). – С. 34–39.
6. Фрумкин, К. Г. Альтернативно-историческая фантастика как форма исторической памяти / К. Г. Фрумкин // Историческая экспертиза. – 2016. – № 4. – С. 17–28.
7. About Rebecca F. Kuang. – Text : electronic // Rebecca F. Kuang's : Official Website. – URL: <https://rfkuang.com/about/> (date of access: 27.01.2025).
8. Qiu, Junzhou. Young Chinese American writer tells forgotten WWII history in fantasy setting / Qiu Junzhou, Yang Shilong. – Text : electronic // New China : [website]. – URL: http://www.xinhuanet.com/english/2018-06/07/c_137235766.htm (date of access: 27.01.2025).

Korobko K. V.

Alternative History and Magical Realism
in Rebecca F. Kuang's Novel «Babylon»

This article explores how the subgenre of alternative history and the artistic method of magical realism serve as a tool for representing themes of national and cultural identity, self-determination, and the search for a cultural «self» in modern American literature. The research material is the science fiction novel «Babylon» by Rebecca Kuang, which reinterprets Chinese history in the context of the British Empire's colonial-imperialist policy. The study established that R. Kuang integrates elements of fantasy to emphasize social and political issues, making them accessible to both Chinese and Western audiences. The magical component of the novel contributes to the rethinking of global mechanisms of power, social inequality, and oppression, bringing these issues to the forefront of the narrative structure.

Key words: *alternative history, magical realism, American literature of the XXI st century, literature of Chinese emigration, Rebecca Kuang.*

Котомцев Дмитрий Олегович,
ассистент кафедры русской и
мировой литературы
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
dima_kot_94@mail.ru

«Иди, моя канцона, как тебе велят»: метапоэтика О. А. Седаковой

В статье рассматриваются метакомпоненты поэтических текстов О. А. Седаковой: метазаголовки, фрагменты текста и стихотворения, содержащие референцию к произведению как целому или как к «тексту культуры»: автоинтерпретацию, указание на жанровую маркированность, размышления о поэтической традиции. Показано, как в металирике О. А. Седаковой концептуализируется акт творчества, связанный с откровением истины о мире, а также сливаются художественный образ и лирическая наррация (процесс перехода от предметного мира к ментальному обобщению), речь поэта и «чужое слово». Проанализированы функции «поэта-творца», способного «проречь» сокровенное, и процессы письма и речи как формы гармонизации, исцеления и эстетизации реальности.

Ключевые слова: метарефлексия, поэтология, акт письма, фигура поэта, автоинтерпретация.

*Поэзия земли – отважнейшая скука.
На наковаленках таинственного звука
Кузнечик и сверчок сковали океан.
Ольга Седакова*

Наряду с погружением во внутренний мир героев, глубоким интересом к сознанию человека, созданием виртуальной модели художественной действительности и художественно-эстетическими поисками неклассическую литературу XX–XXI вв. интересует «обнажение приёма» – творческого акта, а шире – самого языка, с помощью которого возникают художественные миры. Художники слова решили, говоря словами Н. А. Бердяева, «добиться до скелета вещей, до твёрдых форм, скрытых за размягчёнными покровами» [2, с. 27] природы искусства, причём не с помощью теоретических статей или эссе, а средствами художественного письма. В научном дискурсе подобный процесс стал называться метапоэтикой, объектом которой, по мысли К. Э. Штайн, является словесное творчество, в котором актуализирована работа над материалом, языком и в котором раскрываются «тайны мастерства» [17, с. 20]. Всё это проявляется в метатекстуальных элементах.

Впрочем, метатекстуальные размышления о природе слова, функциях языка, процессе создания художественного текста, осмыслении роли поэта и поэзии в жизни человека составляют магистральную тему всей мировой литературы: корни саморефлексии можно найти уже в Античности (модель «текст в тексте» в «Илиаде» Гомера, автоэпитафии Архилоха, «Метаморфозы» Апулея), ранней византийской литературе (поэзия Палладия, философская

проза Псевдо-Дионисия Ареопагита), в эпоху Возрождения («авторские вторжения» в прозе Дж. Боккаччо, М. Сервантеса и др.), в Новое время (игровая метапоэтика романов «Жизнь и мнения Тристарама Шенди, джентльмена» Л. Стерна, «Житейские воззрения кота Мурра вкупе с фрагментами биографии капельмейстера Иоганнеса Крейсlera, случайно уцелевшими в макулатурных листах» Э. Гофмана, «Евгений Онегин» А. С. Пушкина и др.) (подробнее об этом см.: [4]). Однако именно в XX столетии интерес литературы к самой себе необычайно возрос, так как рубеж веков – «переходная» парадигма в литературном процессе – вызвал кризис представлений о культуре, разрушив прежние понимание искусства, его функций (которых в императивном или директивном виде быть не может), роли в жизни человека и т. д. Возник интерес и к языку, слову – материалу, из которого создаётся литература («... я-то сам лишь искатель словесных приключений», как сказано в «Даре» В. В. Набокова). Интерес обусловлен ещё и тем, о чём писал Б. Л. Пастернак (что фактически характеризует металитературу Новейшего времени): «Самое ясное, запоминающееся и важное в искусстве есть его возникновение, и лучшие произведения мира, повествуя о наизычайнейшем, на самом деле рассказывают о своем рождении» [8, с. 41].

Интерпретация поэзии как некоей системы происходит в разных векторах: интуитивно-метафорическом, результатом которого становится сугубо художественное постижение искусства слова (как у А. А. Фета, И. А. Бунина, Б. Л. Пастернака и др.), и лингвофилософском, который приводит к рефлексии о поэзии на метаязыке эстетики, языкознания, литературоведения (например, у А. С. Пушкина, Ф. И. Тютчева, В. Я. Брюсова, О. Э. Мандельштама, А. А. Ахматовой, Д. А. Пригова, А. С. Кушнера и др.).

В лингвофилософском ключе осмысляла сущность поэзии и фигуру творца Ольга Александровна Седакова (род. в 1949 г.). В её поэтическом наследии немало стихотворений, которые непосредственно посвящены метарефлексии: все они упорядочены любопытным формально-семантическим комплексом, который можно назвать «лингвоориентированным». Это значит, что в ряде стихотворений О. А. Седаковой метатекстуальность представлена не только религиозно-мистическими и философскими размышлениями о поэзии и художественном слове, но и высокой степенью поэтологической рефлексии (обращением к филологической терминологии, к примеру), которая ещё не становилась предметом научного анализа. Особое отношение О. А. Седаковой к языку как истоку творческого акта, средоточию духовно-интеллектуального смысла, средству гармонизации человеческого и Божественного миров позволяет говорить о повышенной степени «рефлексивности» (то есть внутреннего семантического усложнения лирического текста [12, с. 215]) её поэтики.

Анализ отношения к поэзии и языку, воплощённому в метапоэтике стихотворений, позволяет яснее очертить аксиологию О. А. Седаковой, что и составляет цель статьи. В фокусе внимания – стихотворения из поэтических сборников О. А. Седаковой, в которых очевидна референция к тексту как целому (В. А. Лукин [6, с. 62–67]) или как к «тексту культуры»: наиболее репрезентативными оказались сборники «Дикий шиповник», «Тристан и Изольда», «Старые песни», «Ворота, окна, арки», а также циклы «Стансы в манере Александра Попа», «Стелы и надписи», «Ямбы», «Элегии». Поставленная цель обусловила методологию научного поиска: в ней

синтезированы методы лингвопоэтического и интертекстуального анализа и герменевтический комментарий.

Поэтический мир О. А. Седаковой только начинает входить в филологический контекст как объект анализа и интерпретации, в связи с чем С. С. Аверинцев писал: «Довольно характерно, что стихов Седаковой, как правило, даже и не бранят. Их предпочитают в упор не видеть – или видеть “с точностью наоборот”» [1, с. 359]. О. А. Седакова более знаменита как переводчик, филолог, литературный критик, культуролог. Однако подлинной самоценностью обладает и её поэзия, отличающаяся напряжённым духовным поиском, интеллектуальностью, разветвлённой интертекстуальностью. Контуры художественного мира поэта трудно обозначить; в имеющихся изысканиях, посвящённых анализу поэзии О. А. Седаковой, её причисляют к неоакмеизму (М. Н. Липовецкий [5, с. 314–333]), метареализму (варианты: неobarocco, метаметафоризм) (Л. В. Черниенко [16, с. 74]), религиозной поэзии, даже концептуализму. Оптимальной кажется позиция О. Н. Склера, вписывающего поэтессу в контекст неотрадиционализма (см.: [14, с. 62–97]).

Неотрадиционализм понимается учёным как тип художественного мышления, для которого характерны поиски новых форм взаимодействия с классической традицией в рамках сложившейся авангардной поэтики, актуализация исконных культурных ценностей и традиционных универсалий. В. И. Тюпа, автор термина, определяет неотрадиционализм как «дискурс ответственности» и как стратегию, в основе которой лежит «диалог согласия» (по слову М. М. Бахтина) [15, с. 21–24]. Для этого типа мышления чрезвычайно важны идеи общекультурной солидарности, «соборности» и вера в объективный, надындивидуальный характер аксиологем. Поэтика О. А. Седаковой, согласно нашим наблюдениям, вписывается в неотрадиционалистскую матрицу: её поэзия отличается формальной виртуозностью, структурной усложнённостью, что сближает седаковские тексты с авангардом; при этом семантически лирические высказывания поэта насыщены культурогенными смыслами, ориентированы на сохранение и продолжение классической аксиологии. «Поэзия Седаковой, – резюмирует С. С. Аверинцев, – эта поэзия, в которой наиболее снисходительно расположенным к ней умникам хотелось бы видеть игру в загадки, и которая в своих удачах, напротив, ошеломляюще пряма по мысли и выражению мысли», позволяет «перед лицом ужаса обрести не черноту, а целение, не сарказмы, а псалом, не хулу, а хвалу» [1, с. 359–362].

Одним из векторов осмысления классической традиции в поэзии О. А. Седаковой стала автоинтерпретация сущности поэзии и роли поэта как Творца. Эту характерную для поэтического дискурса стратегию письма можно назвать метарефлексией или поэтологией. Метарефлексия (вариант: саморефлексия) – особое свойство текста, актуализирующее «событие рассказывания» (М. М. Бахтин) и подвергающее текст автоинтерпретации. Благодаря этому свойству нарушаются границы между «внутренним миром произведения» и миром литературного творчества (подробнее см.: [9, с. 119–120; 10; 18]), что позволяет осмыслить оба взаимопроницаемых мира как нечто генеративное, структурированное. По образному определению А. Вежбицкой, подобного рода свойство можно считать «метатекстовыми нитями», которые «проясняют “семантический узор” основного текста, соединяют различные его элементы, усиливают, скрепляют» [3, с. 421]. Метатекстуальность

поэтического искусства включает в себя ряд мотивов и проблемно-тематических констант: вдохновение, авторство, теургию, самопознание, прецедентность, традицию, игру, «литературность», читателя, рецепцию и др.

В целом поэтический дискурс О. А. Седаковой можно считать метатекстом о поэзии – о духовно-интеллектуальных поисках, реализуемых в слове и осмысленных поэтической традицией; о сущности поэзии и слова как такового (как средства поэтического языка и как самой «звучащей плоти»); о фигуре поэта-Творца, высказывающегося о сакральном, сокровенном, приближая к постижению истины (истина для поэта – Бог); о религиозно-мистической, метафизической и эсхатологической природе поэтического искусства, которое уподобляется как исповеди, так и открытию нового знания о мире. О. А. Седакова в поэзии напряжённо размышляет над такими вопросами: «Кроме слов, кроме ритма, кроме смысла – что же остаётся? Что томит, сжимается и расширяется, приближается и удаляется, как облако сухой пыли, с каким-то сверхзвуковым свистом? Без чего жизнь кажется пустей пустого?», – и сама отвечает: «Иначе как “нечто новое” я не могу это назвать» [13, с. 325]. Даже размышляя о самой себе, поэзия приближает, по мысли О. А. Седаковой, к откровению.

На метатекстуальный характер корпуса текстов О. А. Седаковой указывает поэтологическая рефлексия, выраженная в заголовочном комплексе её поэзии: *поэт осмысляет мир в жанровых формах* («Ранняя баллада», «Легенда вторая», «Баллада продолжения», «Сказка», цикл «Старые песни», разделённый на «тетради», «Семь стихотворений», «Горная ода», цикл «Стансы в манере Александра Попа», «Элегия, переходящая в реквием», «Элегия липе», цикл «Элегии» (среди них – «Элегия осенней воды» и «Элегия смоковницы»)), *в филологических терминах – в том числе в специфически стиховедческих* (цикл «Восемь восьмистиший», «Последний читатель», «Кода» (кода – добавочный стих в конце стихотворения, сверх узаконенного для данной формы числа строк), цикл «Стелы и надписи», цикл «Ямбы» (ямбы в цикле могут быть интерпретированы и как жанр древнегреческой лирики, и как стихотворный размер)), *в контексте поэтической традиции* («В духе Леопарди», «Елене Шварц», «На смерть Леонида Губанова», «Золотая труба. В ритме Заболоцкого», «Стансы четвёртые. Памяти Набокова», «Из песни Данте»), *в аспекте автоинтерпретации* («Старый поэт», эссе «Похвала поэзии»). «Метазаголовки» стихотворений позволяют судить о том, что О. А. Седакова оценивает свою поэзию как стройную и упорядоченную артистическую систему, причём делает она это на метаязыке поэзии и литературоведения.

Усложняет метатекстуальный уровень поэтического дискурса О. А. Седаковой упоминание внушительного количества имён известных поэтов, создающее интертекстуальный код всего корпуса её текстов. «Упомянутая клавиатура» поэта объёмна: называются Сафо, Гораций, Вергилий, Данте, Александр Поуп (другой вариант транслитерации: Поп), Джон Китс, Александр Пушкин, Михаил Лермонтов, Шарль Бодлер, Велимир Хлебников (особенно часто), Борис Пастернак, Владимир Набоков, Иван Жданов, Леонид Губанов, Сергей Морозов, Елена Шварц, Сергей Аверинцев. Имена значимых не только для культуры, но и для О. А. Седаковой лично поэтов демонстрируют ориентацию на классическую и неотрадиционалистскую традицию, расширяют семантическое пространство поэтического мира за счёт

привлечения множества контекстов и аллюзивных и реминисцентных кодов. Напомним, в связи с этим мысль О. Э. Мандельштама о сущности цитаты (читай: интертекста): «Цитата не есть выписка. Цитата есть цикада. Неумолкаемость ей свойственна. Вцепившись в воздух, она его не отпускает. Эрудиция далеко не тождественна упоминательной клавиатуре, которая и составляет самую сущность образования» [7, с. 211]. Сама О. А. Седакова в эссе «Похвала поэзии» размышляет о том, зачем поэт «овладевает» именами: «хотя бы для того, чтобы с ними играть, умыть их, очистить» [13, с. 322]. Например, в посвящённом Е. А. Шварц стихотворении предлагается развёрнутая метафора образа поэтессы: «Ваш голос – идущий, он дальше, в горах, / он, видно, ягнёнка несёт на руках / и хмурится светлое платье» [13, с. 205], – в котором заданы параметры художественного мира самой Е. А. Шварц: религиозные мотивы, барочная метафорика, телесность и пластичность языка. Е. А. Шварц помещается О. А. Седаковой в поэтический контекст: среди сада, за которым следит некий «тихий садовник», цветут удивительные растения – поэты: «Видишь розы мои? это Гораций. А это, / возле фиалок Сафо – Кинфия, тайна и мак» [13, с. 206]. Кинфия – это и римская поэтесса I в. до н. э., и лирическая «маска» Е. А. Шварц, явленная в одноимённом цикле, и персонаж седаковского стихотворения. Эти факты О. А. Седаковой, несомненно, известны, что позволяет говорить о «тройной» художественной призме, с помощью которой созидается облик Поэта.

Седакова О. А. мыслит в категориях жанровой поэтики, что сближает её творческий метод с неотрадиционалистскими интенциями, ориентированными на канон и упорядоченную структуру. При этом сами лирические жанры подвергаются метарефлексии – к примеру: «Иди, канцона, как тебе велят, / как в старину, когда её умели, одним поступком достигая цели, / ступить – и лечь» [13, с. 20]. Характеризуются в том числе свойства лирики как рода литературы. Лирике, как известно, не свойственна нарративность в традиционном понимании: событийность, представленная в поэтическом дискурсе, иного рода – её можно обозначить категорией процессуальности (Л. Н. Синельникова) [11, с. 8–10]. На это обращает внимание и О. А. Седакова, актуализируя процессуальность в форме описания текстопорождения, вовлекая читателя в диалог («прагматические и семантические инструкции», по словам О. И. Северской [10, с. 61]): «Из подозренья, бормотанья, / из замиранья на лету / я слабое повествованье / зажгу, как свечку на свету» [с. 39]; «Послушайте, добрые люди, / повесть о смерти и любви. / Послушайте кто хочет, / ведь это у всех в крови» [13, с. 101]; «Тебе понравятся они / и весь рассказ о них» [13, с. 102]; «Не правда ли, минувшая строфа / как будто перегружена? Лафа / тому, кто наяву бывал влеком / всех образов серебристым косяком, / несущим нас на острых плавниках / туда, где мы и всё, что с нами, – прах» [13, с. 255] и т. д. Показательно, что в названных контекстах достигается не только концептуализация акта творчества, но и слияние образа и наррации, речи поэта и «чужого слова».

Фигура поэта в лирике О. А. Седаковой наделена «классическими» функциями – пророка (того, кто может проречь слово Божье), выразителя невыразимого, причастного к истине, – ср.: «Бесконечное скажут поэты» [13, с. 187]; «Потому что, Лёня, дар поэта / так отраден для земли» [13, с. 210]; «Чудеса! / Не я ли раздвинул тяжёлые вещи, / чтоб это

дышало и было как сад, / как музыка около смысла и речи, // и было псалтырью, толкующей мне / о том, что никто, как она, не свободен, – / словами, которых не ищут в уме, / делами, которых нигде не находят» [13, с. 188]. (Отметим попутно возможную аллюзию на Б. Л. Пастернака: «Я б разбивал стихи, как сад...».) Представления о поэтическом слове О. А. Седаковой теологичны: не случайно поэтому в процитированном стихотворении «Последний читатель» (заголовок, видимо, намекает на Бога – последнего свидетеля и «судьи» человеческих дел (ср. с подобными мыслями в «Книге Иова» (Иов 10: 1–22)) упоминается псалтырь, а слова перестают быть прерогативой разума («словами, которых не ищут в уме»).

Поэт в дискурсе О. А. Седаковой приближен к познанию Бога, потому что думает о непостижимом, пытается высказать то, что не поддаётся вербализации, жаждет саму интенцию желания: «Поэт есть тот, кто хочет то, что все / хотят хотеть <...> И это правда. Остальное – прах» [13, с. 225]. Потом эта же мысль будет варьироваться в стихотворении «Кода» – высказывание поэта всегда о самом важном и сокровенном: «Но слог его, высокий, как порог, / выводит с освещённого крыльца / в каком-то заполярье без конца, / где всё стрекочет с острия копья / кузнечиком в траве небытия» [13, с. 242]. (Реминисцентный код Дж. Китса, а после, опосредованно, – О. Э. Мандельштама: в их поэзии образ кузнечика неразрывно связан с фигурой творца и поэтическим словом, например: «Кузнечик и сверчок», «Кузнечиков хор спит...», «Что поют часы-кузнечик...», «Среди кузнечиков беспамятствует слово...». В рецензии на «Громокипящий кубок» Игоря Северянина стих поэта О. Э. Мандельштам сравнивает с «мускулатурой кузнечика».)

Заметно, как все метаэлементы в поэзии О. А. Седаковой эксплицируют авторскую «философию языка». Язык включается в антиномию сознательное / бессознательное в поэтическом мышлении, подвергающем осмыслению дуальную реальность: «Летят имена из волшебного рога, / но луг выбирает язык: / разумный – он разума азбуку трогал, / безумный – как слово возник» [13, с. 38]. Семантическое пространство (как и в целом локусы физического мира) в дискурсе О. А. Седаковой расширяется благодаря текстуализации: «В каждом слове есть дорога, / путь унылый и страстный» [13, с. 153]; «Ты, слово моё, как сады в глубине» [13, с. 176]; «Поэзия земли не умирает» [13, с. 192]; «Иероглифами кустов и деревьев / с нажимом и без нажима / пишут и пишут» [13, с. 212]. Поэт уподобляет слово форме гармонизации, исцеления и эстетизации мира, помня о его божественной сущности и одухотворяющей природе: «Ты же, слово, царская одежда, / долгого, короткого терпенья платье, / выше неба, выше солнца» [13, с. 141]; «Рука поэзии, воды нежнее / и терпеливей – как рука святых – / всем язвы умывает – все пред нею // равны и хороши; в дыханье их / она вмещается, преображая / хрип агонический в нездешний стих...» [13, с. 271]. Слово поэта («сокровище», «ларчик восхищенья») способно, по мысли О. А. Седаковой, в себе самом и со своей помощью преодолевать катастрофичность мира: «Кто среди сокровищ тяжких, страстных / ларчик восхищенья выбрал наугад? / Кто ещё похвалит мир прекрасный, / где нас топят, как котят?» [13, с. 210]. Сам процесс метафизического, духовного письма (реже – говорения) приносит удовольствие, радость открытия красоты мира в слове: «Ах, по влажной бумаге / невидимой кистью, / по воздуху мягкому, рисовому / писать одно

удовольствие – руку не остановишь. // Воздушная книга, как Хлебников, пишет: / какие-то корнесловия, / колодцы происшествий, / золотые мониста наставшего. / Впрочем, приедешь, увидишь» [13, с. 212].

Одна из тематических констант поэзии О. А. Седаковой – смерть. Жизнь неизбежно поглощается смертью: «Жизнь ведь небольшая вещица: / вся, бывает, соберётся / на мизинце, на конце ресницы – / а смерть кругом неё, как море» [13, с. 149]. В минуты отчаяния даже поэту хочется замолчать: «Вернуться и не назваться. / Так и молчать до смерти» [13, с. 147]. Однако слово всё же становится формой спасения и победой над небытием, потому что является «одухотворённой плотью», частью физического измерения человека: «Когда я начинаю речь, / мне кажется, я ловлю одежды уходящий край <...> // И если дальше говорить, / глаза закрыть и слова забыть / и руки разжать в уме – / одежда будет говорить, / как кровь моя, во мне» [13, с. 102]. «Спасение в искусстве» (по слову одного персонажа В. В. Набокова) оказывается одной из причин актуализации метапоэтики О. А. Седаковой, в основе которой, как показал анализ, лежит мысль об одухотворяющей роли слова в жизни человека и мира, о приближении человека к раскрытию сущности мироздания.

Итак, выделение метатекстовых компонентов в поэтическом языке О. А. Седаковой позволяет судить, что «текст о творчестве» – важный аспект её художественной картины мира, а интерпретация метапоэтики становится ключом к постижению интеллектуального начала и образно-семантической фактуры её лирики. Перспективными видятся следующие векторы дальнейшего анализа метапоэтики О. А. Седаковой: интерпретация образов поэтов, явленных или «зашифрованных» в стихотворениях писательницы; реконструкция седаковской концепции творчества (с опорой на обширную эссеистику).

Список литературы

1. **Аверинцев, С. С.** Горе, полное до дна / С. С. Аверинцев // Седакова О. А. Стихи. – Москва, 1994. – ISBN 5-7333-0467-7. – С. 358–363.
2. **Бердяев, Н. А.** Пикассо / Н. А. Бердяев // Культурология : дайджест. – 2015. – № 1(72). – С. 26–33.
3. **Вежбицка, А.** Метатекст в тексте / А. Вежбицка ; пер. с польского А. В. Головачёвой // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва, 1978. – Вып. 8 : Лингвистика текста. – С. 402–421.
4. **Зусева-Озкан, В. Б.** Историческая поэтика метаромана : монография / В. Б. Зусева-Озкан. – Москва : Intrada, 2014. – 487 с. – ISBN 978-5-8125-1977-3.
5. **Лейдерман, Н. Л.** Современная русская литература: 1950–1990-е годы : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений : в 2 т. Т. 2. 1968–1990 / Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий. – Москва : Академия, 2003. – 688 с. – ISBN 5-7695-1454-X.
6. **Лукин, В. А.** Художественный текст: основы лингвистической теории и элементы анализа : учебник / В. А. Лукин. – Москва : Ось-89, 1999. – 192 с. – ISBN 5-86894-279-5.
7. **Мандельштам, О. Э.** Стихотворения ; Проза / О. Э. Мандельштам ; [сост., вступ. ст. и коммент. М. Л. Гаспарова]. – Москва : АСТ ; Харьков : Фолио, 2001. – 734 с. – ISBN 5-17-006594-9.

8. **Пастернак, Б. Л.** Охранная грамота / Б. Л. Пастернак. – Roma : Edizioni Aquario, 1970. – 101 с.
9. **Поэтика** : словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н. Д. Тмарченко. – Москва : Изд-во Кулагиной : Intrada, 2008. – 358 с. – ISBN 978-5-903955-01-5.
10. **Северская, О. И.** Металитература, метапоэтика, метатекст / О. И. Северская // Русский язык за рубежом. – 2010. – № 4. – С. 59–63.
11. **Синельникова, Л. Н.** Лирический сюжет, лирический нарратив, поэтический дискурс: траектория отношений / Л. Н. Синельникова // Актуальные вопросы преподавания и изучения русского языка (г. Луганск, 21 апр. 2021 г.) / под ред. И. А. Соболевой ; ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ». – Луганск, 2021. – С. 5–18.
12. **Суслова, Е. В.** Рефлексивность и концептуализация в языке новейшей русской поэзии / Е. В. Суслова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2016. – № 6. – С. 215–218.
13. **Седакова, О. А.** Стихи / О. А. Седакова. – Москва : Гнозис : Carte Blanche, 1994. – 384 с. – ISBN 5-7333-0467-7.
14. **Скляр, О. Н.** «В заговоре против пустоты и небытия»: неотрадиционализм в русской литературе XX века : монография / О. Н. Скляр. – Москва : Изд-во ПСТГУ, 2014. – 223 с. – ISBN 978-5-7429-0910-1.
15. **Тюпа, В. И.** Неотрадиционализм, или Четвёртый постсимволизм / В. И. Тюпа // Постсимволизм как явление культуры / редкол.: С. Н. Бройтман, И. А. Есаулов, В. И. Тюпа [и др.]. – Москва, 1995. – [Вып. 1] : Материалы Международной научной конференции, (10–11 марта 1995 г.). – С. 21–24.
16. **Черниенко, Л. В.** Русская литература конца XX – начала XXI столетий : учеб. пособие / Л. В. Черниенко. – Луганск : Изд-во ЛНУ им. Тараса Шевченко, 2009. – 249 с.
17. **Штайн, К. Э.** Гармония поэтического текста. Склад. Ткань. Фактура : монография / К. Э. Штайн. – Ставрополь : Изд-во Ставропольского гос. ун-та, 2006. – 646 с. – ISBN 5-88648-526-0.
18. **Waugh, P.** Metafiction: The Theory and Practice of Self-Conscious Fiction / P. Waugh. – London ; New York : Methuen, 1984. – 192 p. – ISBN 0-416-32630-7.

Kotomtsev D. O.

«Go, my canzone, as you are told»: O. A. Sedakova's metapoetics

The article examines the meta-components of O. Sedakova's poetic texts: meta headings, text fragments and poems containing a reference to the text as a whole or as a «cultural text», i.e. an auto-interpretation, an indication of genre labeling, reflections on the poetic tradition. It is shown how O. Sedakova's metalics conceptualize the act of creativity associated with the revelation of the truth about the world, as well as merge the artistic image and lyrical narrative (the process of transition from the objective world to mental generalization), the poet's speech and the «alien» word. The author analyzes the functions of a «creative poet» capable of «divining» the innermost, and the processes of writing and speech as forms of harmonization, healing, and aestheticization of reality.

Key words: *metareflexion, poetology, the act of writing, the poet figure, auto-interpretation.*

Миннуллина Фатыма Халиулловна,
канд. филол. наук,
ст. научн. сотр. отдела
литературоведения
«Института языка, литературы
и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ»
minnullina77@mail.ru

Жанровая специфика драматургии Зульфата Хакима (на примере пьес «Морковное поле», «Русалка – любовь моя», «Черт попутал», «Мелодия века»)

В данной статье исследуются особенности жанрового своеобразия пьес З. Хакима, проявляющиеся в смешении жанров и отходе от классических канонов. Выявляются переплетения трагичного и комичного начал, применение элементов абсурда, а также взаимовлияние эпического, лирического и прочих жанровых форм. Исследование результатов показывает, что многогранность и жанровая изменчивость выступают определяющими чертами авторского стиля в драматургии, которые обуславливают его неповторимость и значимость.

Ключевые слова: драматургия, жанровая специфика, конфликт, герой.

Работа выполнена за счет гранта Академии наук Республики Татарстан, предоставленного молодым кандидатам наук (постдокторантам) с целью защиты докторской диссертации, выполнения научно-исследовательских работ, а также выполнения трудовых функций в научных и образовательных организациях Республики Татарстан в рамках Государственной программы Республики Татарстан «Научно-технологическое развитие Республики Татарстан».

Вопрос жанровой принадлежности в произведении является одним из ключевых проблем в современном литературоведении. Это связано с тем, что XX и XXI века стали временем значительных культурных и исторических изменений, которые сильно повлияли на общественное сознание. Такая ситуация приводит к тому, что жанровые категории формируются и переосмысливаются, что, в свою очередь, вызывает жанровую неопределенность и стремление к созданию новых. Драматургия З. Хакима, благодаря оригинальному объединению различных жанров, ярко иллюстрирует эту изменчивость. Творчество писателя занимает особое положение в истории татарской драматургии, привнося в национальную культуру новые темы, расширяя границы театрального искусства и предлагая оригинальные подходы к осмыслению жанровых границ. Например, пьесы, которые являются объектом изучения – «Морковное поле», «Русалка – любовь моя», «Чёрт попутал» и «Мелодия века» – ярко иллюстрируют умение автора объединять разножанровые элементы, формируя таким образом глубокие

и многогранные художественные произведения. З. Хаким – один из самых ярких и самобытных драматургов современной татарской литературы, чье творчество до сих пор недостаточно глубоко изучено с точки зрения жанровых особенностей. Изучение жанрового синтеза, новаторских приемов в драматургии З. Хакима позволяют проследить эволюцию татарской драмы и ее взаимодействие с мировыми тенденциями.

Цель статьи – определить жанровые особенности драматургии З. Хакима.

Задачи исследования:

- выявить основные жанровые доминанты в драматургии З. Хакима;
- проанализировать взаимодействие различных жанровых элементов (трагического и комического, эпического, драмы абсурда и др.);
- раскрыть связь жанровой специфики с идейно-тематическим содержанием пьес.

Новизна исследования заключается в анализе жанрового синтеза и экспериментальности драматургии З. Хакима, позволяющем раскрыть идейное содержание произведений, понять авторскую позицию.

Методологические и теоретические принципы работы базируются на исследованиях, посвященных жанровой проблематике. В статье используются описательный и герменевтический методы.

В последние годы наблюдается растущий интерес к исследованиям, посвященным эволюции определенных литературных жанров. В работах анализируются поэтические аспекты сценической литературы, а также рассматриваются жанровые особенности отдельных произведений. Согласно Т. Марковой, изменения в жанровом каноне драматургии и возникновение конвергентных жанров происходят параллельно с общими трансформациями, характерными для литературы рубежа веков: «На рубеже XX–XXI вв. радикально меняется сам тип жанрового мышления, сформированного многовековой традицией. Происходит дифференциация и одновременно контаминация жанров – и в масштабах системы, и внутри одного произведения» [6, с. 199]. С одной стороны, авторы вступают в диалог с «памятью жанра» (М. М. Бахтин), с другой – стремятся создать новые жанровые определения, чтобы подчеркнуть уникальность своих произведений. В частности, О. Журчева подчеркивает изменчивость и нестабильность жанровой системы [3, с. 89].

Тамарченко Н. Д. предлагает концепцию, согласно которой конфликт между традиционным и новаторским в драме может быть осмыслен через призму противостояния жанров трагедии, комедии с одной стороны, и драмы – с другой [8, с. 408]. Работы С. Я. Гончаровой-Грабовской, М. И. Громовой, О. В. Журчевой, Е. М. Васильева, А. Г. Ахмадуллина, Н. Г. Ханзафарова, А. М. Закирзянова, А. Шариповой и др. содержат ценную информацию относительно жанровых форм. В татарской драматургии большинство исследований, посвященных драматургии З. Хакима, фокусируется на отдельных аспектах – например, социальной критике или психологизме персонажей. К примеру, А. Ахмадуллин [1], А. Закирзянов [7, с. 5] исследуют идейно-тематическую направленность пьес драматурга. Их анализ проникает в суть авторского замысла, выявляя основные мотивы и проблемы, затронутые в произведениях. А. Шарипова определяет особенности художественного осмысления темы судьбы народа в театральном романе татарского драматурга

З. Хакима «Гасыр моңы» («Мелодия века») [10]. Однако вопрос их анализа с точки зрения соответствия заявленному названию, возможности верификации остаются вне поля зрения. Данное исследование предлагает комплексный подход, сочетающий анализ сюжета, характеров для определения жанровой принадлежности пьес драматурга.

На рубеже XX–XXI веков драматургия испытывает значительные изменения в рамках жанровых стандартов: пьесы начинают преодолевать границы традиционных жанров, открывая тем самым разнообразные возможности для жанровой интерпретации [2, с. 26]. С этой точки зрения интересна драматургия З. Хакима, который экспериментирует с драматическими жанрами: трагедия («Чертов омут», 1999), драмы («Хворь», 1994; «Не убей!», 1996; «Лицо», 2003; «Странная девушка», 2007), театральный роман «Немая Кукушка», 2004; «Мелодия века», 2006; «Легионер», 2006), трагикомедия («Морковное поле», 1993; «Дом для душевнобольных», 1995; «Предсказатель», 1997), трагический фарс («Черт попутал...», 1991), мелодрамы («Предатель», 1995; «Я тебя люблю», 1998), комедии: «Моя любимая под водой», 1991; «Вор», 1994; «Всё моросит и моросит...», 1997), «Я видел сон...», 1999; «Поскакал мой конь в Казань», 2001; «Ружьё», 2007), музыкальная комедия («В яблоневом саду есть золото», 2006).

Творческий диапазон З. Хакима характеризуется многообразием драматургических форм. Например, он сочетает в своих произведениях трагическое и комическое. Гротеск, ирония и сарказм становятся инструментами для понимания противоречий, которые существуют в современном мире. Нельзя не отметить и влияние драмы абсурда на творчество З. Хакима. Нелогичность ситуаций, парадоксальные диалоги, гротескные образы создают атмосферу абсурдности существования. Эстетика абсурда неразрывно связана с «кризисом бытия», поскольку в конце XX – начале XXI столетия абсурд стал неотъемлемой составляющей человеческого существования. «В 1990-е гг. в обществе происходят культурно-исторические катаклизмы, выразившиеся в утрате идеалов предшествующего времени, в стране назревает «кризис господствующей идеологии», ощущается «фиктивность веры в коммунизм как высшую форму социального прогресса» [6, с. 394]. Эти факторы способствуют трансформации восприятия и осознания человеком окружающей реальности: мир, наполненный драматизмом, неопределенностью и изменчивостью, предстает перед ним как хаос: «лишенный причинно-следственных связей и ценностных ориентиров» [6, с. 31].

Это явление обусловлено отказом от привычных, на первый взгляд, разумных оснований жизни и страхом перед непредсказуемым и, возможно, иррациональным будущим. Сатира 90-х годов конца XX века выделяется разнообразием комических приемов и обновлением жанровых особенностей. Комедия в творчестве драматурга приобрела черты, свойственные другим жанрам, например, фольклорная образность дала возможность для широких общественно значимых обобщений. В таком ракурсе написаны пьесы З. Хакима «Морковное поле», «Русалка – любовь моя», которые обладают признаками трагедии, комедии и фантастики. В пьесе «Русалка – любовь моя» автор переосмысливает сюжет сказки Г. Тукая «Су анасы» («Водяная»). Неправдоподобная история любви Марданши к Русалке позволяет сатирически

изобразить современную деревню и нравы ее жителей: распространенность алкоголизма, утрата духовных ценностей и т. д.

Автор с иронией описывает недостатки постсоветского человека, который был воспитан в советский период и который не сумел адаптироваться к новым реалиям. Основой сюжета представляется любовь Марданши к мифологическому персонажу Су анасы, которая символизирует мечту о красивой жизни. Она контрастирует с жестокой реальностью, представленной в образе доярки Халисы. Сравнивая Халису с Русалкой, драматург возносит ее в ранг идеала. В деревне нет женщины, в которую можно было бы влюбиться, многие стали озлобленными и грубыми из-за тяжелого труда. Люди утратили способность замечать красоту, перестали верить в чудеса. Объектом сатиры является Халиса – деревенская женщина, погруженная в быт, ограниченная в духовном развитии. Интересно, что только Марданша восхищается красотой Су анасы и влюбляется в нее, в то время как остальных героев привлекает лишь материальная сторона. Нужно отметить, в пьесе Су анасы в противовес мифологической традиции вынуждена спасаться от человеческого невежества. Обращение автора к мифологическим сюжетам и образам служит инструментом для осмысления и демонстрации злободневных социально-политических проблем, характерных для советского строя.

Аналогичный сатирический подход наблюдается и в трагикомедии «Морковное поле». Автор изначально обозначал свое произведение как «печальную комедию». Необходимо подчеркнуть, что определение пьесы как трагикомедии точнее отражает ее жанровую принадлежность. В пьесе драматург прибегает к элементам научной фантастики, чтобы посредством метафор и символов показать всю сложность ситуации, сложившейся в сельской местности в 1990-х годах. Следовательно, пьеса представляет собой смешение жанров: комедии, трагедии и фантастики. Для усиления критики З. Хаким противопоставляет мир людей миру пришельцев из космоса. События пьесы разворачиваются в старом клубе, который символизирует разрушение мифа о «счастливой советской жизни», которая достигается посредством изображения ветхости клуба. Появление НЛО над селом, о котором сообщает председатель, вызывает бурное обсуждение среди жителей. Писатель подчеркивает тревогу и неопределенность, царящие в обществе, где люди вынуждены жить в постоянном страхе. На следующий день в морковное поле спускается неопознанный летательный аппарат с представителями внеземной цивилизации. Посетители обладают высоким интеллектом и доброжелательным отношением. Они объясняют свой визит желанием навестить своих соплеменников – татар, чтобы познакомиться с их образом жизни. Сельские жители обнаруживают, что пришельцы живут значительно лучше и отличаются терпимостью друг к другу, честностью и нравственностью.

Приглашение гостей посетить их планету начинает вызывать у людей беспокойство, так как каждый желает заглянуть в жизнь пришельцев и прихватить с собой дефицитные товары. Однако спустя несколько дней истинная картина деревенского быта начинает вырисовываться: люди воруют колхозные овощи, злоупотребляют спиртными напитками и думают исключительно о личной выгоде. В произведении З. Хакима обнажаются абсурдные явления, которые народ уже воспринимает как

норму, свидетельствуя о трагической реальности, где произошла перемена ценностей и утрата веры в себя и надежды на светлое будущее. Основными свойствами абсурда в пьесе являются: нарушение причинно- следственных связей, одиночество и разобщенность людей и т. д. Трагикомедия завершается разочарованием пришельцев безнравственностью жителей села, и они улетают, так и не взяв никого с собой.

В пьесе изображены комические герои, которые не могут найти в себе достаточно мужества, чтобы бороться с трудностями жизни, защищать свои убеждения и ценности. Автор использует их образы, чтобы высмеять и показать в негативном свете деградирующее общество, тем самым утверждая идеалы красоты. «Морковное поле» служит метафорой для описания общества, которое переживает кризис и стоит на грани перехода к новой социальной системе. В 1990-х годах наблюдается заметная трансформация характера героев, что проявляется в их духовной бедности. Это явление становится следствием социальных и политических изменений на границе веков, в результате чего происходит утрата моральных ориентиров у личности. Персонажи, созданные З. Хакимом в трагикомедиях, представляют собой героев нового времени. Они могут быть комичными, неуверенными в себе и страдающими, совершающими ошибки, тем самым они вызывают смех и грусть.

Писатель не только проявляет жестокость по отношению к своим героям, но и вскрывает их слабости и недостатки. Высмеивает и критикует общество, стремясь утвердить идеалы прекрасного. Посредством описания жизни общества в постсоветский период драматург акцентирует внимание на таких аспектах, как отчуждение, одиночество, смятение и жестокость. В конце XX века татарская драматургия обратилась к разнообразным формам фарса. Ярким примером может служить трагикомический фарс З. Хакима «Черт попутал» (1991). В пьесе элементы абсурда переплетаются с мифологическими мотивами, создавая своеобразный мир. Здесь присутствует гротеск, который является основным приемом театра абсурда. Абсурдная ситуация достигает гротескных масштабов, а трагикомический подтекст акцентирует драматизм общества.

В этом трагифарсе автор отходит от традиционных представлений о Черте, как о злой сущности. В пьесе он скорее милосерден и начинает оказывать помощь тем людям, с которыми вступает в общение. Таким образом, создается новый мифологический образ. Черт считает, что главной причиной разрушения привычного уклада жизни являются сами люди. В трагедии З. Хакима «В объятиях черта» наблюдается синтез реального, фантастического и мифологического. Образ черта, представляется как воплощение зла, он всегда привлекал внимание своей многогранностью и сложностью. Черт может проявляться в любом виде и вмешиваться в человеческую жизнь, искушая её разнообразными греховными удовольствиями. Пьеса рассказывает о чувствах молодых людей Разима и Фанзили. После завершения учебы Фанзиля отправляется в город для продолжения образования и постепенно поддается привлечению городской жизни. В ее душе поселяется Черт, принимающий облик мужчины (только девушка видит Ильгиза-Шайтана).

После случившегося у девушки начинается процесс раздвоения личности. Такая история происходит и с Разимом: увлеченный Ильгизой-

Шайтан, парень оказывается втянутым в мир пьянства. Под влиянием Шайтана Разим вместе с Фанзилей прыгает в Чертов омут, что приводит к их гибели. Жизненная модель объединяет два мира: один – мифический, где обитают Ильгиз-Шайтан и Ильгиза-Шайтан, а другой – реальный, с его повседневными событиями, в котором герои могут без усилий перемещаться из одной сферы в другую.

Развитие художественных исследований З. Хакима в 1990–2000-х годах можно проследить также через его драмы, которые иллюстрируют не только изменения, трансформации в его творческом подходе, но и общие литературные тенденции. Драматургия З. Хакима включает в себя глубокие психологические драмы. Персонажи его произведений часто испытывают внутренние конфликты, сталкиваются с моральными дилеммами и размышляют о смысле жизни. Например, драма «Лицо» (2003) привлекает внимание своей оригинальной темой и художественным подходом. Произведение насыщено трагическими мотивами, что, безусловно, связано с социальными потрясениями на рубеже XX–XXI вв. Следует отметить, что сюжет драмы связан с рассказом А. Толстого «Русский характер» [1, с. 83]: З. Хаким представил современную интерпретацию данной истории.

Автор углубляет и расширяет идеи и мотивы пьесы. Пятеро одноклассников – Артем, Даша, Вадим, Неля и Роберт – празднуют окончание учебы в саду. Роберт с Нелей, Артем с Дашей. Вадиму нравится Даша, но ему дают понять, что он лишний. Артема, имеющего освобождение от службы в армии, благодаря стараниям Вадима и Роберта отправили служить. Вадим надеется, что за тот срок, пока Артема не будет, у него появится шанс на взаимность. После восьми лет отсутствия Артем вновь оказывается в своем родном городе. Его возлюбленная два года назад вышла замуж за Вадима, мать ушла из жизни, и у него больше нет собственного жилья, но и Даша сомневается в том, что это действительно он, ведь Артем возвращается, почти неузнаваемый, «без лица».

В развитии сюжета автору удалось раскрыть такие человеческие качества, как дружба и человечность, верность и предательство. Название пьесы – «Лицо» – не только отражает облик израненного солдата, но и указывает на утрату своего истинного «я» у друзей молодого человека. Произведение побуждает задуматься над сложностями человеческих отношений на фоне трагедий и испытаний. Еще одной отличительной особенностью драматургии З. Хакима является сочетание различных литературных жанров: в его пьесах элементы эпического и лирического часто гармонично соединяются с драматическим действием, образуя несколько сюжетных линий. В этом контексте особое значение имеют театральные романы «Немая кукушка», «Мелодия века», «Легионер», где автор раскрывает трагическую судьбу татарского народа в эпоху тоталитарного режима. Как отмечает Д. Ф. Загидуллина, драмы «Мелодия века» З. Хакима и ряд других произведений стали первыми в татарской литературе, построенными на основе народного эпоса и использующими его для одновременного воссоздания нескольких сюжетных линий, что позволяет автору сформулировать главный миф об истории татарского народа XX века [4, с. 13].

Жанр произведения, определенный автором как «театральный роман», свидетельствует о масштабности затронутых тем как по хронологии, так и по

объему событий. Драматург демонстрирует современную действительность сквозь призму исторических событий, что приводит к актуализации и углублению исторической тематики. Действие пьесы разворачивается на протяжении длительного периода времени. Например, драма «Мелодия века» охватывает период с 1906 по 2006 год. В пьесе действуют множество героев, представляющих разные социальные слои. Произведение охватывает несколько сюжетных линий: на примере судьбы трех поколений семьи Акмуллиных автор транслирует вековую историю народа. Казанский купец Салахутдин Акмуллин привозит из Читы мальчика Басыйра, сына революционера. Противостояние Вилдана, офицера «белой» и Басыйра, комиссара красной армии – достигает апогея, приобретая форму острой идеологической борьбы. Дискуссия между Салахутдином, Вилданом и Басыйром отражает трагизм политической ситуации не только на уровне одной семьи, но и как символ судьбы всего народа.

В целях самосохранения и защиты своих близких, Салахутдин, поверив обманчивым обещаниям приемного сына, решает выдать свою дочь Аклиму за него замуж. Однако этот поступок не спасает его семью. Вилдан, Аклима и ее новорожденный сын Ильбек избегают трагической участи лишь бегством из страны [10, с. 170]. Второе действие пьесы перенесено на двадцать лет вперед, что позволяет автору развить вторую сюжетную линию. Многолетняя вражда между Вилданом и Басыйром завершается трагически. Басыйр – директор крупного секретного предприятия в СССР, осознав после встречи с сыном, что стал объектом слежки советских органов, просит отправить его на фронт, где он погибает. Вилдана, обвиненного в покушении на Гитлера, вместе с другими эмигрантами, проживающими в Германии, приговаривают к смертной казни. Вызывает интерес разговор между представителями семьи Акмуллиных, в частности, сыном Вильдана Тимером и Ильбеком, которому 87 лет, посвященный судьбам людей, пострадавших от тоталитарного режима, после прихода к власти большевиков: «Тимер. Я всю свою жизнь жил, скучая и тоскуя по вам, не видя вас ни разу. У меня уже есть дети и внуки. Даже они, как и я, скучают по этой земле. Илбэк. Родная земля наших предков притягивает, брат Тимер» [9, с. 210]. «Мелодия века» – одно из первых произведений в татарской литературе, полностью построенных на фундаменте народного эпоса и использующих его для одновременного воссоздания нескольких текстов-историй.

Таким образом, можно утверждать, что З.Хаким обращается к различным жанрам, включая комедию, драму и трагедию. В комедийных пьесах автор использует юмор и сатиру для критики социальных явлений и человеческих пороков. Пьесы драматурга, такие как «Морковное поле», «Русалка – любовь моя», «Черт попутал» и «Мелодия века», раскрывают уникальный авторский стиль, представляющий собой синтез несовместимых жанров. Драматург с легкостью переплетает трагикомедию, где горечь утрат соседствует с гротескным юмором, с острой социальной драмой, разоблачающей пороки общества. Фарсовые элементы являются инструментом для усиления драматического эффекта, подчеркивают абсурдность некоторых жизненных ситуаций, позволяя автору с иронией и сарказмом описывать серьезные вопросы, связанные с моралью и этикой.

Каждое произведение раскрывает глубокие социальные и психологические темы, позволяя читателям задуматься о повседневной жизни, человеческих слабостях и стремлениях. Жанровая специфика драматургии З. Хакима отличается стремлением к синтезу: автор создает свой неповторимый стиль, в котором переплетаются элементы трагедии, комедии, притчи, абсурда, эпического повествования.

Перспективы будущих исследований могут быть связаны с детальным сопоставлением работ различных писателей: такой подход поможет более полно понять ключевые моменты рассматриваемого вопроса и представить новые интерпретации.

Список литературы

1. **Ахмадуллин, А. Г.** Татарская драматургия: история и проблемы / А. Г. Ахмадуллин. – Казань : Татар. кн. изд-во. 2012. – 511 с. – ISBN 978-5-298-02244-6.
2. **Гончарова-Грабовская, С.** Поэтика современной русской драмы (конец XX – начало XXI века) / С. Я. Гончарова-Грабовская. – Минск : Белорус. гос. ун-т, 2003. – 289 с. – ISBN 985-485-084-6.
3. **Журчева, О.** Проблема жанра в новейшей драме XX–XXI веков, или новая канонизация жанров / О. Журчева // Новейшая драма рубежа XX веков: проблема жанра : сб. науч. ст. : [материалы VII науч.-практ. семинара, посвящ. памяти Вадима Леванова, Самара, 18–19 апр. 2014 г.] / под общ. ред. Т. В. Журчевой. – Самара, 2015. – ISBN 978-5-86465-666-2. – С. 7–14.
4. **Загидуллина, Д.** Татарская литература и национальный театр: одна дорога на двоих / Д. Загидуллина // Театр XXI века и вызовы нового времени : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 110-летию татарского театра, Казань, 22 дек. 2016 г. / [науч. ред. Э. М. Нургаллина]. – Казань, 2016. – ISBN 978-5-93091-206-7. – С. 58–64.
5. **Закирзянов, Ә.** Драматургия / Ә. Закирзянов // Татар әдәбияты тарихы = История татарской литературы : сигез томда / [төз. Р. Ф. Рахмани]. – Казан, 2021. – Т. 8 : 2001–2020 еллар = Т. 8 : 2001–2020 годы. – ISBN 978-5-6045858-8-7. – С. 589.
6. **Липовецкий, М.** Постмодернизм: агрессия симулякров и саморегуляция Хаоса / М. Липовецкий // Русская литература XX века: закономерности исторического развития : [монография] / [Л. Н. Анпилова и др. ; отв. ред. Н. Л. Лейдерман]. – Екатеринбург, 2005. – Кн. 1 : Новые художественные стратегии. – ISBN 5-7691-1562-9. – С. 355–393.
7. **Маркова, Т.** Пути жанровых трансформаций в русской прозе рубежа XX–XXI вв. / Т. Маркова // Метаморфозы жанра в современной литературе : сб. науч. тр. / [редкол.: Н. Т. Пахсарьян (сост.), А. А. Ревякина (сост.) и др.]. – Москва, 2015. – ISBN 978-5-248-00754-7. – С. 8–28.
8. **Теория литературных жанров** / [М. Н. Дарвин, Д. М. Магомедова, Н. Д. Тамарченко, В. И. Тюпа] ; под ред. Н. Д. Тамарченко. – Москва : Академия, 2011. – 256 с. – ISBN 978-5-7695-6936-4.
9. **Хәким, З.** Телсез күке : пьесалар / Зөлфәт Хәким. – Казан : Татар. кит. нәшр., 2007. – 203 с. – ISBN 978-5-298-01578-3.
10. **Шарипова, А.** Художественное осмысление темы судьбы народа

в театральном романе З. Хакима «Гасыр моңы» / А. Шарипова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – Т. 14, вып. 12. – С. 370–371.

Minnullina F. Kh.

**Genre Specifics of Zulfat Hakim's Drama
(Using the Example of the Plays «The Carrot Field»,
«The Mermaid is my Love», «The Devil got lost», «Melody of the Century»)**

The article deals with the features of the genre originality of Z. Hakim's plays, manifested in a mixture of genres and a departure from the classical canons. It reveals the interweaving of tragic and comic beginnings, the use of elements of the absurd, as well as the mutual influence of epic, lyrical and other genre forms. The study of results shows that versatility and genre variability act as defining features of author's style in dramaturgy, which determine its uniqueness and significance.

Key words: dramaturgy, genre specificity, conflict, hero.

Никулина Анастасия Андреевна,
преподаватель кафедры английской
и восточной филологии
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
anastasianikulinaa@mail.ru

Речевой портрет как способ идентификации личности: применение лингвистической теории в современном литературоведении

Статья посвящена описанию возможности применения лингвистической теории речевого портрета в современном литературоведении в контексте актуальности проблемы идентичности. Рассматриваются основные методы изучения речевого портрета, их эффективность в литературоведческом исследовании, посвященном изучению современной английской литературы. В статье доказывается, что теория речевого портрета может успешно использоваться для исследования нарративных структур и особенностей речемыслительной деятельности главного героя современного английского исторического романа.

Ключевые слова: *речевой портрет, идентичность, исторический роман, личность, лингвистическая теория, литературоведение.*

Образ героя в произведении создается самыми разными средствами. Среди них важную роль играет речевой портрет, или речевая характеристика. Речь героя в художественной литературе, как и речь человека в реальной жизни, может иметь национальные, культурные, собственно социальные (классовые, профессиональные, семейные) черты, а также черты индивидуальные, особенные. При этом теория речевого портрета была сформирована в рамках лингвистических исследований и в современном литературоведении применяется фрагментарно.

Цель статьи – описать возможности применения лингвистической теории речевого портрета в современном литературоведческом исследовании в контексте актуальности проблемы идентичности для современной литературы.

Современные исследования проблемы идентичности вызваны потребностью объяснить мотивацию человека, установить причины его поведения и поступков (в том числе речевых) [3, с. 66]. Идентичность формируется в течение жизни и опирается на уже существующие знания и опыт. Понятие «идентичность личности» связано с рядом других: «социальная группа», «этнос», «культура», «традиции», «религия» и т. п. Человек познает себя, изучает окружающий мир, находится в постоянном поиске социальной, культурной, религиозной, национальной и этнической принадлежности [3, с. 66]. Проблема идентичности личности решается в поле социального взаимодействия, что проявляется в способе восприятия существующих стереотипов, норм и ценностей, в осознании человеком своего места в обществе и мире. Каждая из сторон личности может проявляться

по-разному. Изучение ее черт, способов ее проявления в социуме и в мире есть путь к описанию и пониманию самой личности.

В современной художественной литературе прослеживается тенденция к изучению личности через проблему ее национальной, культурной и социальной идентичности: ключом к пониманию образа героя становятся его отношения с нормами, традициями, ценностями, его взаимоотношения с историческим прошлым, настоящим и будущим. «История» личности зачастую изображается не просто в контексте общественно-политической жизни страны, частной жизни, быта, но и в контексте понимания героем своих отношений с национальной историей, со своей и другими культурами.

Новизна исследования заключается в определении эффективности использования лингвистической теории речевого портрета в литературоведческом исследовании, посвященном изучению современной английской литературы, которая характеризуется особым вниманием к проблемам национальной и культурной идентичности. Это связано как с общими социально-политическими процессами глобализации и глокализации, так и с процессами внутри английского общества, для которого распад Британской империи во второй половине XX века стал социальной травмой. Так, Дж. Фаулз посвящает вопросу о национальной идентичности большое эссе «Быть англичанином, а не британцем» («*On Being English but not British*», 1964), в котором делает попытку сопоставить концепты «британскость» и «английскость». Автор пишет, что в течение долгих лет его не покидала мысль о том, «насколько сложно определить сущность своей личности» [6, с. 114]. Отмечая, что «английскость» означает «признание и принятие тобой, на любом социальном уровне, недостатков и достоинств специфических форм английскости» [6, с. 114], утверждает, что квинтэссенцией «английскости» является образ «зеленой Англии», содержащий географическую и мифологическую составляющие.

Географический компонент концепта-образа он объясняет островным положением Англии и связывает с ним обособленность англичан, их стремление дистанцироваться от других наций и культур, быть наблюдателями. К мифологической составляющей он относит легенды о Робин Гуде – герое, в котором воплощаются английские идеи свободы и справедливости. Кроме этого, по мнению Дж. Фаулза, «английскость» проявляется в определенных чертах ментальности: «богатстве воображения, чувстве юмора, меланхоличности, холерическом темпераменте, сентиментальности, искренности, способности глубоко погружаться в личные переживания» [6, с. 124]. В то же время «британскость» не имеет никакого отношения к тому, что на самом деле составляет английский национальный характер, а скорее связана со стремлением к власти и величию.

Таким образом, для Дж. Фаулза в период 1960-х размышления о национальной идентичности становятся центральными для выработки мировоззренческих ориентиров, и романы «Волхв» («*The Magus*», 1965) и «Женщина французского лейтенанта» («*The French Lieutenant's Woman*», 1969), созданные в это время, своеобразно продолжают эти размышления, перенося их в художественную плоскость.

Не менее знаковым для вхождения проблем национальной и культурной идентичности в современную английскую литературу является

роман П. Акройда «Лондон: Биография» («*London: The Biography*», 2000), соотносящийся в идейном строе с его научно-популярной книгой «История Англии» («*The History of England*», 2012). «Английскость» проявляется в романе в персонализированном, сложносоставном образе Лондона как сокровищницы исторической и культурной памяти английского народа. Лондон представлен как живой организм со своим характером и судьбой. Автор не придерживается строгой хронологии событий, вместо этого он рассматривает различные аспекты жизни города: его улицы, горожан, социальные группы, искусство и культуру [7].

Такие произведения представляют собой не только реконструкцию прошлого, но и способ взаимодействия с настоящим. Современный исторический роман не только продолжает традиции жанра, но и пересматривает их, объединяя принцип исторической объективности (реалистичности) с новыми способами повествования и выстраивая романную структуру вокруг проблем национальной и культурной идентичности. Этим обусловлен интерес английского исторического романа XXI века к вопросам понимания национальной истории и места в ней национальной мифологии и исторической личности. Одним из ярких примеров современного английского исторического романа является роман Х. Мантел «Вулфхолл» («*Wolf Hall*», 2009), являющийся частью трилогии о Томасе Кромвеле. Проблемы национальной и культурной идентичности в нем становятся в центр смыслооформления текста: с этим связаны и нарративные стратегии, и структуры, и фабульные линии, и сюжет, и образы героев.

Речевой портрет героя с этой точки зрения служит одним из средств исследования проблемы идентичности в современной литературе. В исторических романах Х. Мантел это, очевидно, является ключевым, поскольку все повествование ведется от лица главного героя, который при этом не является рассказчиком, не адресует свою речь кому-либо, а лишь фиксирует свои воспоминания и мысли в развернутые и одновременно фрагментарные высказывания. Фокус повествования при этом постоянно смещается между персонажами, переходя от традиционного формата к сценарию или диалогу; оформление же нарратива в настоящем времени вызывает у читателя чувство одновременного присутствия в двух временных измерениях: прошлом и настоящем.

Таким образом, для изучения современной художественной литературы в целом и творчества Х. Мантел в частности, системное применение лингвистической теории речевого портрета в литературоведческом исследовании представляется не только оправданным, но и принципиально значимым. Иными словами, литературоведческому исследованию современных произведений теория речевого портрета может дать методологический инструмент, адекватный исследуемому материалу.

Теория речевого портрета создавалась и развивалась в отечественной лингвистике на протяжении десятилетий. Среди основополагающих работ следует назвать труды Е. А. Земской, М. В. Китайгородской, Л. П. Крысина. Вопрос о речевых характеристиках личности в связи с вопросом о сущности языковой и речевой личности глубоко исследован в трудах Ю. Н. Караулова и М. Н. Панова. По мнению Т. Н. Колокольцевой, речевой портрет представляет собой совокупность речевых характеристик героя,

которые помогают читателю понять персонажа и изучить его внутренний мир и мотивы [5, с. 88–93]. Сложность исследования этого понятия связана с его социально-психологическим контекстом, а также с коммуникативно-стилистическим аспектом, определяющим детальный анализ речевого поведения героев художественных произведений. Еще одной сложностью представляется тот факт, что художественный персонаж является личностью, обладающей своей идеологией, культурой и нормами. Учитывая данные аспекты, а также фонетические, лексические и грамматические особенности речи героя, заложенные автором произведения, можно провести полноценное исследование. В связи этим нами были рассмотрены основные методы изучения речевого портрета.

В работах, посвященных изучению речевого портрета, сформировались два подхода: моноаспектный, заключающийся в рассмотрении одного отдельного аспекта, и полиаспектный, изучающий весь спектр характеристик героя. Так как речевой портрет обладает сложной структурой, его детальное изучение представляется сложным процессом, поэтому ученые в своих исследованиях чаще всего рассматривают речевой портрет на основе одного уровня (фонетического, лексического или грамматического), при этом раскрывая личность только с одной стороны.

На фонетическом уровне речевой портрет был исследован в работе М. В. Панова. Он провел детальный анализ фонетических особенностей речи политических деятелей, ученых и писателей. Ученый проследил динамику изменений в произношении с учетом исторических, социальных и культурных факторов и установил, что данные условия способствуют формированию уникального речевого портрета личности [2].

Речевой портрет на лексическом и синтаксическом уровнях рассматривает Е. А. Гончарова. Согласно мнению ученого, речевое поведение персонажа определяется на основе его лексических предпочтений, которые проявляются в частом использовании повторов, однотипных синтаксических конструкций или лексики, характерной для определенного региона или социальной группы, к которой принадлежит герой [4, с. 90–100]. Анализ лексической составляющей помогает понять образно-понятийную сферу персонажа, а изучение синтаксических особенностей речи позволяет раскрыть логико-экспрессивную функцию объединения образов и понятий в процессе их познания [4, с. 100].

Изучение речевого портрета на синтаксическом и лексическом уровнях также дает возможность определить психологическое и эмоциональное состояние персонажа, а стилистические приёмы, такие как риторический вопрос, антитеза, сравнение, метафора, помогают выявить противоречия в характере героя и дополнить его образ.

Таким образом, первоначально речевой портрет описывался на уровне фонетики, однако в последующем этот анализ дополнили и другие значимые элементы. Модели для изучения речевого портрета, описанные в работах лингвистов, дополняют друг друга, их можно синтезировать для того, чтобы составить целостный и многосторонний речевой портрет образа литературного героя.

Лингвистическую теорию речевого портрета в прикладных целях (для целостного и системного описания образа литературного персонажа)

представляется возможным дополнить теорией языковой личности. Языковая личность в лингвистике представляет собой многокомпонентную модель, которая формируется на основе языкового сознания и речевого поведения и находит своё текстовое воплощение в виде речевого портрета. Взаимосвязь данных понятий можно проследить через сопоставление структурных уровней языковой личности. Поскольку, как упоминалось ранее, главный герой современного английского исторического романа представляет собой (как в случае с Х. Мантел) полноценную (в том числе языковую) личность с индивидуальным стилем речи, то для составления его речевого портрета вполне можно опереться на теорию языковой личности.

Традиционный подход к изучению и анализу языковой личности был разработан Ю. Н. Карауловым, который выделяет три уровня представления языковой личности: вербально-семантический (лексикон человека), лингвокогнитивный (тезаурус человека) и мотивационный (мотивы, цели и установки языковой личности) [1, с. 43–47]. На вербально-семантическом уровне устанавливаются количественный состав лексикона, знание и использование определенных речевых конструкций. Данный уровень помогает изучить слова и особенности речи персонажа, формируя представление о его социальном статусе и культуре. На лингвокогнитивном уровне рассматриваются теоретические понятия, концепты и идеи. Данный уровень анализирует убеждения и ценности персонажа, его восприятие мира. Мотивационный уровень ориентирован на коммуникативно-деятельностные потребности личности. Этот уровень позволяет лучше понять стремления и желания персонажа и то, как они влияют на его поступки и взаимодействие с другими героя. Приведенная выше трехуровневая модель позволяет рассматривать персонажа как художественный образ человека, действующий в определённых ситуациях с учётом его речевых особенностей и окружения. Объединение данных уровней и особенностей речевого поведения расширяет понимание образа художественного героя. Учитывая данные аспекты, которые отражают индивидуальные черты и особенности речи, можно считать персонажа художественного произведения полноценной языковой личностью.

Таким образом, языковая личность является комплексным понятием, которое включает в себя речевой портрет, отражающий особенности речи говорящего. Языковая личность персонажа литературного произведения содержит языковые, социальные, психологические и коммуникативные факторы, сочетание которых формирует речевой портрет личности. Определяя внешние речевые особенности и внутренние мыслительные процессы, данная модель представляется наиболее полной для литературоведения при исследовании того, как личность героя проявляет свою идентичность в речевом (или даже речемыслемином) поведении.

Учитывая важность проблем национальной и культурной идентичности для современной художественной литературы, а также учитывая структурно-нарративные особенности современного английского исторического романа, можно утверждать, что применение лингвистической теории речевого портрета в сочетании с теорией языковой личности является насущной потребностью современного литературоведения. Это применение способно дать системное и целостное описание нарративных структур и особенностей

речемышлительной деятельности главного героя современного (в том числе английского исторического) романа с точки зрения проблемы идентичности.

Перспективы исследований мы видим в дальнейшем изучении аспектов и методов анализа художественного текста в ракурсе рассматриваемой проблемы.

Список литературы

1. **Караулов, Ю. Н.** Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – Изд. 7-е. – Москва : ЛКИ, 2010. – 264 с. – ISBN 978-5-382-01071-7.
2. **Панов, М. В.** История русского литературного произношения XVIII–XX вв. / М. В. Панов. – 2-е изд., стер. – Москва : УРСС, 2002. – 453 с. – ISBN 5-354-00042-4.
3. **Идентичность: личность, общество, политика : энцикл. изд. / отв. ред. И. С. Семененко ; ИМЭМО РАН.** – Москва : Весь Мир, 2017. – 992 с. – ISBN 978-5-7777-0697-3.
4. **Гончарова, Е. А.** Пути лингвостилистического выражения категорий автор – персонаж в художественном тексте / Е. А. Гончарова. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 1984. – 151 с.
5. **Колокольцева, Т. Н.** Речевой портрет персонажа: синтаксический аспект / Т. Н. Колокольцева // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2015. – № 2(97). – С. 88–93.
6. **Фаулз, Дж.** Кротовые норы / Джон Фаулз ; пер. с англ. И. Тогоевой. – Москва : Эксмо, 2021. – 576 с. – ISBN 978-5-04-122507-0.
7. **Акройд, П.** Лондон. Биография / Питер Акройд ; пер. с англ. В. Бабкова и Л. Мотылева. – Москва : Изд-во Ольги Морозовой, 2009. – 892 с. – ISBN 978-5-98695-041-9.
8. **Ackroyd, P.** The History of England : in 2 vol. Vol. 1. Foundation / P. Ackroyd. – London : Pan Books, 2012. – 500 p. – ISBN 9780330544283.
9. **Mantel, H.** Wolf Hall / H. Mantel. – London : Fourth Estate, 2019. – 653 p. – ISBN-10 9123858966.

Nikulina A. A.

Speech Portrait as a Way of Personal Identification: the Use of Linguistic Theory in Modern Literary Study

The article is devoted to the description of the possibility of using the linguistic theory of speech portrait in modern literary research in the context of the relevance of the problem of identity. The main methods of studying speech portrait and their effectiveness in literary research devoted to the study of modern English literature are considered. The article proves that the theory of speech portrait can be successfully used to study the narrative structures and features of the speech-thinking activity of the main character of a modern English historical novel from the point of view of the problem of identity.

Key words: speech portrait, identity, historical novel, personality, linguistic theory, literary study.

Новикова Анна Анатольевна,
канд. филол. наук, доцент,
заведующий кафедрой английской
и восточной филологии
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
anitabogdan@mail.ru

Аксиологические доминанты в творчестве А. Дж. Кронины

Статья посвящена анализу аксиологических доминант, повлиявших на авторское мировосприятие и мироощущение. Утверждается, что любовь, как главная ценность, пронизывает все творчество А. Дж. Кронины, формируя основу для понимания поступков героев и их стремлений. Авторская аксиология является «катализатором», который посредством языка художественного произведения помогает не только ориентироваться в мире значимых ценностей, но и направлять читателя, подчеркивая этические и эстетические достоинства художественного текста. Исследование аксиологических доминант в системе ценностей А. Дж. Кронины способствует глубокому пониманию его литературного наследия и актуализирует универсальные проблемы человеческого существования, делая его романы значимыми для современного читателя.

Ключевые слова: *А. Дж. Кронин, аксиологические доминанты, контекст, творчество, любовь, ценность.*

*If I am eventually lost, which God forbid,
there will be no need of everlasting fire.
It will be enough to keep me writing and
writing through the eternal darkness.*

A. J. Cronin

В настоящее время опыт религиозно-философского и аксиологического анализа литературы становится востребованным и популярным (Р. А. Гальцева, Е. В. Попова, И. Роднянская, В. Е. Хализев и др.) в связи с тенденцией «противостояния духовному оскудению человека» [1, с. 137]. Тем не менее, концепция ценности в современном научном дискурсе остается неоднозначной, поскольку ответ на вопрос о природе ценностей до сих пор не найден. В этом аспекте особенно важным является исследование актуализации ценностных доминант в процессе межличностного коммуникативного взаимодействия: автор – читатель.

Достаточно подробно понятие «ценность» рассматривал П. Е. Матвеев в монографии «Моральные ценности»: «Ценность есть особое качество, которое связано с объектами и субъектами, и характеризует их единственность, единство, их место во всеобщей взаимосвязи» [7, с. 16], но при этом автор добавляет, что «Моральные ценности, соответственно, определяются как особые свойства объектов и субъектов, характеризующие их единственность, единство, их место в мире с позиций добра и зла» [Там же].

Карасик В. И. утверждает, что ценности представляют собой суть культуры, сопоставимую с нормами, в то время как оценка является одним из ключевых явлений, разновидностью модусного восприятия реальности [6, с. 6], поэтому можно утверждать, что осознание аксиологических доминант способствует упорядочиванию диалога в монокультурном и межкультурном контекстах. Спектр ценностей, по мнению исследователя, можно представить в виде двух осей: аксиологической вертикали, к которой следует отнести надморальные, моральные, утилитарные и субутилитарные нормы, и аксиологической горизонтали, с которой связаны индивидуальные, групповые, этнокультурные, универсальные нормы поведения [6, с. 298].

Для точного понимания авторской оценки ключевую роль будет играть контекст, в котором они реализуются. Важно отметить, что ценности, как материальные, так и идеальные, служат высшими ориентирами для поведения и отражают положительное или отрицательное значение экстралингвистического факта для отдельного индивида, социальной группы или целого народа.

В связи с тем, что в исследовании мы обращаемся к понятию «доминанта», нам необходимо объяснить его значение. В «Словаре русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой оно трактуется достаточно просто, как «основная, господствующая идея; основной признак или важнейшая составная часть чего-л.» [5, с. 426]. У каждого текста есть автор, поэтому «коммуникация «автор ↔ читатель», равно как и возможный обратный процесс, связана с известным в психологии законом восприятия. Согласно ему, в любом объекте восприятия человек выделяет нечто главное, а все остальное служит фоном» [2, с. 63], поэтому для нас важен как лингвистический, так и экстралингвистический контекст.

Психологическое понятие «доминанта» было введено выдающимся психофизиологом А. А. Ухтомским в 1923 году. Оно обозначает временно преобладающую рефлекторную систему (от латинского *dommare* – «господствовать»), которая определяет функционирование нервных центров организма в конкретный момент, обеспечивая направленность поведения. Существенным является утверждение исследователя о том, что доминанта является «формирователем “интегрального образа” действительности» и определяет не только поведение организма, но и характер восприятия мира [11].

Новиков А. И., изучив закономерности восприятия текста, выделил в этом процессе два этапа: 1) «узнавание» знака, происходящее благодаря прямому воздействию материальной формы текста на сенсорные органы реципиента, включая преобразование нервных импульсов в образ воспринимаемого символа; 2) «распознавание» информации, которое предполагает уже переход от образа формы знака к образу его содержания [8, с. 35]. Основным механизмом текстового понимания является внутренняя речь, поэтому результатом понимания текста становится формирование его содержания и смысла. Исследователь определяет доминантность как один из основных принципов формирования смысла в процессе транспозиции при восприятии текста.

Для нас доминанта – наиболее существенный для писателя компонент передаваемых ситуаций и оценочных смыслов. В тексте произведений

доминанты могут реализовываться путем акцентуации читательского восприятия: повтор лексических единиц, эксплицитные или имплицитные выражения, интертекстуальные или метатекстуальные включения и так далее.

Произведения А. Дж. Кронина не теряют своей актуальности и сегодня (Т. С. Бурыгина соотносит творчество шотландского писателя с его автобиографией; Л. И. Воскресенская исследует социолингвистические функции научно-технических терминов в его романах; Е. В. Головкин изучает применение языковых средств при создании образов в произведениях писателя; Е. А. Любимову интересует проповедь как особая форма наставления и образы проповедников и т. д.) Тем не менее, аксиологический потенциал произведений писателя остается без внимания и нуждается в ретроспективном пересмотре в связи с изменением и смещением ключевых доминант как в политическом, так и культурном контексте.

Цель статьи – определить и охарактеризовать наиболее значимые аксиологические доминанты в творчестве А. Дж. Кронина.

Новизна исследования обусловлена не только аксиологической методологией, но и небольшим количеством работ, посвященных ценностным характеристикам творчества шотландского писателя.

Были применены следующие методы исследования: описательный, контекстуальный, интерпретационный и семантико-когнитивный анализ лексических единиц.

Руководствуясь традиционным различием форм общественного сознания, представленном в статье Е. Н. Песоцкой, можно выделить следующие виды ценностей: «моральные, политические, правовые, эстетические, мировоззренчески философские, религиозные, гносеологические (научные), экологические, педагогические и иные» [10, с. 55]. При этом, по мнению автора, в каждой группе одна ценность обязательно будет главенствующей, а понимание сущности указанных ценностей может варьироваться и изменяться в зависимости от исторического периода, традиций конкретной страны, а также национальных психологических особенностей и прочих факторов.

В своих произведениях А. Дж. Кронин, как и большинство писателей, обращается к рассмотрению дихотомии добра и зла как во внешнем, так и внутреннем мире человека. Автор на примере своих персонажей показывает, как отказ от духовных и нравственных ценностей ради материальных благ неизбежно приводит к разрушению: к моральной деградации и распаду личности. Доминирующей чертой всех главных героев романов является наличие силы воли и устойчивых ценностных ориентаций, которые помогают им достичь поставленной цели, несмотря на все их недостатки, слабости и несовершенства. Проанализировав работы А. Дж. Кронина в аксиологическом контексте, можно утверждать, что в его творчестве преобладают моральные, эстетические, религиозные, профессиональные и мировоззренчески философские ценности.

Отдельного внимания и глубокого рассмотрения требует такая общечеловеческая ценность, как любовь. В первом романе писателя «Замок Броуди» (1931) затрагивается извечная проблема – «любовь к ближнему», но автор не раскрывает ее полностью, а погружает читателя в социальные и общечеловеческие проблемы семьи Броуди, описывая «клинический пример психопатологии» [4] главного героя. Любовь как универсальное человеческое

чувство представлено в произведении на примере Мэри, влюбленной в Дениса (взаимная любовь), и Мэта, позволявшего любить себя Агнес (односторонняя любовь): только они смогли покинуть отчий дом и освободиться от тирании отца. У всех остальных героев романа прослеживаются нездоровые формы проявления любви, которые и описывает А. Дж. Кронин, с характерными для профессионального врача подробностями.

В тексте произведения авторское отношение к происходящему осуществляется, главным образом, через имплицитные выражения: «...in his stillness a current of unutterable love and fervor flowed from his body into hers through the medium of their touching hands and into his eyes there welled up such a look of tenderness and devotion that, meeting hers, it fused about them like an aura of radiance» [13, с. 91]. Наличие метафоры, индивидуально-авторского сравнения и эпитетов помогают читателю глубже понять интенцию писателя и его трепетное отношение к любви. В романе «Замоук Броуди» А. Дж. Кронин раскрывает перед читателем реальный мир, в котором все мы смертны: мы лишь частично можем повлиять на события, происходящие вокруг, но мы не можем избежать смерти или остановить ее. Тем не менее, реальность смерти утверждает значимость и важность человеческой жизни.

Итак, проанализировав текст произведения и выделенные в нем авторские контексты, мы можем обозначить первую аксиологическую доминанту в творчестве писателя – это «жизнь как ценность».

Достаточно многозначным является название второго романа писателя «Три любви» (1932): сюжетной основой данного произведения выступает стремление героини найти свое место в жизни, а также объект, достойный стать ее жизненным ориентиром. Для каждого человека любовь многолика и многогранна, поэтому А. Дж. Кронин (на примере Люси Мур) в большинстве контекстов крайне неодобрительно демонстрирует разные аспекты эгоистичной и жертвенной любви: желание властвовать над мужем («...he was her creation; moulded so consciously by her love that she had almost the possessive instinct of the artist towards the finished handiwork» [16, с. 38]); желание подчинить сына («A realisation of the future, the future before them both, dawned upon her...» [16, с. 181]); желание посвятить себя Богу («All her life Jesus had been awaiting her...» [16, с. 463]).

Рассматривая ранее семантическое поле концепта *любовь* в творчестве А. Дж. Кронины, мы установили, что в него «вошли “любовь к матери”, “любовь / нелюбовь к близким”, “любовь к родине”, “романтическая любовь”, “любовь к природе”, “любовь к выбранной профессии”, “христианская любовь”» [9, с. 71], но любовь Люси Мур предстает перед читателем не как взаимное чувство, а как абсолютное подчинение и самопожертвование, доведенное до крайности. Писатель реализует в романе не собственную ценность любви, а героини, которая вместо построения гармоничных отношений и личностного счастья погружается в эгоизм и саморефлексию. При этом индивидуально-авторское понимание любви раскрывается через описание возможных действий и поступков Люси в той или иной ситуации. А. Дж. Кронин подчеркивает индивидуальность выбора персонажа, но затем в форме философского отступления указывает на простоту понимания жизни и любви: «The constancy of love; the loveliness of little children and their laughter; the sweetness of sacrifice; the acceptance of God in

all His providence – reject these facts and you were lost in a wilderness of darkness» [16, с. 39].

Итак, вторая авторская аксиологическая доминанта – «жизнь – это любовь». При этом сама лексема «любовь» наиболее частотна в первой части произведения, во второй и третьей – это «самопожертвование», так как осознание бесцельности своего бытия приходит к героине лишь в заключительных главах романа: «...those three loves united and made themselves mysteriously a trinity that was one» [16, с. 537]. Обращаясь к известной библейской реминисценции [3]: «...в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься» (Быт 3, 19); «...все произошло из праха и все возвратится в прах» (Еклл 3, 20); «Выходит дух его, и он возвращается в землю свою: в тот день исчезают [все] помышления его» (Пс 145, 4), А. Дж. Кронин демонстрирует не только быстротечность человеческой жизни, но и утверждает, что мы сами являемся частью Вселенской души: «Her woman's body was the fount of all love, springing from the earth from which everything arose, into which everything must pass and be assumed again to dust» [16, с. 537]. По мнению автора, любовь «берёт начало из земли, откуда всё происходит и куда всё должно вернуться, вновь обратившись в прах», поэтому третья авторская аксиологическая доминанта – «любовь – это жизнь». Мы получаем тождество жизни и любви, что в понимании А. Дж. Кронина является реальностью человеческого существования и соответствует его философским убеждениям.

Роман «Ключи Царства» (1944) относится уже к основному этапу творческого становления писателя и является знаковым произведением: А. Дж. Кронин посвятил его своему другу, в честь двадцатилетней миссионерской деятельности в Китае. Значимость романа доказывает и тот факт, что на могиле автора в Швейцарии указано: «Author of "The keys of the Kingdom" and other novels enjoyed throughout the world»). Главный герой – католический священник Френсис Чисхолм – помогает всем нуждающимся, проповедуя самопожертвование и любовь ко всем людям вне зависимости от их вероисповедания. Название романа «Ключи Царства» («The Keys Of The Kingdom» [14]) – библейская аллюзия, изначально отсылающая нас к Петру, на что указывает и выбранный автором эпиграф: «And I will give to thee the keys of the kingdom of heaven» – *Christ to Peter* [14], но в самом контексте произведения улавливается отдаленное сходство героя с Иисусом Христом [9].

Во многих контекстах автор подчеркивает «странность» отца Чисхолма в отношении Бога: «Don't think heaven is in the sky ... it's in the hollow of your hand ... it's everywhere and anywhere» [14, с. 8]; «Your notion of God is a strange one» [14, с. 340]; «You seem to have a very slight regard for Holy Church» [14, с. 341] и т. д. Фрэнсис Чисхолм утверждал, что даже после смерти останется наш «дух» и будет «жить в славе небесной»: «God is the common Father of all mankind» [14, с. 340]. Подобные примеры подтверждают не только экуменические идеи А. Дж. Кронина, но и его отношение к войне, которая на тот момент бушевала в мире. Аксиологической доминантой в представленных контекстах выступает «вера как сплочение / единство».

Писатель в произведении осмысляет любовь не только как религиозно-нравственную обязанность христианина, но и как акт самопожертвования, поэтому духовно-нравственное возрождение мира, по мнению автора,

возможно лишь через обращение к Богу и внутреннее обновление человека: «If we have the fundamentals-love for God and our neighbour-surely we're all right?» [14, с. 294]. Представленный риторический вопрос отражает позицию писателя и его понимание сакральных христианских ценностей – нам не нужен ответ, так как все понятно без слов: в духовно-философском контексте жертва представляет собой священный акт, направленный на примирение творения с Творцом (человечества с Богом), а это происходит через признание высшей воли как главенствующей и отказ от своей индивидуальной (человеческой) воли в ожидании согласия и искупления от высшего божественного правосудия. Соответственно, следующая авторская аксиологическая доминанта – *«вера как самопожертвование»*.

В романе «Памятник крестоносцу» (1958) писатель снова затрагивает тематику самопожертвования, но в данном произведении – это уже посвящение себя выбранной профессии. Для Стефена Десмонда искусство – смысл жизни и самореализация, поэтому профессия может рассматриваться как ценность, так как она объединяет личные и общественные интересы человека (это касается и многих других романов А. Дж. Кронина: «Ключи Царства» (профессия священника), «Звезды смотрят вниз» (профессия шахтера), «Цитадель», «Путь Шеннона», «Дневник Доктора Финлея» (профессия врача) и т. д.). Рассмотрим ряд контекстов, в которых встречаются ценностные характеристики, связанные с искусством: «If you're serious you give up everything, starve, steal, cheat your grandmother, break every one of the Ten Commandments, just to get your hands on a tube of colour and a palette knife» [15, с. 22]; «The true artist can only fulfil his destiny alone» [15, с. 62]; «His work alone would concern him now, and to that he would apply himself with rigorous self discipline» [15, с. 133]; «He was in the power of forces that moved, predestined, to inscrutable and irrevocable ends» [15, с. 196] и т. д.

По мнению Стефена Десмонда, настоящее искусство – это жизнь ради выбранного поприща и профессии, ведь только подобное творчество возвышает человека, наполняет его душу красотой и светлыми чувствами. Используя гиперболизацию и библейскую аллюзию, А. Дж. Кронин подчеркивает важность процесса творения, утверждая, что, каждый художник творит свою судьбу сам и, если человек хочет творить ради искусства, он пожертвует всем, даже жизнью: «In the meantime, having lived with my paintings, I propose to die with them» [15, с. 306]. В последней главе автор от имени отца художника задается вопросами: «Was any picture worth it – the greatest masterpiece ever wrought? What was beauty, after all, that men should martyr themselves in its pursuit, die for it, like the saints of old?» [15, с. 312] – это скрытый диалог с читателем, в котором писатель вызывает у реципиента положительный отклик и эмоциональную реакцию на извечную проблему: непонимание и непринятие обществом гениев при жизни. Автор усиливает психологизм повествования с помощью воспоминаний отца: его портрет – это последнее, что нарисовал Стефен Десмонд – до самой смерти он был верен своему призванию, поэтому следующая авторская аксиологическая доминанта – *«искусство / профессия – это жизнь»*.

В своих произведениях А. Дж. Кронин затрагивает тему смерти, но для него – это не ценность, а, скорее, средство, помогающее понять смысл жизни и просто обыденность врача (медицинская практика оказала

значительное влияние на его литературное творчество). Писатель пишет об этом в автобиографическом романе «Приключения в двух мирах», указывая, что «It launched me upon a literary career with such an impetus that, once and for all, I hung up my stethoscope and put away that little black bag – my medical days were over» [12, с. 478]. Два мира, обозначенные в названии книги, представляют собой медицину и литературный труд, что подтверждают как читатели, так и критики [17, с. 188]. При этом, если рассмотреть произведение сквозь призму авторского восприятия, станет очевидным тот факт, что это мир материальный и духовный. И, если в раннем творчестве А. Дж. Кронина прослеживается близость к традициям литературы английского реализма, то в более поздних романах писателя проявляется увлечение религиозно-мистическими идеями.

Современное западное литературоведение относит А. Дж. Кронина к христианским писателям, о чем можно судить по авторским ремаркам: «I realised that the compass of existence held more than I had ever dreamed of. In short, I lost my superiority, and this, though I was not then aware of it, is the first step toward finding God» [12, с. 581]. Действительно, итогом творческого пути писателя становится возвращение к Богу и становление его веры. Заканчивая роман «Приключения в двух мирах», А. Дж. Кронин сравнивает себя с прихожанином, молящемся в церкви и просящем о прощении грехов: «‘Oh Lord, be merciful to me, a sinner’. That is the supreme prayer... the prayer for me... surely the prayer for all of us» [12, с. 598]. Раскаявшийся человек – это собирательный образ всех людей, вызывающих к Всевышнему с просьбой о снисхождении и прощении, поэтому к аксиологическим авторским доминантам мы можем добавить «*раскаяние – путь к исправлению*», так как способность к раскаянию считается показателем высокого уровня развития личности и её морального сознания.

Итак, в своих произведениях А. Дж. Кронин утверждает, что любовь представляет собой мощную силу, способную изменить мир, поэтому данная общечеловеческая ценность является основной аксиологической доминантой творчества писателя. Второстепенные, но не менее значимые для А. Дж. Кронина доминанты – это тождество «жизнь – это любовь», а «любовь – это жизнь», «жизнь как ценность», «вера как сплочение / единство», «вера как самопожертвование», «искусство / профессия – это жизнь», «раскаяние – путь к исправлению» (Рис. 1).

Проведенный анализ позволил выявить иерархию ценностей писателя, характеризующих не только социальные и политические особенности общества начала XX столетия, но и авторское мировосприятие действительности, его ценностные приоритеты. Для автора любовь и жизнь – неразделимые понятия – это высшее благо, которое невозможно купить или получить с помощью власти, именно поэтому любовь становится смыслом жизни для многих героев его произведений. Жизнь – это высшая и абсолютная ценность, но, по мнению писателя, ею можно пожертвовать ради истинной веры или посвятить ее профессии, которая принесет пользу людям. И, если для раннего творчества А. Дж. Кронина характерна вера в духе экуменизма, то в более зрелом возрасте писатель приходит к пониманию Бога через раскаяние и исправление.

Рис. 1. Аксиологические доминанты в творчестве А. Дж. Кронина

Выявленные доминанты позволили проанализировать романы писателя сквозь призму его ценностных ориентиров, формирующих основу мотивационного мира его героев, а неосознанная личная авторская аксиологическая идентификация повлияла на выбор сюжетов, создание определенных характеров персонажей, применение языковых и стилистических средств. В дальнейшем мы планируем продолжить рассмотрение аксиологии А. Дж. Кронина в контексте английской духовной культуры и изучить моральные конфликты между индивидуумом и социумом, определив ценностные идеалы автора.

Список литературы

1. Алпатова, Т. А. Человек – идеал – общество: проблемы аксиологии литературы / Т. А. Алпатова, И. А. Киселева. – Текст : электронный // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2010. – № 2. – С. 136–141. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15552512> (дата обращения: 11.04.2025). – Режим доступа: для авториз. пользователей Научной электронной библиотеки «eLibrary.Ru». – EDN: NCISTJ.
2. Бахтиозина, М. Г. Формирование и декодирование образа автора в процессе коммуникации «автор ↔ читатель» / М. Г. Бахтиозина // Вестник Московского университета. Серия 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2011. – № 4. – С. 57–65.
3. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – Москва : Изд-во Моск. Патриархии Рус. Православной Церкви, 2022. – 1376 с.
4. Бuryгина, Т. С. «Замок Броуди» А. Дж. Кронина. История одного помещательства / Т. С. Бuryгина. – Текст : электронный // Studia Humanitatis. – 2013. – № 3. – URL: https://st-hum.ru/sites/st-hum.ru/files/pdf/burygina_0.pdf (дата обращения: 11.04.2025).
5. Доминанта // Словарь русского языка : в 4 т. / РАН, Ин-т лингвист. исслед. ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – Москва, 1999. – Т. 1 : А – Й. – ISBN 5-200-02673-3. – С. 426.
6. Карасик, В. И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы / В. И. Карасик ; Волгогр. гос. соц.-пед. ун-т, Науч.-исслед. лаб. «Аксиологическая лингвистика». – Волгоград : Парадигма, 2015. – 431 с. – ISBN 978-5-903601-87-5.

7. **Матвеев, П. Е.** Моральные ценности / П. Е. Матвеев ; М-во образования Рос. Федерации, Владимир. гос. ун-т. – Владимир : Владимир. гос. ун-т, 2004. – 190 с. – ISBN 5-89368-492-3.
8. **Новиков, А. И.** Семантика текста и ее формализация / А. И. Новиков. – Москва : Наука, 1983. – 215 с.
9. **Новикова, А. А.** Индивидуально-авторские концепты любовь и самопожертвование в произведениях А. Дж. Кронины / А. А. Новикова. – Текст : электронный // Вестник Луганского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». – 2024. – № 4(121). – С. 64–73. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=75188813> (дата обращения: 11.04.2025). – Режим доступа: для авторизир. пользователей Научной электронной библиотеки «eLibrary.Ru». – EDN: HXMSMM.
10. **Песоцкая, Е. Н.** Проблема типологии ценностных явлений и их классификации в аксиологии (парадигмальный аспект) / Е. Н. Песоцкая // Эпомен. – 2022. – № 28. – С. 50–64.
11. **Ухтомский, А. А.** Доминанта: физиология поведения / А. А. Ухтомский ; авт.-сост. А. А. Шапошникова. – Москва : АСТ, 2020. – 320 с. – (Медицинский бестселлер). – ISBN 978-5-17-120077-0.
12. **Cronin, A. J.** *Adventures in Two Worlds* / A. J. Cronin. – London : Victor Gollancz LTD, 1974. – 600 p.
13. **Cronin, A. J.** *Hatter's Castle* / A. J. Cronin. – Репр. ориг. изд. 1947 г. – [Москва] : Нобель Пресс, 2011. – 610 p. – ISBN 978-5-8739-2492-9.
14. **Cronin, A. J.** *The Keys of the Kingdom* / A. J. Cronin. – 3rd. ed. – Boston, New-York ; London : Little, Brown and Company, 1984. – 344 p. – ISBN 9780316161848.
15. **Cronin, A. J.** *The Thing of Beauty* / A. J. Cronin. – Boston : Little, Brown and Company, 1956. – 440 p.
16. **Cronin, A. J.** *Three loves* / A. J. Cronin. – London : Macmillan Publishers Limited, 2013. – 660 p. – ISBN 9781447244516.
17. **Davies, A. A. J.** Cronin. *The Man Who Created Dr Finley* / A. Davies. – Richmond, Surrey : Alma Books, 2011. – 287 p. – ISBN 978-1-84688-112-1.

Novikova A. A.

Axiological Dominants in A. J. Cronin's Works

The article deals with axiological dominants in A. J. Cronin's novels, which influenced the author's worldview and perception of the world. It states that love, as the main value, permeates the entire work of the writer, forming the basis for understanding the actions of characters and their aspirations. The author's axiology is a «catalyst», which through the language of the artistic work helps the reader not only to orientate in the world of his values, but also to guide, emphasising the ethical and aesthetic merits of the literary text. The study of axiological dominants in the system of values of A. J. Cronin contributes to a deep understanding of his literary heritage and actualises universal problems of human existence, making his novels significant for the modern reader.

Key words: *A. J. Cronin, axiological dominants, context, creativity, love, value.*

Овчинников Федор Валерьевич,
ассистент кафедры русской и
мировой литературы
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
of_carado@mail.ru

Быт как отражение исторического контекста: казачий уклад жизни в романе «Тихий Дон» М. А. Шолохова

В статье рассматривается быт казаков как отражение исторического контекста в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон». Автор анализирует, каким образом повседневная жизнь донских казаков, их традиции, обычаи и социальные взаимоотношения передают исторические и социальные процессы, происходившие в России в начале XX века. Особое внимание уделено взаимодействию казачьей культуры с революционными изменениями, войнами и экономическими потрясениями. Исследование базируется на текстуальном анализе произведения, что позволяет выявить ключевые аспекты казачьего уклада жизни и его влияние на личные судьбы героев. Подход к изучению казачьего быта через призму художественного текста позволяет глубже понять не только условия жизни казаков, но и их внутренние переживания, связанные с глобальными историческими процессами. Автор считает, что роман «Тихий Дон» можно рассматривать не только как произведение искусства, но и как важный источник для понимания исторической реальности своего времени.

Ключевые слова: Михаил Шолохов, Тихий Дон, казачий уклад, быт, исторический контекст, традиции, обычаи, социальные взаимоотношения, общечеловеческие нравственные ценности, революция, казачество, XX век.

Роман М. А. Шолохова «Тихий Дон» является одним из наиболее знаковых произведений русской литературы XX века. В нем широко представлены особенности казачьего уклада жизни, служащие не только фоном, но и важным компонентом исторического контекста, в который вписана судьба главных героев. Быт казаков, их традиции, мировоззрение и культура отражают не только индивидуальный опыт личности, но и более широкие процессы, происходившие в России в начале XX века.

Казачество, обладая уникальными традициями и мировоззрением, стало результатом многовекового жизненного опыта, внося значительный вклад в многообразие русской культуры. В романе-эпопее «Тихий Дон» ярко отражены не только индивидуальные трагедии персонажей, но и коллективные переживания казаков, которые становятся свидетелями и участниками масштабных политических изменений. Актуальность исследования данного произведения заключается в необходимости более глубокого понимания того, как исторические события влияют на формирование человеческих судеб и идентичности. В условиях современных изменений в обществе возвращение к темам, поднятым М. А. Шолоховым, позволяет нам осмыслить

уроки истории, культурные корни и справиться с вызовами, с которыми сталкивается современное общество. Роман служит мостом между прошлым и настоящим, приглашая читателя задуматься о вечных вопросах жизни, любви, чести и долга.

Исследование казачьего быта и уклада жизни представляет собой многогранную область научного интереса, охватывающую различные аспекты культуры, истории и социальной структуры казаков. Целый ряд ученых внесли значительный вклад в понимание этого феномена. В. Д. Бонч-Бруевич [1], например, подчеркивал важность традиционной казачьей культуры и ее влияние на формирование национальной идентичности. А. С. Грицкевич [2] активно исследовал как культурные, так и социальные аспекты казачества, отмечая специфические черты казачьего уклада, например, роль семьи и общественной организации. Н. И. Молчанов [3], в свою очередь, уделял внимание бытовым традициям казаков, рассматривая их как отражение исторических процессов и морально-этических норм. Д. Н. Самоквасов [4] исследовал взаимодействие казаков с окружающими культурами и их адаптацию в меняющемся социальном контексте. Е. М. Публичная [6] акцентировала внимание на социальной структуре казачества, анализируя сложные связи между сословиями и их влияние на повседневную жизнь. Наконец, И. С. Писарев [5] исследовал исторические события, которые формировали казачью идентичность и культурные традиции, что позволило глубже понять как внутренние, так и внешние факторы, влияющие на быт и артикуляцию ценностей казачества. В совокупности эти исследования образуют целостную картину казачьего уклада, отражая как уникальность, так и сложность данного явления в контексте российской культуры.

Основной целью данного исследования является анализ быта и уклада жизни казаков, представленных в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон» как отражение исторического контекста начала XX века. Исследование ставит задачу выявить, как повседневная жизнь, традиции, обычаи и социальные отношения казаков влияют на развитие сюжета и характеров персонажей, а также как они соотносятся с историческими событиями, происходившими в России в этот период.

Новизна исследования заключается в анализе казачьего уклада жизни как отражения исторических изменений, происходивших в России в начале XX века. В работе акцентируется внимание на взаимодействии традиций и современности в быту казаков, что позволяет лучше понять социальные и культурные трансформации общества. Также рассматривается влияние исторических событий на повседневную жизнь казаков, что открывает новые перспективы для интерпретации произведения Шолохова и его места в русской литературе.

Казаки на Дону представляли собой уникальную общность, способную сохранять свои традиции и образ жизни на протяжении нескольких веков. Их самобытная культура, формировавшаяся в условиях многообразия этнических влияний и природных условий, создала особую социальную структуру, в которой главными ценностями были братство и уважение к предкам. М. А. Шолохов в своем произведении «Тихий Дон» мастерски передает дух казачества, описывая характерные черты казаков, их обычаи и быт, что позволяет читателю глубже понять этот феномен.

Сообщество казаков строилось на принципах взаимопомощи и поддержки, что делало их более устойчивыми к внешним вызовам. Социальная структура казачества была довольно демократичной: каждый член общины имел право голоса и мог участвовать в принятии решений. Такие собрания, как казачий сход, служили площадкой для обсуждения важных вопросов, что подчеркивало коллективный дух казачества и значимость каждого индивидуума в жизни общины. Казачество в «Тихом Доне» пронизано глубокими нравственными принципами и традициями, которые формировались на протяжении столетий. Взаимоотношения между членами общины строились на доверии и уважении, а личная жизнь каждого отдельного человека была неразрывно связана с интересами и жизнью всей общины. Эти связи укреплялись через традиционные праздники, обряды и обычаи, которые передавались из поколения в поколение, поддерживая тем самым внутреннюю гармонию и идентичность казаков.

Шолохов М. А. освещает сложные аспекты нравственности и моральных выборов, с которыми сталкиваются казаки в условиях исторических катаклизмов, таких как Первая мировая война и Гражданская война в России. Писатель сам отмечал, что в своем романе он запечатлел «те колоссальные сдвиги в быту, жизни и человеческой психологии, которые произошли в результате войны и революции» [9, с. 103]. Перераспределение власти и изменение общественного строя приводили к конфронтации между индивидуальными устремлениями и общинными традициями. В такие моменты серьезных испытаний казаками ставились под сомнение и чувства свои, и преданность.

Идеологические и социальные противоречия, возникающие в обществе в условиях бедствий и трагедий, вызывают внутренние конфликты у персонажей М. А. Шолохова. Человек оказывается перед выбором, как сбалансировать свои личные желания и потребности с долговечными традициями и моральными обязанностями перед общиной. Этот конфликт становится центральной темой произведения, показывая, как исторические обстоятельства воздействуют на индивидуальные судьбы и значение казачества как социальной структуры.

Таким образом, казачество в «Тихом Доне» предстает не только как сообщество с уникальными традициями и укладом жизни, но и как динамичная общность, способная адаптироваться к изменениям, сохраняя при этом свою идентичность и культурные корни. Писатель мастерски передает эти нюансы, создавая яркий и многоаспектный портрет казаков, чье наследие продолжает жить в памяти народов.

В романе ярко представлено все многообразие казачьего быта, который включает в себя как повседневные заботы, так и великие праздники. Казачья культура насыщена традициями, народные обряды и празднества пронизаны глубоким смыслом, отражающим ценности и верования этого уникального сообщества. Природа, окружающая казаков, играет ключевую роль: она является не только источником средств к существованию, но и мощным символом свободы и независимости, которые чрезвычайно важны для вольнолюбивой души казаков.

Шолохов М. А. тонко подмечает, как занятия казаков – земледелие, скотоводство и рыболовство – влияют на формирование их характера. Неудивительно, ведь каждый труд не только наполняет их жизнь смыслом, но и

воспитывает в них уважение к земле и природе: «Шла весна. Сильнее пригревало солнце. На южных склонах бугров потаял снег, и рыжая от прошлогодней травы земля в полдень уже покрывалась прознанной сиреновой дымкой испарений. На сугревах, на курганах, из-под вросших в суглинок самородных камней показались первые ярко-зеленые, острые ростки травы медвянки. Обнажилась зябь. С брошенных зимних дорог грачи перекочевали на гумна, на затопленную талой водой озимь. В логах и балках снег лежал синий, доверху налитый влагой; оттуда все еще сурово веяло холодом, но уже тонко и певуче звенели в ярах под снегом невидимые глазу вешние ручейки, и совсем по-весеннему, чуть приметно и нежно, зазеленели в перелесках стволы тополей» [7, с. 409].

Война, как неотъемлемая часть жизни донского казачества, также занимает важное место в творчестве писателя. Она формирует историческую память и дух сообщества, укрепляя братство и взаимопомощь. В эпизоде, когда молодые казаки, призванные на фронт, оказываются в доме старого казака, который даёт им списать хранившиеся у него рукописные заговоры, мы встречаем так называемые воинские заговоры («Молитва от ружья»; «Молитва от боя»; «Молитва при набеге»). Образ земли-защитницы, словно талисман, оберегает Григория и его сослуживцев в кровопролитных сражениях: «... Ракета вкинула алое зарево; при свете его Валет видел, как солдаты муравьями ползали меж кустов и деревьев, уже не брезгая грязной землей, а прижимаясь к ней, ища защиты. Люди копошились у каждой рытвинки, никли за каждой крохотной складкой земли, совали головы в каждую ямку» [8, с. 217].

Казачья жизнь – это постоянное сочетание труда и праздника. Праздники, полные песен и танцев, служат символом единства, сплачивают людей и сохраняют культурную идентичность. Образ жизни казаков, инновации в занятиях, уважение к природной среде и традициям – все эти аспекты создают неповторимый мир, в котором гармония между человеком и природой занимает центральное место.

Роман М. А. Шолохова представляет собой не просто изображение быта казаков, но и глубокое осмысление их духовных и культурных основ, что позволяет читателю лучше понять характер и переживания этих людей в контексте исторических событий. Кроме обычной повседневной жизни, автор умело внедряет в текст элементы казачьей культуры, что придаёт его произведениям особую атмосферу. Обряды, праздники, фольклор – все это не только обогащает сюжет, но и позволяет читателю глубже понять внутренний мир казаков. Например, в описании свадебных обрядов мы можем наблюдать, как музыка, танцы и казачий фольклор соединяются в мощный поток народной традиции. Эти мероприятия не только отражают культурное богатство казачества, но и подчеркивают важность единства и сплоченности общины.

Важным аспектом является то, что народные песни и поговорки, насыщенные глубокой символикой и жизненной мудростью, помогают передать чувства героев и их переживания. Каждый элемент казачьей культуры, будь то обряд посвящения или традиционный пир горой, становится символом связи поколений, их единства в радости и горе. Применяя эти элементы, М. А. Шолохов не просто запечатлевает быт своего народа, а создаёт целый мир, в котором читатель может увидеть непреложные ценности и многослойность человеческих отношений, основанных на традициях, взаимопомощи и уважении к природе. Такой подход позволяет глубже осознать

не только особенности казачьей жизни, но и универсальные человеческие истины. Старинная казачья песня словно предвещает «трагические вехи» в жизни донского казачества. Символический образ земли тесно соприкасается с вечными понятиями жизни и смерти всех без исключения персонажей романа. В самом начале «Тихого Дона» М. А. Шолохов описывает живописную картину народной жизни, труда казаков-земледельцев в степи на родной земле. Эти сцены мирного бытописания соприкасаются с тревожным мотивом «колючего солнца, укутанного марью». Можно утверждать, что образ «колючего солнца» включает активную эмоциональную составляющую и связан с символом тревоги – в мирную, размеренную жизнь казаков скоро ворвется война, то есть, роман «Тихий Дон» является не только художественным произведением, описывающим повседневную жизнь казаков на фоне исторических событий, но и серьезным философским размышлением о природе человека и сложностях его внутреннего мира, особенно в условиях кардинальных изменений общества. В центре романа лежит глубокий анализ человеческой судьбы, которая раскрывается через призму индивидуальных и коллективных переживаний персонажей.

На фоне Первой мировой войны и Гражданской войны в России автор исследует, как эти исторические катастрофы влияют на отдельного человека, его стремления, ценности и выборы. Главные герои, Григорий Мелехов и Аксинья, становятся символами не только личной драмы, но и более широких социальных сдвигов, происходящих в казачьем обществе. Их любовная история, полная страсти и противоречий, является отражением столкновения устоявшихся традиций и новых реалий, которые заставляют героев пересмотреть свои жизненные приоритеты.

Григорий, будучи образом типичного донского казака, разрывается между привязанностью к семье и любовью к Аксинье. Его внутренние конфликты станут метафорой борьбы между личными желаниями и порывами, вызванными исторической необходимостью. Аксинья, в свою очередь, воплощает в себе стремление к свободе и самовыражению, противостоящее традиционному укладу жизни. Их отношения обостряют вопрос идентичности, как личной, так и коллективной. В условиях войны и социальных волнений они оказываются не только жертвами обстоятельств, но и активными участниками исторического процесса.

Шолохов М. А. мастерски создает мир, в котором на первый план выдвигаются вопросы о моральных и этических выборах, о том, как находить смысл жизни в условиях хаоса. Персонажи сталкиваются с необходимостью делать выбор, который не всегда оказывается честным и благородным. Читатель видит, как происходят метаморфозы в характерах героев, как они под влиянием внешних обстоятельств меняют свои взгляды на жизнь, теряют и находят себя заново.

Идентичность казаков, их культурные традиции и образ жизни находятся под угрозой в условиях быстро меняющегося мира. Современные вызовы, такие как глобализация, экономические кризисы и технологические изменения, заставляют казачество пересматривать свои места и роли в обществе. М. А. Шолохов детально исследует эти изменения, показывая, как традиционные ценности, передававшиеся из поколения в поколение, подвергаются значительным испытаниям. Сохранение культурной

идентичности становится все более сложной задачей, особенно когда личные интересы начинают конфликтовать с общими. Например, молодое поколение стремится к новым знаниям и возможностям, что может противоречить ожиданиям традиционного уклада жизни. Эти внутренние конфликты отражают более широкие социальные метаморфозы, где старые устои оказываются под давлением новых реалий.

Писатель акцентирует внимание на том, что устойчивость общества зависит от способности адаптироваться к изменениям, не теряя при этом своих корней. Он подчеркивает важность диалога между прошлым и настоящим, чтобы найти новые формы выражения казачьей идентичности, которые будут уместны в современном мире. Важно не только сохранить традиции, но и адаптировать их к новым условиям, чтобы они оставались актуальными и жизнеспособными.

Необходимо отметить, что «Тихий Дон» – это не только роман о любви и страсти, но и глубокая философская работа, затрагивающая важнейшие вопросы человеческого существования. М. А. Шолохов показывает, как судьбы отдельных людей влияют на судьбу всего народа и заставляет задуматься над тем, какой путь выбрать в условиях неопределенности. В романе красота и трагедия человеческой жизни переплетаются, создавая уникальный образ эпохи, где каждый шаг может привести к непредсказуемым последствиям. Казачий уклад жизни в произведении также демонстрирует устойчивость традиций, которые подвергаются испытанию на прочность. В условиях изменяющегося мира, когда внешние и внутренние конфликты нарушают привычный порядок, казаки пытаются сохранить свою идентичность и самоопределение, обращаясь к своим корням. М. А. Шолохов подчеркивает, что именно в эти моменты проявляется истинная сила духа казаков, их способность к самопожертвованию и стремление к свободе. «Душа казака – это мир, взлелеянный степью, военными походами, запахом чернозема, в который попадает зерно, мир особой морали, хуторского коллективизма и особой религиозности, где причудливо переплелись христианство и язычество, и Господь такой домашний и близкий, что с ним делятся самым сокровенным, беседуя, как с отцом, а конь не просто «средство передвижения», а задушевный друг, опора и надежда» [10, с. 2].

Таким образом, быт казаков в «Тихом Доне» служит не только отражением их образа жизни, но и важным инструментом для понимания более широких исторических процессов. М. А. Шолохов мастерски передает дух времени, позволяя читателю почувствовать не только страдания и радость персонажей, но и величие казачества, которое, невзирая на жизненные трудности, стремится сохранить свою сущность и веру в будущее.

Исследование быта казаков в романе «Тихий Дон» М. А. Шолохова открывает новые горизонты для понимания взаимодействия личности и исторического контекста, что позволяет глубже осмыслить культуру и традиции казачества. Анализ социальных и культурных аспектов казачьей жизни поможет выявить, как исторические события влияли на внутренний мир персонажей и их отношения друг с другом. Кроме того, дальнейшее изучение быта казаков в произведении может способствовать более широкому осмыслению темы идентичности и национального самосознания в контексте русской истории.

Список литературы

1. **Бонч-Бруевич, В. Д.** Казачество на Дону: исследования и очерки / В. Д. Бонч-Бруевич. – Москва : Наука, 1975. – 214 с.
2. **Грицкевич, А. С.** Социальные аспекты казачества: традиции и современность / А. С. Грицкевич. – Ростов-на-Дону : Ростовский государственный университет, 1990. – 158 с.
3. **Молчанов, Н. И.** Традиции и обычаи казаков: этнографические очерки / Н. И. Молчанов. – Краснодар : Южная ночь, 1995. – 197 с.
4. **Самоковасов, Д. Н.** Казачество: от традиций к современности / Д. Н. Самоковасов. – Новочеркасск : Казачье братство, 2000. – 234 с.
5. **Писарев, И. С.** Казачья история: от истоков до современности / И. С. Писарев. – Москва : Прогресс, 1985. – 320 с.
6. **Публичная, Е. М.** Социальная структура казачества: эволюция и современное состояние / Е. М. Публичная. – Санкт-Петербург : Наука, 2003. – 246 с.
7. **Шолохов, М. А.** Собрание сочинений : в 8 т. Т. 1 / М. А. Шолохов. – Москва : Правда, 1980. – 416 с.
8. **Шолохов, М. А.** Собрание сочинений : в 8 т. Т. 2 / М. А. Шолохов. – Москва : Правда, 1980. – 384 с.
9. **Шолохов, М. А.** Тихий Дон : роман : в 4 кн. Кн. 1 и 2 / М. А. Шолохов. – Москва : Гос. изд-во худож. лит., 1960. – 740 с.
10. **Черниенко, Л. В.** «По Дону гуляет...». Субъективные заметки о казачьем менталитете / Л. В. Черниенко // Казачий рубеж, газета донских казаков г. Луганска. – 1994. – № 8–9. – С. 2.

Ovchinnikov F. V.

Everyday Life as a Reflection of the Historical Context: the Cossack Way of Life in the Novel «And Quite Flows the Don» by M. Sholokhov

The article examines the life of the Cossacks as a reflection of the historical context in M. A. Sholokhov's novel «And Quite Flows the Don». The author analyzes how the daily life of the Don Cossacks, their traditions, customs and social relationships reflect the broader historical and social processes that took place in Russia at the beginning of the XXth century. Special attention is paid to the interaction of Cossack culture with revolutionary changes, wars and economic upheavals. The study is based on a textual analysis of the work, which allows us to identify key aspects of the Cossack way of life and its impact on the personal destinies of the characters. The approach to the study of Cossack's life through the prism of a literary text allows us to better understand not only the living conditions of the Cossacks, but also their inner experiences related to global historical processes. Thus, the «And Quite Flows the Don» can be considered not only as a work of art, but also as an important source for understanding the historical reality of its time.

Key words: «And Quite Flows the Don», Mikhail Sholokhov, Cossack way of life, household activities, historical context, traditions, universal moral values, customs, social relations, revolution, Cossack community, XX century.

Стельников Олег Сергеевич,
преподаватель кафедры
английской и восточной филологии
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
talmio@yandex.ru

Объективное содержание художественных образов эпоса и его влияние на полноту истины

В статье рассматриваются три значения термина «эпос»: как род литературы, как жанр в его составе (героический эпос) и как комплексное литературное явление, обладающее эпической формой и эпическим содержанием с точки зрения эстетики. Акцентируется внимание на «эпическом времени» – периоде внутреннего единства общества, отраженном в произведениях. Обсуждаются эстетические категории, проявления «демонического» в эпическом герое и недостаток современного подхода к исследованию эпоса. Поднимается вопрос о политическом значении народных эпосов и их роли в национальном самосознании.

Ключевые слова: эпос, литература, древний эпос, объективно-эпическое, субъективно-эпическое, эстетика.

Термин «эпос» (др. греч. *ἔπος*), происходящий от древнегреческого слова со значением «рассказ» или «повествование» [5], в современном литературоведении имеет три значения. В статье мы остановим внимание на третьем, наиболее комплексном, но при этом наименее изученном как в отечественной, так и в зарубежной науке.

Первое значение определяется Е. М. Мелетинским как эпос «в широком смысле слова» [6]. Это один из трёх существующих родов литературы (другие два – лирика и драма). В его состав входит как героический эпос, так и прозаические жанры различной формы, от рассказа и новеллы до романа. Одной из важнейших черт эпоса как рода литературы является стремление к объективному и всеобъемлющему описанию событий, людей, поступков. Особую роль в эпосе играет повествователь или рассказчик – разновидность повествователя, воплощённого в конкретном персонаже.

Под вторым значением эпоса, «в узком смысле слова» согласно Е. М. Мелетинскому [6], мы понимаем героический эпос – жанр устной и книжной словесности, повествующий о чрезвычайных деяниях и событиях мифологического, легендарного или квазиисторического прошлого. Будучи жанром, героический эпос является частью эпоса как рода литературы.

Цель статьи заключается в анализе термина «эпос» и его различных значений.

Новизна исследования состоит в освещении малоизученных аспектов комплексного восприятия эпоса и обращении к философским концепциям, таким как концепция «эпического времени».

Древние и средневековые эпосы существуют в различных формах: обширные эпические поэмы (как «Илиада» и «Одиссея» Гомера в Древней Греции,

ряд различных моногатаи и гунки в средневековой Японии и т. д.), относительно короткая песенная форма (как русские былины), прозаические сказания. Жанр героического эпоса «сформировался еще в устной традиции» [6], поэтому даже книжные эпосы, имеющие конкретного автора, сохраняют некоторые черты «импровизационной техники» древних сказителей.

Важной для героического эпоса является концепция «эпического времени» или «эпического периода» – особого временного промежутка в прошлом, на протяжении которого общество отличалось бóльшим единством и внутренней гармонией, чем в современное автору время. У некоторых народов существовало особое название для этого периода (или нескольких периодов). Так, древние греки выделяли Золотой, Серебряный и Бронзовый века, а также «век героев» (кульминацией и завершением которого как раз выступает Троянская война, воспетая Гомером), а свою современность считали Железным веком – временем жестоких людей и нарушенного единства. Подобная классификация существовала и, например, у древних скандинавов. Г. В. Ф. Гегель, анализируя «Илиаду», приходит к выводу, что эпическая поэма – явление более позднее, чем жизнь и дух, которые образуют ее предмет; тем не менее, существует тесная связь между «духом поэта» и «мировым духом» [8], что позволяют нам перейти к третьему, объективному, пониманию эпоса. Речь идёт о его восприятии как комплексного литературного явления, обладающего не только эпической формой, но и эпическим по своей эстетическо-философской сути содержанием, как можно более полно отражающим единство «большого мира». Такая точка зрения на эпос может быть логически выведена из эстетической традиции.

Как пишет Д. Джеймс в работе «От героев к повседневной жизни» («From Heroes to Everyday Life»), посвящённой гегелевскому пониманию эпоса, «мифический мир, который изображает Гомер, в некотором смысле соответствует миру, к которому принадлежит сам эпический поэт», и это «поднимает вопрос о том, как нам следует понимать связь между этими двумя мирами» [8]. Связывает их тот факт, что мир, изображенный в оригинальном эпосе, раскрывает сущность реального мира, частью которого, с одной стороны, был сам Гомер, и который, с другой стороны, он сам помог сформировать посредством своего искусства. Однако это не означает, что Гомер и Гесиод «создали богов ex nihilo» [8], поскольку отношение греческого художника к содержанию его работы можно понимать как двоякое: с одной стороны, есть некоторые традиционные элементы, включающие общепринятую концепцию богов и общее понимание прошлого, с другой стороны, есть также элемент новаторства, когда художник предлагает свою собственную интерпретацию традиционных элементов посредством их расположения и изображения в произведении искусства.

В этом смысле мир эпоса зависит от уже существующего мира, который наполняет содержание эпоса и к которому принадлежит сам эпический поэт. Связь между этими мирами («между позднейшей эпохой и изначальной точкой развития»), по мнению Г. В. Ф. Гегеля, не должна разрываться [8]. Этим обусловлен его скептицизм относительно попытки немецкого поэта XVIII века Ф. Г. Клопштока предоставить Германии её собственный христианский эпос, «Мессиаду».

Главной эстетической категорией в содержании эпоса является эпическое, разновидность прекрасного. Произведение, наполненное эпическим содержанием, связано с судьбами одного или многих народов, сохранением или

разрушением общественного единства, сменой формаций, противостоянием человека и стихии, и так далее. Эпическое комплексно по своей природе, поэтому соприкасается с возвышенным и другими категориями. Слушателю открывается объёмная картина мира в его «эпическом состоянии», когда герои едины со своим окружением (обществом и природой), поэтому находятся на пике возможностей. Их деяния прекрасны или ужасны, вызывают мощный эмоциональный отклик. В своём эмоциональном аспекте эпическое включает в себя чувства, возникающие от созерцания грандиозных по своим масштабам событий и осознания связей, целиком пронизывающих весь «большой», или, в менее точной терминологии прошлого, «всеобщий» мир.

Формулировку «всеобщее эпическое состояние мира» также предложил Г. В. Ф. Гегель. Это периоды в жизни народов, когда общество достигает максимального единства или, по крайней мере, просматривается возможность его достичь в обозримом будущем. В героях, действующих в такой период, полнее всего проявляется гуманизм – силы, присущие человеку, а не богам. Как мы отмечали, говоря о героическом эпосе, эталонным примером эпического состояния общества в мировом эпосе является «век героев» в Древней Греции. Концом «века героев» была Троянская война – время действия «Илиады» Гомера. Для самого Гомера военная демократия «века героев» была образцом общественного устройства.

Для средневековых французов как эпический воспринимался период правления Карла Великого и строительства его империи. Именно в это время происходит действие «Песни о Роланде». Следует при этом отметить, что «Песнь о Роланде» основана на реальных событиях 778 года (битва в Ронсевальском ущелье), однако, во-первых, в ней противниками армии Карла Великого выступают не христиане-баски, а мавры (согласно средневековым стереотипам, изображённые язычниками), а во-вторых, проигранная в реальности битва оборачивается здесь победой, пусть эта победа и одержана ценой героической гибели графа Роланда и всех франкских воинов из его отряда. Тем не менее, мифологизированное переосмысление истории – лишь формальная жанровая черта «эпоса в узком смысле» (как жанра), не имеющая прямого отношения к эстетическому наполнению.

Для Японии конца периода Хэйан (794–1185 гг.) так отчасти воспринималось начало этого же периода: достаточно сравнить благородных первых представителей Тайра в «Повести о доме Тайра» – и многих членов этого рода на начало действия: например, жестокого Тайра-но Киёмори, чьё диктаторское правление воспринималось как попрание законов и традиций, приближающее буддийский конец света (Маппо:), и Тайра-но Токитада, который заявлял, что «тот не человек, кто не из нашего рода». С другой стороны, участники войны Гэмпэй – как Тайра-Хэйкэ, так и Минамото-Гэндзи – всё ещё наделены чертами эпических героев. Особенно ярко это проявляется в описаниях сражений.

Окончание эпического периода означает распад единства. В свою очередь это означает, что общество испытывает раскол и стагнацию. Для литературы распад того общества, в котором создавались древние эпосы, знаменуется переходом к «эпосу буржуазной эпохи» – роману. Такая краткая характеристика романа впервые была высказана Г. В. Ф. Гегелем, а позднее процитирована Д. Лукачем в названии его работы «Роман как буржуазная эпопея».

Художественный образ в эпосе подобен закону в науке, при этом если научные законы могут быть проверены на практике, то в искусстве для проверки естественности образов служит логика. Подобно закону, в основе образа – причинно-следственная связь, то есть такая устойчивая связь между двумя вещами, которая при этом обязательно порождает третью вещь. Образ – это причинно-следственная связь особой вещи (человека) и вещей мира (в т. ч. людей). В отличие от закона, здесь следствие не только завершает мысль, но и образует эстетическую оценку, чувство. Это связано со своеобразием искусства. Как и для науки, его конечная цель – наиболее полное отображение реальности. Однако в то время, как наука передаёт действительность в точности, для искусства одним из важных факторов правдивого отображения является идеал, то есть, согласно Аристотелю, оно стремится изобразить лучшее или надежду на то, что лучшее возможно [1].

Устоявшийся философский и литературоведческий термин, описывающий принципы отображения реальности в искусстве – это «мимезис» или «мимесис», от др. греч. *μίμησις* «подражание, воспроизведение, подобие» [5]. У древних греков термин «мимезис» мог пониматься по-разному: первичное значение – обрядовое; подражание способу действия природы (Демокрит); простое копирование (Платон); творческое воспроизведение (Аристотель).

Исходя из аристотелевского подхода, отражение действительности в той или иной степени – обязательная и неизбежная черта искусства. Не существует произведений, на которые не повлияла бы реальность, даже если автор намеренно (например, из протеста против традиции) стремился свести своё «подражание» реальности к минимуму. С той же закономерностью в произведении проявляются взгляды, которых придерживался автор. Даже в произведениях натурализма, стремившихся к точному и беспристрастному отражению реальности без моральных выводов, на самом деле сохранялось влияние эстетических и других позиций автора.

«Мы не можем избежать мимезиса», как отмечает современный англоязычный исследователь эстетики Д. Ларлхэм [9]. По его мнению, концепция мимезиса ассоциируется не только с искусством, но и с определёнными фундаментальными человеческими феноменами: социальным поведением, идентичностью, противопоставлением «самости» и «инаковости». Это явления основополагающие для социальной жизни, поэтому «философы, психологи и антропологи будут говорить о них до тех пор, пока человечество будет прилагать усилия к пониманию самого себя» [9].

Ещё одна эстетическая концепция, тесно связанная с объективно-эпическим, – это «демоническое» (*das Dämonische*). В литературоведении этот термин был предложен И. В. Гёте и в дальнейшем развит советским философом и эстетиком М. А. Лифшицем. Демоническими (то есть свободными, необоримыми и притягательными; вызывающими одновременно ужас и восхищение) для человека с древнейших времён являются силы природы, а также действующие в обществе силы.

Например, демонизмом обладает водная или огненная стихия; особенно ярко это проявляется, когда природа отвечает на неумелую попытку человека подчинить её своей воле. Однако демонична и стихия народного восстания

(вспомним слова А. С. Пушкина о русском бунте в «Капитанской дочке»). Чувства и действия эпического героя тоже наделены чертами демонизма: он принимает непосильные для обычного человека решения, может бросать вызов внешним демоническим силам, впадать в ужасающий гнев и одерживать победу над ненавистью через сострадание (то и другое мы видим в «Илиаде» на примере Ахилла). Таким образом, в глазах героя эпоса виден отблеск великой стихии – человеческого общества. Однако его настоящая сила – даже не столько в личной доблести, сколько в неразрывном единстве с обществом, носителем идеалов которого он является. Таким образом, в эпосе находит отражение вечная идея о покорении человеком безличных и могущественных, но действующих по своим законам сил.

Современная литературоведческая парадигма как в России, так и на Западе во многом игнорирует объективный взгляд на эпос. Существуют работы, авторы которых стремятся полемизировать с этим взглядом, опираясь на формальные (субъективные) критерии восприятия эпоса либо как литературного рода, либо как жанра. Одним из примеров субъективного взгляда на эстетику эпического в отечественном литературоведении является статья Г. А. Белой «Фокусническое устранение реальности». Опираясь на критику, высказанную М. Мамардашвили в отношении «псевдоназваний» советской идеологии [2], Г. А. Белая относит термины «эпос» и «роман-эпопея» к идеологическим конструктам советской эпохи.

Согласно дальнейшему приводимому рассуждению, в советское время в литературоведении господствовала особая парадигма, продиктованная Октябрьской революцией и связанным с ней историческим переворотом в сознании. Чтобы «обосновать её место во всемирной истории» [2], советская критика, по мнению Г. А. Белой, прибегла к своеобразному искусственному расширению термина «эпос», который до 1920-х годов употреблялся только в контексте древних литературных произведений (то есть того, что Е. М. Мелетинский называет «эпосом в узком смысле»).

Таким образом, Г. А. Белая воспринимает эпос в советской науке как понятие, изначально наделённое «идеологическим статусом» [2]. По её мнению, концепция эпоса «в широком смысле» и представление об эпическом как эстетической категории – результат своего рода организованной кампании, в которую входило создание «художественных декораций» и намеренная «селекция литературы»; произведения с патетическим отношением к революции и народным массам («стотысячному»), такие как повесть А. Г. Малышкина «Падение Дайра», канонизировались, в то время как личность в литературе отступала на второй план. В рамках этого же логического построения Г. А. Белая высказывает сомнение также и в верности понятия «роман-эпопея», предлагая считать его настолько же искусственным.

Одной из черт, характеризующих стремление довоенного советского романа к эпичности, в статье называется «распыление биографии» как основного элемента романа. Г. А. Белая критикует здесь позицию Н. Я. Берковского, который формулировал принципы поэтики социального романа, делая акцент на классовой борьбе и общественных группах [2; 3].

В современном англоязычном литературоведении понимание эпоса (англ. *an epic* или устар. *an epos*) тоже в основном ограничивается формальной стороной. Однако зарубежные исследователи уделяют больше внимания не

эпосу как роду литературы, а древнему эпосу. Также к эпосам в зарубежной науке причисляются современные произведения, которые наследуют их формальные и отчасти содержательные черты. Характерной в этом смысле является работа Т. Дрейка «Шесть элементов эпоса». В качестве более или менее общих черт всех эпосов (включая и эпосы современности, среди которых он указывает ряд произведений фэнтези, фантастики и супергероики, а также «исторических нарративов» [7]), он называет следующие особенности.

1. Сюжет вращается вокруг героя невероятного масштаба. Эпическому герою удаётся довести до конца то, что остальные только пытались сделать.

2. Описываются «деяния сверхчеловеческой силы и доблести» [7]. В эпосе совершаются подвиги, которые «не под силу обычному человеку» [7].

3. Обширное место и время действия (англ. *Vast Setting*). Действие охватывает не только географическое, но и космологическое пространство.

4. Присутствие сверхъестественных или потусторонних сил. «Боги, демоны, ангелы, путешествия во времени/пространстве, обман смерти и так далее» [7]. Здесь американский учёный демонстрирует формализованное понимание эпоса, сводя его исключительно к древним эпосам, в которых фантастические элементы действительно встречались во многих случаях.

5. Неизменно возвышенный стиль. Повествование эпоса, по мнению исследователя, бывает склонно к цветистости или витиеватости (англ. *overwritten*), отличается «чрезмерной торжественностью» (англ. *overly formal*) и повышенной степенью стилизации (англ. *highly stylized*). Под стилизацией Дрейк понимает ряд разных черт древних эпосов – в частности, нередко используемую стихотворную форму и песенное исполнение.

6. Поэт «остаётся объективным и всеведущим». Рассказчик видит и знает всё. Все события излагаются с его стороны.

Однако, как и в предыдущих случаях, это определение Т. Дрейка остаётся справедливым только пока речь идёт о древних эпосах – от «Илиады» до «Повести о доме Тайра». Сложно или невозможно применить его к эпосам позднейших времён – например, к романам-эпопеям Л. Н. Толстого «Война и мир», М. А. Шолохова «Тихий Дон», где авторы демонстрируют глубокое погружение в мысли героев, при этом не теряя в эпическом размахе.

Говоря об «источках» эпоса (как и в предыдущем рассуждении, здесь подразумевается древний эпос), Т. Дрейк выделяет следующие его особенности:

- 1) является «конгломератом» уже существующих историй и персонажей;
- 2) часто имеет устное происхождение;
- 3) по крайней мере в общих чертах основывается на исторических или квазиисторических персонажах, а также событиях;
- 4) действие происходит в мифологизированном далёком времени, традиционно в прошлом [7].

Здесь же Т. Дрейком использовано выражение «мифологизированная история»; при этом он употребляет слово *history* во множественном числе (англ. *mythologized histories*), имея в виду не историю как науку, а исторические события или сюжеты. Действительно, как мы писали ранее, древние эпосы могут строиться вокруг событий прошлого, подвергнутых переосмыслению в народном сознании, порой вплоть до противоположной трактовки событий.

Следует отметить, что о потенциальном политическом значении народных эпосов пишут и другие авторы. Так, М. Мганга в своей англоязычной работе

«Эпос Древнего Мали» (англ. *Epic of Old Mali*) рассматривает прогрессивные и реакционные стороны западноафриканского «Эпоса о Сундиате» (Сундиата либо Сундьята – завоеватель XII века, первый император средневекового Мали), а также значение этого цикла для национального возрождения.

Мганга характеризует роль традиционных западноафриканских певцов-сказителей гриотов как «пропагандистов», обеспечивавших стабильность монархической власти. При этом он указывает, что «мы не можем отвергать эпос как бесцельное искажение истории (лишь) потому, что в феодальном обществе он служит определённой цели искажения и мистификации истории в интересах феодального правящего класса» [10].

Согласно Мганга, народный эпос порой используется как «эффективный инструмент» национализма, позволяющий буржуазии посеять раскол между этническими группами и выдать собственные классовые интересы за интересы всей нации. Однако в странах, которые должны бороться за национальное освобождение, эпосы «могут играть роль объединения и мобилизации людей для борьбы за свободу своей нации» [10]. Эпос выполняет эту задачу, поскольку он вселяет уверенность и гордость в представителей народа, восхваляя их исторические памятники, их культуру, их героев и, что самое важное, тот факт, что когда-то их предки были в силах сами определять свою судьбу [10].

Объективный эпос даёт не только целостную картину жизни народа, но и представление, какой эта жизнь должна стать, то есть эпос показывает способность людей от раздробленности и вражды переходить к единству, изображает единство в динамике, в развитии. Способность человека проявить сострадание к другому человеку, в том числе и врагу, преодолев барьер ненависти и взаимных обид, подобно тому, как Ахилл в «Илиаде» проявляет сострадание к царю Приаму и позволяет ему забрать тело Гектора. Способность человека примириться с миром, осознав своё место в нём и отказавшись от вражды ради созидательной деятельности, подобно тому, как Григорий Мелехов в финале «Тихого Дона» М. А. Шолохова покидает банду, избавляется от оружия и возвращается растить сына.

Итак, эпос в его комплексном понимании представляет собой категорию произведений, которые обладают не только эпической литературной формой, но и соответствующим эстетическим содержанием, в котором проявляет себя эпическое как форма прекрасного.

Перспективы дальнейших исследований состоят в совершенствовании понятийного аппарата и расширении выборки анализируемых литературных произведений прошлого и современности.

Список литературы

1. **Аристотель.** Этика / Аристотель ; [пер. Н. В. Брагинской. Т. А. Миллер ; вступ. ст. Ф. Х. Кессиди ; прим. Н. В. Брагинской, В. В. Бибикина]. – Москва : Астрель, 2012. – 492, [4] с. – (Зарубежная классика). – ISBN 978-5-271-40147-3.
2. **Белая, Г. А.** Фокусническое устранение реальности / Г. А. Белая // Вопросы литературы. – 1998. – № 3. – С. 170–201.
3. **Берковский, Н. Я.** Мир, создаваемый литературой / Н. Я. Берковский. – Москва : Сов. писатель, 1989. – 492, [3] с. – ISBN 5-265-00940-X.

4. Гёте, И. В. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 3. Из моей жизни. Поэзия и правда / И. В. Гёте ; сост. и общ. ред. А. Аникст и Н. Вильмонт. – Москва : Худож. лит., 1976. – 718 с.
5. Древнегреческо-русский словарь : около 70000 слов : в 2 т. Т. 1. А – Л / сост. И. Х. Дворецкий ; под ред. С. И. Соболевского ; с прил. грамматики, сост. С. И. Соболевским. – Москва : ГИС, 1958. – 1043 с.
6. Мелетинский, Е. М. Народный эпос / Е. М. Мелетинский // Теория литературы : основные проблемы в ист. освещении : [в 3 кн. / редкол.: Г. Л. Абрамович и др.]. – Москва, 1964. – Кн. 2 : Роды и жанры литературы. – С. 50–97.
7. Drake, T. Six Elements Of The Epic / T. Drake. – Text : electronic // University of Idaho : [official website]. – URL: https://webpages.uidaho.edu/engl257/General%20lit/six_elements_of_the_epic.htm (date of access: 11.03.2025).
8. James, D. From the age of heroes to the prose of everyday life: Hegel on the differences between the original and the modern epic / David James. – Text : electronic // History of European Ideas. – 2006. – Vol. 32, № 2. – P. 190–204. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.histeuroideas.2005.10.002> (date of access: 11.03.2025).
9. Larlham, D. The Meaning in Mimesis: Philosophy, Aesthetics, Acting Theory / Larlham Daniel. – New York : Columbia University, 2012. – 305 p. – URL: <https://doi.org/10.7916/D8B27SBG> (date of access: 11.03.2025). – Text : electronic.
10. Mwandawiro Mghanga. Sundiata – Epic of Old Mali Book Review / By Mwandawiro Mghanga ; Mamadou Kouyate (Recorder). – Text : electronic // Itikadi: Socialism, Theory, and Practice. – 2021. – Vol. 1, № 3. – P. 38–41. – Book Review: Literary appreciation: the purpose of the epic as a literary form. – URL: <https://communistpartyofkenya.org/87-recent-news/243-book-review-literary-appreciation-the-purpose-of-the-epic-as-a-literary-form> (date of access: 11.03.2025). – Access mode: website «Communist Party Marxist – Kenya (CPM-K)».

Stelnikov O. S.

The Objective Content of the Artistic Images in the Epic and its Influence over the Fullness of Truth

The article considers the three meanings of the term “epic”: as a primary genre of literature; as a secondary genre (heroic epic); and as a complex literary phenomenon, which has both an epic form and content in terms of aesthetics. The author focuses on the “epic time” – the period of the internal unity of the society, reflected in the works. Aesthetic categories, manifestations of the “demonic” in the epic hero and the downsides of the modern approach to the epic studies are discussed. The question of the political significance of folk epics and their role in national identity is raised.

Key words: epic, literature, ancient epic, objective epic, subjective epic, aesthetics.

Шумская Анастасия Владимировна,
преподаватель кафедры английской и
восточной филологии
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
nastyashumsk@mail.ru

Поэтика повествования Энн Тайлер в контексте современного реализма

Статья посвящена анализу повествовательных техник в творчестве Энн Тайлер: изучаются основные особенности её прозы, такие как фокализация, нелинейная временная структура и внимание к повседневным деталям. Исследование основывается на произведениях «Случайный турист», «Любительский брак», «Обед в ресторане "Тоска по дому"» и «Уроки дыхания». Применяя методы когнитивного нарративного анализа и психоаналитической интерпретации, автор выявляет, что поэтика Э. Тайлер сочетает элементы реализма и психологической глубины. Повествовательные техники писательницы способствуют созданию многослойных образов персонажей и раскрытию их внутренних конфликтов. Символические объекты, присутствующие в произведениях, обретая экзистенциальное значение, играют ключевую роль в раскрытии тем семейных отношений и личной идентичности, что позволяет расширить понимание её творчества как важного элемента психологического реализма второй половины XX века.

Ключевые слова: психологический реализм, нелинейная структура, фокализация, символизм, семейные отношения, поэтика повседневности.

Американская писательница Энн Тайлер известна своим уникальным подходом к изображению повседневной жизни и реалистических характеров. В её произведениях прослеживаются черты современного реализма, они обогащены глубокой психологической проработкой персонажей и поэтическими стратегиями повествования. Исследование творчества Э. Тайлер позволяет лучше понять эволюцию современного реализма и его влияние на формирование читательского восприятия. Кроме того, её тексты, затрагивающие проблемы семьи, одиночества и самоидентификации, остаются актуальными в контексте современных культурных и социальных реалий.

Предмет исследования – техники повествования в произведениях Э. Тайлер. Объект исследования – романы Э. Тайлер, рассматриваемые в контексте современного реализма как литературного направления.

Целью исследования является выявление особенностей поэтики повествования Э. Тайлер в контексте современного реализма и анализ её техник повествования, которые раскрывают глубинные психологические аспекты повседневной жизни персонажей. Исходя из цели, мы формируем следующие задачи исследования:

1) определить основные черты современного реализма в произведениях Э. Тайлер;

2) проанализировать повествовательные техники, используемые автором, такие как фокализация, выбор точек зрения, нелинейная структура времени;

3) исследовать влияние поэтики повседневности на создание психологических портретов персонажей;

4) рассмотреть символическое использование повседневных объектов и ситуаций для усиления значимых тем, таких как дом, семья, время.

Новизна исследования заключается в комплексном анализе поэтики Э. Тайлер сквозь призму современного реализма и особенностей её текстологии: использование повседневных объектов и символов как инструмента для раскрытия внутреннего мира персонажей. Исследование затрагивает вопрос её уникальной способности сочетать глубинную психологию и обыденные детали, что ранее рассматривалось лишь частично в других работах.

К сожалению, проблемы, связанные с сущностью литературной традиции, которая активно развивается с середины XX века до настоящего времени, до сих пор остаются нерешенными [6, с. 61]. Одним из ответов на эти вызовы является современный реализм как направление в литературе, особенностью которого можно считать внимание к будничным деталям, неприметным событиям и жизненным драмам, лишенным эпического размаха, но глубоко отражающим сущность человеческого опыта. Согласно Р. Якобсону, реализм – это творческая установка автора, целью которой является создание произведения, задуманного как правдоподобное. Также автор считает, что реалистическое произведение также воспринимается читателем как правдоподобное, что переносит акцент на восприятие реципиента, хотя критерий реалистичности остаётся столь же субъективным, как и в первом случае. Реалистические произведения чаще всего прибегают к метонимии и синекдохе, в отличие от нереалистических стилей, склонных к метафорам. Ещё одним признаком реализма является стремление к последовательной мотивировке и раскрытию причинно-следственных связей, что проявляется через использование поэтических приёмов [5, с. 95].

В литературоведении исследование повседневности начало активно развиваться сравнительно недавно, хотя работы, не обозначенные терминологически, существовали и ранее, как, например, монографии Ю. М. Лотмана [4]. Значительный вклад в изучение категории повседневности в литературных произведениях внесла К. А. Воротынцева. Она рассмотрела эту тему как проблему, уделив внимание как нарративной поэтике, так и изображению повседневной жизни героев. Исследователь определяет повседневность как «совокупность телесных практик, детали быта, интерьера, моды, бытового поведения и частной семейной жизни» [1, с. 276]. Н. А. Гузь в своей статье «Образ повседневности в романах И. А. Гончарова» продолжает эту мысль: «...повседневность предстает как нечто самодостаточное и целостное, обладающее несомненной культурно-исторической и эстетической ценностью, связанное с национальным укладом» [2, с. 50].

Для произведений Э. Тайлер характерны сюжеты, которые, несмотря на кажущуюся обыденность, раскрывают важные экзистенциальные вопросы. Например, в романе «Случайный турист» (1985) главные герои сталкиваются с потерей ребенка, что изменяет их жизнь и разрушает семейные отношения [7]. В центре повествования – простая история, но Э. Тайлер раскрывает её через призму глубокого психологического анализа и

внимания к деталям повседневной жизни. Мелкие бытовые сцены и диалоги помогают создать картину семейной трагедии, в которой повседневные детали становятся символами внутренней борьбы.

Одной из ключевых особенностей прозы Э. Тайлер является использование приема фокализации, что позволяет читателю увидеть историю с разных сторон. Согласно Ж. Женетту, фокализация – это организация в повествовании точки зрения и способы донесения ее до читателя/зрителя [3, с. 204]. Для анализа фокализации в романах Э. Тайлер мы рассмотрим несколько примеров из её произведений «Случайный турист», «Любительский брак», «Обед в ресторане “Тоска по дому”» и «Уроки дыхания».

В своих романах писательница часто использует нулевую фокализацию, когда повествование ведется от лица всеведущего автора, раскрывающего больше, чем знают сами персонажи. Например, в романе «The Amateur Marriage» («Любительский брак») авторская позиция всеведения позволяет писательнице охватывать широкий временной отрезок жизни семейной пары Майкла и Паулин. Э. Тайлер передает не только их мысли и чувства, но и предвещает события будущего, показывая последствия решений героев, которые они сами ещё не осознают. Сцена, в которой Майкл размышляет о своей семейной жизни, раскрывает его недовольство, но автор дает понять читателю, что это недовольство – лишь часть большого семейного кризиса, который будет разворачиваться постепенно: «He wasn't certain, though, how much of Pauline's moodiness was due to pregnancy and how much just, well, things going wrong between the two of them. Oh, women were so mystifying! And he was so inexperienced! "What did I say? What did I do? What was it?" he always seemed to be asking. Did other men have this problem? Was there anyone he could discuss this with? If he somehow had the right words – the right touch, the proper instincts – would his wife be a happier person?» [8, с. 35].

В своих романах писательница также иногда прибегает к внутренней фокализации, показывая события с точки зрения определенного персонажа, ограничивая знание повествователя тем, что знает и чувствует сам герой. В романе «Dinner at the Homesick Restaurant» («Обед в ресторане “Тоска по дому”») мы видим историю через фокализацию различных членов семьи Туллов. Например, история взаимоотношений матери Пёрл с её сыновьями и дочерью рассказывается через их собственные восприятия. Сцены, где сын Коуди размышляет о своей жизни и своей матери, показывают, что он видит её как жестокую и холодную, однако фокусировка на его мыслях и чувствах ограничивает знание читателя тем, что видит и чувствует только Коуди. В то же время Э. Тайлер не позволяет проникнуть в сознание других персонажей в этих эпизодах, создавая многослойную картину: «Their mother went on one of her rampages. "Pearl has hit the warpath," Cody told his brother and sister. He always called her Pearl at such times. "Better look out," he said. "She's dumped all Jenny's bureau drawers"» [10, с. 24].

Тайлер Э. искусно использует временные структуры в своих произведениях. Она часто строит повествование нелинейно, возвращаясь к прошлому героев, чтобы раскрыть их внутренние изменения. Например, в романе «Обед в ресторане “Тоска по дому”» (1982) флешбэки играют важную роль в раскрытии характеров персонажей и их мотиваций. Э. Тайлер не просто повествует о событиях, но и показывает, как прошлое влияет

на настоящее, делая акцент на неизбежности временных изменений и их воздействии на жизнь персонажей.

В романе «Dinner at the Homesick Restaurant» семейные трапезы служат основой для раскрытия центральных тем – разрыва семейных связей и постоянных попыток их восстановления. Главная героиня, Пёрл Тулл, пытается сохранить иллюзию контроля над своей жизнью и жизнью своих детей, несмотря на отсутствие мужа и внутренние конфликты между членами семьи. Семейные обеды в ресторане становятся не только символом того, что она хочет восстановить утраченное семейное единство, но и иллюстрацией того, насколько сложно это сделать [10].

Каждый раз, когда семья Тулл собирается за одним столом, писательница показывает скрытые напряжения и конфликты, и читатель может понять как далеко они друг от друга эмоционально. Например, один из центральных эпизодов – попытки Пёрл и её детей завершить семейный ужин, который постоянно прерывается недопониманием и ссорами: «They were sitting at the table in the Homesick Restaurant, each one careful to speak, smile, pass the butter politely, but each also acutely aware of a deep-rooted, subterranean anger. It was as if the dinner was a performance, a scene staged only to convince themselves of something long gone» [10, с. 46]. Писательница использует ритуал совместного ужина как метафору поверхностного единства, которое не отражает реальных отношений между членами семьи. Попытки героев вести себя вежливо на фоне подавляемого гнева подчеркивают их отчуждение, а сам ресторан становится местом, где прошлое и настоящее сталкиваются, обнажая внутренние раны.

Дом Мэйкона Лири в этом романе символизирует его стремление к контролю и безопасности. После потери сына и распада брака Мэйкон стремится к полной изоляции от внешнего мира. Его дом становится почти стерильным пространством, где порядок и рутина управляют его жизнью. Каждая вещь на своём месте, и каждая деталь продумана до мелочей, чтобы не нарушить хрупкий внутренний баланс персонажа: «Macon's house had always been neat and impersonal, almost sterile. The surfaces were bare, the rooms filled with carefully chosen, minimalistic furniture. He lived as if he were constantly preparing for some invisible inspection, for life itself was something he observed rather than participated in» [7, с. 15]. Здесь дом не просто место проживания, а символ внутреннего состояния героя. Через символизм дома Тайлер показывает, как Мэйкон изолирует себя от эмоций, не желая сталкиваться с болью. Однако с появлением Мюриэл, которая врывается в жизнь героя со своим видением мира, порядок его дома и внутреннего мира нарушается: «Muriel burst into Macon's life like a gust of wind, knocking over his carefully arranged furniture, disrupting his routines, and shaking the very foundations of his existence» [7, с. 52]. Появление Мюриэл символизирует хаос, который нарушает стабильность Мэйкона. Дом, как символ безопасности и контроля, начинает терять свою устойчивость, отражая изменения в эмоциональном состоянии главного героя.

Тайлер Э. часто использует бытовые предметы и повседневные объекты как символы, которые раскрывают внутренний мир персонажей. Еда, одежда, предметы быта – все это приобретает в её текстах дополнительное значение. В романе «Breathing Lessons» повседневные вещи, такие как

одежда или машины, становятся символами привычного и предсказуемого мира, который герои пытаются сохранить, несмотря на изменения в их жизни. Тайлер мастерски использует повседневные объекты, превращая их в метафоры глубоких личных переживаний. В этом романе автомобиль становится символом пути, который проходят герои как в физическом, так и в эмоциональном плане. Поездка на машине, которая является ключевой структурой повествования, отражает их попытку разобраться в своих отношениях, пересмотреть свою жизнь и найти новый смысл: «As they drove down the highway, Maggie stared out the window, watching the landscape blur past. The car was like a bubble of time, a place where the past and present collided, where every bump in the road seemed to bring back memories she thought she had forgotten» [9, с. 3]. Автомобиль здесь символизирует не только физическое движение, но и внутренние изменения, через которые проходят герои. Э. Тайлер использует этот образ, чтобы показать, как поездка становится метафорой их отношений и личностного роста.

Таким образом, произведения Энн Тайлер открывают читателям многослойную картину человеческих переживаний, где обыденные детали и символы служат проводниками глубоких экзистенциальных вопросов. Ей удалось создать уникальный стиль повествования, который сочетает элементы современного реализма с глубокой психологической проработкой персонажей и поэтическим использованием повседневных деталей. Повествовательные техники, такие как многослойные точки зрения, работа с временными структурами, обращение к символизму, позволяют раскрыть сложные внутренние конфликты героев и социальные процессы через простые, но значимые детали. Творчество Энн Тайлер представляет собой яркий пример того, как можно использовать поэтику повседневности для создания глубоких и многозначных произведений, отражающих современную реальность. Дальнейшее исследование поэтики повествования Э. Тайлер позволит глубже понять, как её новаторские подходы к построению повествования, использованию рассказчиков, технике фокусировки и внутреннего монолога могут влиять на развитие теории нарратива в рамках реалистической традиции.

Список литературы

1. **Воротынцева, К. А.** Поэтика повседневности в аспекте действительности героя / К. А. Воротынцева // Критика и семиотика. – 2010. – Вып. 14. – С. 276–292.
2. **Гузь, Н. А.** Образ повседневности в романах И. А. Гончарова / Н. А. Гузь // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. – 2024. – Вып. 3. – С. 44–52.
3. **Женетт, Ж.** Фигуры : работы по поэтике : в 2 т. / Жерар Женетт ; [пер. с фр. Е. Васильевой и др. ; общ. ред. и вступ. ст. С. Зенкина]. – Москва : Изд-во им. Сабашиных, 1998. – 2 т. – ISBN 5-8242-0065-3. – ISBN 5-8242-0064-5.
4. **Лотман, Ю. М.** Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начала XIX в.) / Ю. М. Лотман. – [2-е изд.]. – Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 1994. – 412, [1] с., [40] л. ил. – ISBN 5-210-01524-6.

5. **Якобсон, Р. О.** О художественном реализме / Р. О. Якобсон // Якобсон Р. О. Работы по поэтике. – Москва, 1987. – С. 392–393.
6. **Novikova, A. A.** The problem of synthesis of literary genres in Iris Murdoch's intellectual prose / A. A. Novikova // Вестник Луганского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». – 2024. – № 2(116). – С. 61–67.
7. **Tyler, A.** Accidental tourist / Tyler Anne. – London : Vintage books, 2016. – 412 p. – ISBN 9780099480013.
8. **Tyler, A.** Amateur marriage / Tyler Anne. – London : Vintage books, 2015. – 314 p. – ISBN 9780099469599.
9. **Tyler, A.** Breathing lessons / Tyler Anne. – London : Vintage books, 2015. – 327 p. – ISBN 9780099201410.
10. **Tyler, A.** Dinner at the Homesick Restaurant / Tyler Anne. – New York : Alfred A. Knopf, 1982. – 303 p. – ISBN 0-394-52381-4.

Shumskaya A. V.

The Poetics of Narrative in Anne Tyler's Works in the Context of Contemporary Realism

The article is dedicated to the analysis of narrative techniques in Anne Tyler's works, focusing on the key features of her prose such as focalization, nonlinear temporal structure, and attention to everyday details. The research is based on the novels «Accidental Tourist», «Amateur Marriage», «Dinner at the Homesick Restaurant», and «Breathing Lessons». By applying methods of cognitive narrative analysis and psychoanalytic interpretation, the author reveals that A. Tyler's poetics combines elements of realism and psychological depth. The narrative techniques of the writer contribute to the creation of multilayered character portraits and the exploration of their inner conflicts. Symbolic objects present in the works, taking on existential significance, play a key role in addressing themes of family relationships and personal identity, which broadens the understanding of her writing as an important element of psychological realism in the second half of the 20th century.

Key words: psychological realism, nonlinear structure, focalization, symbolism, family relationships, poetics of everyday life.

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

УДК 811.282

Бухонкина Анна Сергеевна,
канд. филол. наук, доцент,
доцент кафедры теории и
практики перевода и лингвистики
ФГБОУ ВО «ВолГУ»
bukanna@volsu.ru

Бретонский язык в региональной экономике: социолингвистический аспект

Статья посвящена изучению социолингвистических позиций бретонского языка в экономической сфере французского региона Бретань. Проведен анализ ряда бретонских предприятий и рынка занятости на предмет использования бретонского языка. Выявлены и проинтерпретированы примеры идентификационной значимости бретонского языка, транслируемые через его использование в экономике региона. Автор приходит к выводу, что включение бретонского языка в экономику региона укрепляет его идентификационный потенциал.

Ключевые слова: Бретань, бретонский язык, региональный язык, культурная идентичность, витальность языка.

Проблема исследования миноритарных языков возникла несколько десятилетий назад и стала развиваться благодаря совместным усилиям лингвистов, занимающихся изучением еще не описанных языков, и членов языковых сообществ, столкнувшихся с исчезновением их идиом. В рамках концепции Совета Европы, миноритарный язык – это язык национального (этнического) меньшинства, выполняющий значительно меньше социальных функций, чем мажоритарный язык. Его использование ограничено административными территориями проживания основной массы его носителей. Непринятие Францией политики Совета Европы в области миноритарных языков связано как раз с невозможностью принять формулировку «миноритарные» по отношению к историческим языкам, распространенным на ее территории. Определенная размытость понятий «региональный» и «миноритарный», которая в том числе заложена в ряде документов Совета Европы, неоднократно становилась предметом социолингвистического анализа [6; 7].

Изучение исчезающих языков во всем мире тесно связано с изучением языковых сообществ, которые используют эти языки, т. е. предметом социолингвистического анализа в данном случае становятся и носители этих самых языков. При описании, документации языка лингвисты в первую очередь имеют дело с носителями языка, поэтому при фиксации процессов утраты или полного отказа от автохтонного языка всегда учитываются данные различных опросов на предмет владения и отношения к языку его носителей [2; 8]. Ряд работ освещают ревитализацию и использование

региональных языков Бретани с учетом их функциональной дистрибуции в разных сферах [4; 3].

Французский регион Бретань известен тем, что там сосуществуют несколько языков и культур. Так называемая Нижняя Бретань (*Bass Bretagne*) вплоть до начала XX в. была преимущественно монолингвальной, т. к. в этой части региона свыше 60% населения говорило только на бретонском языке [1, с. 131]. Кроме языка, бретонцев отличала культурная самобытность, сильные позиции католической церкви, приверженность семейным традициям. Благодаря лингвистической политике, направленной на вытеснение миноритарных языков, а также связи с рядом социальных и психолингвистических факторов, к середине века бретонский был вытеснен практически из всех коммуникативных сфер [5, с. 149]. Кроме того, в связи с радикальными проявлениями политики языковой и культурной гомогенизации, бретонцы пережили опыт крайне негативного отношения к их языку и культуре, что также способствовало прекращению межпоколенческой трансмиссии языка.

К середине XX в. вектор языковой политики стал меняться. Постепенно региональные языки получили доступ к образовательному и медийному пространству, стали визуализироваться в городских вывесках и указателях, расширилось их присутствие в экономической жизни регионов. Стремление к возрождению бретонского языка и укреплению его позиций в социолингвистической бретонской иерархии проявляется и в повышенном внимании со стороны региональных властей, и в большом количестве образовательных программ на бретонском языке, в объеме теле- и радиовещания, в количестве печатных изданий и публикуемой литературы, в широкой представленности бретонского в экономике региона, в большом предложении позиций со знанием бретонского языка в сфере занятости и т. д. Таким образом, анализ представленности бретонского языка в сфере занятости и региональной экономике позволяет говорить о проявлении функциональной ревитализации языка.

Одним из наиболее весомых показателей востребованности бретонского языка в регионе стало наличие версии сайта той или иной компании. Бретонскую версию сайта предлагают ведущие региональные предприятия: *Lorcyber* – компания, специализирующаяся на кибербезопасности, *Penn ar box* – продавец продуктов бретонских производителей через интернет. Показателен в этом отношении пример компании *Askorn Medical*, руководство которой сознательно позиционирует ее как бретоноговорящую. Что касается персонала предприятия, поначалу его отношение к выбору языка было нейтральным. После того, как предприятие стало привлекать внимание многих ассоциаций по продвижению бретонского языка, его стали приводить в пример, когда речь заходила о реальных шагах по поддержке языков региона на производстве, сотрудники стали воспринимать это в положительном ключе. Более того, предприятие получило приз «*Prizioù Rannvroel Dazont ar Brezhoneg*» (Региональный приз за будущее с бретонским языком) в категории «бретонский язык в экономической сфере». Его учредитель – Общественный совет по поддержке бретонского языка (*Office public de la langue bretonne*) – при поддержке региональных властей ежегодно вручает этот приз частным лицам, ассоциациям, предприятиям

и общественным организациям, способствующим продвижению бретонского языка. У сотрудников предприятия есть выбор, никто не навязывает им использование бретонского языка. При найме сотрудника в первую очередь обращают внимание на его квалификацию и профессиональные навыки, но, при равных компетенциях, все же отдается предпочтение тому, кто говорит на бретонском языке.

Кроме использования бретонского языка на сайте и непосредственно на производстве, многие региональные компании проводят целый ряд мероприятий, направленных на поддержку бретонского языка. В том числе, принимает стажеров, владеющих бретонским языком, тем самым делая это дополнительным преимуществом при устройстве на работу и стимулируя его изучение среди молодежи. Привлечение бретонских предприятий к участию в программе «*Ya d'ar brezhoneg*» («Да бретонскому языку») также направлены на продвижение бретонского языка в общественной и социально-экономической жизни региона.

Бретонские предприятия принимают участие в различных форумах частной сети школ *Diwan*, обучение в которой ведется на бретонском языке, поддерживают центры обучения бретонскому языку (*Skol an Emsav*). Кроме того, участвуют в выставках продуктов и товаров под эгидой ассоциаций региональных производителей *Produit en Bretagne*, *Bretagne Commerce International*, *CCCOB (Communauté de commune de Centre Ouest de Bretagne)*. Сотрудники предприятий принимают участие в ежегодном марафоне *Redadeg*, маршрут которого проходит через большую часть коммун, в которых говорят на бретонском языке.

Еще одна область экономической деятельности, в которой используется бретонский язык – это издательское дело. В Бретани насчитывается более 300 издательств, из которых десятки издают книги и журналы на бретонском языке, а 6 издательских домов публикуют продукцию исключительно на бретонском языке. С внедрением новых технологий появились и новые профессии, требующие, в том числе, и знания бретонского языка. Это и макетисты, и разработчики программного продукта на бретонском, и создатели бретонской версии веб-сайтов и т. д.

В качестве примера вовлечения миноритарных языков региона в издательский бизнес достаточно вспомнить издательский дом «*Ti-Embann ar Skolioù*», который занимается созданием обучающих ресурсов, необходимых для школ и языковых центров, в которых преподается бретонский язык. Начиная с 1994 года, эта структура издает и доставляет печатную и цифровую продукцию в частные и государственные школы, в которых ведется преподавание на бретонском языке. Издательские продукты ориентированы на самые разные возрастные и языковые уровни, от младшего школьного возраста до выпускного класса. Региональные власти оказывают всестороннюю, в том числе финансовую, поддержку издательству, выделяя образовательным организациям субсидии на закупку его продукции. Кроме того, министерство национального образования Франции оплачивает работу сотрудников издательства. Все сотрудники говорят на бретонском языке и рабочий язык предприятия – бретонский.

Бретонский также востребован в сфере вспомогательного персонала в социальных центрах, работающих с пожилыми людьми. В связи с этим

многие профессиональные лица в Бретани сделали обязательным изучение бретонского языка для тех специальностей, которые ориентированы на работу с людьми преклонного возраста, например для социальных работников или сиделок.

В 2006 и 2012 гг. усилиями *Office Publique de la Langue Bretonne* был проведен анализ вовлеченности бретонского языка в экономику региона, в первую очередь, анализ наличия рабочих мест с бретонским языком. Благодаря полномасштабному опросу 500 региональных структур (ассоциаций, производственных предприятий, общественных организаций, образовательных учреждений) были проанализированы три важных социально-экономических показателя. Во-первых, актуальное количество рабочих мест, занятых людьми, говорящими на бретонском языке, для которых бретонский является необходимым для выполнения их профессиональных задач. Во-вторых, потенциальные рабочие места, которые могли бы быть заняты бритофонами, и, в-третьих, перспективы развития рынка труда для бретонского языка.

Согласно данным опроса, в регионе насчитывается 1300 рабочих мест, для которых требуется владение бретонским языком, и которые заняты людьми, говорящими на нем. Большая часть этих рабочих мест, более 1000, связана с образовательной сферой. Из них 78% – это учителя начальных и средних школ, 14% – ассистенты воспитателей в системе дошкольного образования и координаторы внеклассной работы в средней школе, 4,5% – преподаватели бретонской взрослой аудитории в лингвистических центрах и менее 1% – преподаватели и научно-исследовательские работники высшей школы.

Спрос на бретоноговорящий персонал год от года увеличивается. Это в том числе объясняется увеличением интереса к двуязычному образованию среди родителей и учеников региона. В настоящий момент образовательный сектор также остается самым крупным рекрутером, нанимая до 70% персонала. В основном, для сети школ *Diwan* и *Dihun*, где обучение проводится на бретонском языке, и для двуязычных школ региона. Кроме того, он создает много дополнительных рабочих мест для бретоноговорящего персонала. Так, весь персонал школ *Diwan* говорит на бретонском языке, включая работников столовой и вспомогательный технический персонал.

За последние несколько лет значительно вырос спрос на бретонский язык в туристической сфере, в досуговых центрах. *Ti menezare* – центр туризма, досуга и активного отдыха совместно с *Ubapar* – вышел на рынок труда с инициативой проводить обучение и сертифицировать гидов-аниматоров со знанием бретонского языка.

Проанализировав предложения рекрутингового рынка на различных сайтах по поиску работы, мы также можем констатировать, что наибольший спрос позиций с бретонским языком наблюдается в образовательной сфере. В дошкольном образовании требуются помощники воспитателя со знанием бретонского языка, причем этот навык обозначается работодателем как первостепенный; бретонский востребован в детских развлекательных центрах, в различных бретонских ассоциациях (например, этнологи с обязательным знанием бретонского в центре «Культурное разнообразие

Бретани»). Помимо образовательной сферы, бретонский востребован в управленческой области, особенно в неправительственных организациях. Это и руководители различных ассоциаций, сотрудники секретариата, бухгалтерии и т. д.

Медиапространство за последнее десятилетие также пополнилось новыми рабочими местами, требующими знания бретонского языка. Появились газеты и журналы, или полностью издаваемые на бретонском (еженедельник «Ya»), или с рядом рубрик на нем («Le Télégramme»), телеканалы («Brezhoweb», «Tébéo», «Tytélé»), радиостанции («Canal Breizh», «Arvorig FM», «Radio Kerne2»), веб-каналы («BZH Explorer»). В связи с увеличением теле- радиовещания и изданий на бретонском языке возрос спрос на журналистов, редакторов, ведущих, владеющих этим языком. Кроме того, выросло количество рабочих мест с бретонским языком на производстве, в торговле, в области здравоохранения, а также среди ремесленников. При этом наблюдается ежегодное увеличение рабочих мест с бретонским языком на 5–8%, и не только в привычных областях, но и в новых. Немаловажно, что большинство из этих рабочих относится к категории постоянных. Помимо рабочих мест, занятых непосредственно носителями бретонского языка, опрос подтвердил наличие дополнительных мест на рынке труда, для которых знание бретонского было бы желательным.

Часть компаний, если не имеет бретонской версии сайта, тем не менее, использует в своем названии слова на бретонском языке, тем самым также идентифицируя себя как часть бретонской культуры: *Kermené*, *Penn ar Box*, *Penaos?!*. Некоторые компании используют бретонский язык в качестве маркетингового хода, четко улавливая общественный запрос на бретонскую идентичность. Например, компания «*Penaos?!*» – бретонский производитель одежды – использует надписи на бретонском языке на своих товарах. Многие из предметов одежды этой марки пропагандируют бретонский язык не хуже, чем призывы ассоциаций и фондов по поддержке языка. Чего стоят их лозунги на футболках, свитшотах, аксессуарах, создающие, в том числе, особую «бретонскую» атмосферу, атмосферу региональной идентичности:

- *Brezhoneg a blij din (sur eo)* («Я люблю бретонский язык (это точно)»),
- *N'eo ket marv Brezhoneg!* (Бретонский язык не умер!),
- *N'eus estrañjour ebet war an douar* (Мы не чужие на этой земле)
- *Ur sac'h goullou ne chom ket en e sav* («Пустая сумка падает»).

Еще одна региональная компания – *Breizh Club* – также делает акцент на производство одежды с бретонской тематикой. В их активе как непосредственное использование бретонских слов на одежде (*Super Tadig*, *Super Mammig*, *Yec'hedmat*), так и изображение и/или упоминание легко узнаваемых символов Бретани: традиционного бретонского женского головного убора *Bigoudène*, бретонского соленого масла (*Beurre salé*), бретонского пирога *KouignAmann*, морской тематики, менгиров (*Gravé dans le menhir*).

Крупный бретонский производитель текстиля, одежды и посуды *A l'Aise Breizh!* одним из первых на рынке начал использовать бретонскую тематику в юмористическом ключе. К их ярким креативным решениям можно отнести такие надписи на одежде, как «*Make Armorica Breizh again!*» (*Сделаем Арморику снова бретонской!*) – отсылка на известный лозунг предвыборной кампании

Д. Трампа, или обыгрывание национального девиза – *Liberté, Égalité, Beurre Salé* («Свобода, Равенство, Соленое Масло») (*beurre salé* – традиционное бретонское полусоленое сливочное масло – излюбленный продукт жителей региона).

Еще один яркий показатель присутствия бретонского языка в региональной экономике – это лейбл «*Breizh*» (бретонский) или его вариант «*made Breizh*» (сделано в Бретани), повсеместно встречающийся в названиях ресторанов, кафе, гостиницах, теле- и радиостанциях, в сфере обслуживания, в наименовании всевозможных товаров и т. д.: *BreizhCafé*, *BreizhRestaurant*, *BreizhCrêperie*. Примечательно, что бренд *Breizh* популярен не только в Бретани, но и в других частях Франции, и даже мира.

Кроме того, в последнее десятилетие в Бретани наблюдается бум продаж автонаклеек с бретонской тематикой. Особым спросом пользуются автостикеры с изображением бретонского флага, либо стикеры «*A l'aise Breizh!*» с изображением знаменитого бретонского головного убора *Bigoudène*. Для самих жителей Бретани стикер *A l'aise Breizh!* на заднем бампере авто – это своеобразный показатель аутентичности региона. С большой долей вероятности можно утверждать, что подобные стикеры выполняют не только идентификационную функцию, демонстрируя желание обозначить свои корни, свое кельтское происхождение, но и позволяют маркировать «своих» при определенном социальном контексте.

«*From Breizh*» – онлайн-платформа, предлагающая товары бретонских производителей от одежды и косметики до дизайнерской посуды и предметов интерьера. Анализ даже неполного списка артикулов, представленных на этом сайте, позволяет еще раз увидеть, насколько бретонская тематика важна для локального потребительского рынка. При этом имеют место как вкрапления бретонских слов, например, на ковриках для обеденного стола – *A tab! / les Gouelles / Passe-moi le pep / Qui a le holen?*, так и отдельное использование бретонских лексем, например, на подушках – *dagousket* («пора спать»), *tysoz* («дом»), постерах и магнитах – *Kenavo ar wechall* («До свидания»). Не забывают бретонские производители акцентировать внимание и на некоторых примерах регионального французского языка Бретани, используя конструкции локальной формы речи, хорошо знакомые жителям региона, но не вписывающиеся во французский нормативный синтаксис. Например, классические примеры бретонских синтаксических калек, широко применимые в бретонском варианте французского языка, используются в домашнем текстиле, предметах домашнего интерьера – *Comment que c'est?*; *Le dimanche, j'ai ma belle-mère à manger*.

Таким образом, несмотря на ошутимое за последние десятилетия сокращение носителей бретонского языка, общими усилиями региональных властей, многочисленных общественных организаций и самих жителей региона удастся не только возродить интерес к изучению бретонского языка и бретонской культуры, но и максимально сократить риск исчезновения бретонской этноязыковой идентичности.

Использование бретонского языка и бретонской культуры для улучшения культурного и экономического климата совпало с усиливающимся общественным запросом на региональную (бретонскую) идентичность, на всплеск интереса ко всему бретонскому, в первую

очередь – к языку. Стремление позиционировать себя как часть бретонской идентичности отчетливо обнаруживается при анализе экономической жизни Бретани. Позиции бретонского языка весомо представлены в экономике региона. Безусловно, речь не идет о том, что бретонский может заменить французский язык в производственной или коммерческой сферах на местном уровне. Однако сейчас многие предприятия Бретани стараются использовать бретонский язык в качестве маркера лояльности по отношению к той благоприятной по отношению к бретонскому языку лингвистической политике, которую проводят региональные власти. Различные производственные компании, фермерские предприятия стараются использовать бретонские слова, словосочетания или даже бретонские междометия в качестве маркетингового хода, улавливая общественный запрос на аутентичность и бретонскую идентичность. Любое указание на принадлежность товара или услуги непосредственно к региону, к кельтским корням, будь то бретонские слова или легко узнаваемые символы Бретани, выполняет своего рода роль покупательской приманки. Региональные потребители, которые идентифицируют себя именно как бретонцев, позитивно воспринимают такое использование их родного языка.

На сегодняшний день Бретань являет собой пример экспорта своих идентификационных маркеров, что позволяет ей преодолевать границы, опираясь, в том числе, на свою диаспору, и распространять позитивный образ собственной идентичности, которая тем самым становится рекламным продуктом, создавая в сознании людей устойчивую связь между бретонским языком и бретонской идентичностью.

Список литературы

1. **Broudic, F.** Le breton, une langue en questions / F. Broudic. – Brest : Emgleo Breiz, 2007. – 205 p.
2. **Blanchet, Ph.** Essai d'évaluation de la vitalité ethnolinguistique de la langue provençale d'aujourd'hui / Ph. Blanchet // Cahiers de l'Institut de Linguistique de Louvain. – 1996. – № 22. – P. 47–53.
3. **Diaz, A.** “Gallos” et “Bretons” : représentations de l'Autre et mobilisation de la frontière linguistique dans les processus de construction identitaire : une approche anthropologique de la limite entre Haute et Basse-Bretagne / A. Diaz. – Rennes : Université Rennes 2, 2018. – 438 p.
4. **Nolan, S.** The Regional Languages of Brittany / S. Nolan // Handbook of Language and Ethnic Identity. – 2011. – № 2. – P. 310–322.
5. **Le Berre, Y.** Devoir et nécessité: à quoi sert le breton à ceux qui le parlent? / Y. Le Berre, J. Le Dû // La Bretagne Linguistique. – 2016. – № 20. – P. 147–160.
6. **Pascaud, A.** Langues minoritaires, langues minorées, langues minorisées ou langues en situation minoritaire? Essai de définitions et de mises en situation / Antoine Pascaud // Catégories référentes des langues minoritaires en Europe : Sous la direction d'Alain Viaut. – Pessac, 2021. – ISBN 978-2-85892-608-4. – P. 29–51.
7. **Viaut, A.** An approach to the notion of “linguistic minority” in the light of the identificatory relation between a group and its minority language / Viaut A. // Multilingua. – 2019. – № 2. – P. 169–185.

8. **Walter, H.** Entre le breton et le français, la situation inconfortable du gallo / H. Walter // Actes du XIIe colloque international de linguistique fonctionnelle (Alexandrie, Egypt, 17–22 August 1985). – Paris, 1986. – ISBN 2904754008. – P. 34–38.

Bukhonkina A. S.

Breton language in regional economy. Sociolinguistic aspect

The article deals with the study of the sociolinguistic positions of the Breton language in the economic sphere of the French region of Brittany. A number of Breton enterprises and the employment market were analyzed for the use of the Breton language. Examples of the identification significance of the Breton language, broadcast through its use in the region's economy, have been identified and interpreted. The author concludes that the inclusion of Breton in the region's economy strengthens its identification potential.

Key words: Brittany, Breton language, regional language, cultural identity, vitality of language.

Васильева Ольга Александровна,
канд. филол. наук, доцент
кафедры английской и восточной филологии
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
envasioo85@mail.ru

Антропоморфная метафора в англоязычной автомобильной лексике

Статья посвящена анализу антропоморфных метафорических номинаций в современной автомобильной лексике. В результате метафоризации автомобильная лексическая инновация образуется на основе когнитивного переноса лексемы по подобию и ассоциации. Автомобильные метафорические номинации заимствованы из таких периферий человеческой жизни, как внешний вид, характер и умственные способности человека, профессия, родственные отношения. В статье рассмотрены дефиниции исследуемых автомобильных номинаций и определены их наиболее распространённые виды.

Ключевые слова: метафора, номинация, термин, автомобильная промышленность, вербализация, сфера-источник, сфера-мишень.

На ранних этапах изучения метафоры ее рассматривали как один из художественных способов или как поэтическое явление. Аристотель отмечал, что метафора образуется на основе перенесения сходства с одного явления на другое. Что касается современного взгляда на метафору, лингвисты утверждают, что любая языковая или речевая метафора базируется на концептуализации знаний [7]. Метафоричность является еще и свойством человеческого мышления. Метафора – это ресурс, к которому прибегают в поисках образа, способа индивидуализации или оценки предмета смысловых нюансов [3, с. 333]. Метафора рассматривается как видение одного объекта через другой и в этом смысле является одним из способов репрезентации знания в языковой форме [7, с. 55].

Метафора выступает своеобразным отображением современности. Л. М. Алексеева отмечает, что метафоризацию можно трактовать как средство и одновременно как результат вербализации процесса мыслительной деятельности, как необходимый атрибут научного творчества [2, с. 31]. Так, кроме «отзеркаливания» современного мира, метафора выполняет еще одну важную функцию – номинативную. Метафоризация приводит не только к новым знаниям о мире, но и к вербализации этих знаний. В связи с появлением инноваций в автомобильной промышленности (*automobile revolution*) возникает потребность в вербализации автомобильных технологий. Стремительный процесс внедрения автомобильных лексических инноваций в лексику английского языка формирует интерес к изучению их образования, что и определяет актуальность исследования.

Формирование современной автомобильной лексики происходит в немалой степени за счет семантического способа словообразования,

а именно метафоризации. Научная новизна статьи состоит в том, что исследование основывается на новейших автомобильных лексических инновациях, которые появились в связи с внешними изменениями социума, а именно его информатизацией и компьютеризацией. Материалом для исследования послужили 110 англоязычных лексических единиц, извлеченные методом сплошной выборки из современных автомобильных журналов («Automobile», «Motor Trend», «Car and Driver») и автомобильных словарей.

Цель нашего исследования – проанализировать особенности антропоморфных метафорических номинаций в англоязычной автомобильной лексике. В соответствии с поставленной целью были выбраны следующие методы: метод сплошной выборки, дескриптивный метод, метод дефиниционного анализа и метод семантического поля.

Антропоморфная метафора – это результат проекции соматического образа человека на окружающий мир, проекции, при помощи которой формируется представление об объекте [1, с. 149]. Любая языковая деятельность человека связана с интерпретацией, а языковая интерпретация выступает как вид познавательной активности, процесс и результаты понимания и объяснения человеком мира и себя в этом мире [4, с. 5]. Вторичная интерпретация индивидуальна по своей сути и представляет собой интерпретацию коллективных знаний в индивидуальной концептуальной системе конкретного человека [5, с. 20]. Дж. Лакофф отмечает, что метафора является одним из распространенных способов номинации, но действует «скрытно» и «нестандартно». По сути, метафора – это модель, которая выполняет функцию, общую со словообразовательной моделью, но более «скрытную» и «сложную» [8, с. 18]. Н. Д. Арутюнова отмечает, что язык не может обойтись без метафоры. Метафора стимулирует и развивает семантическую систему языка и систему номинативных средств [3, с. 341]. Метафорические номинации мотивированы разного рода ассоциациями и сходствами, поэтому необходимо отметить, что для существующей реалии или не обнаружено терминологического обозначения, или существующее название не отображает подходящего содержанию понятия, или метафора выступает эффективным средством языковой экономии.

Арутюнова Н. Д. считает, что метафора возникает на основе подобия (сходства) объектов. Подразумевается, что существенные признаки объекта, взятого из области источника и объекта-цели, не принадлежат к одной концептуальной области. Так, Н. Д. Арутюнова отмечает, что перенос обычно опирается на сходство предметов по какому-либо внешнему, очевидному признаку. По ее мнению, метафора апеллирует не к интуиции, а к зрению [3, с. 334]. Предметы могут быть похожи по форме, расположению, цвету, степени плотности и проницаемости, степени ценности, а также звучанием, функцией, характером влияния на наши чувства. Некоторые ученые придерживаются другого взгляда на метафорическую номинацию, утверждая, что метафора образуется на основе ассоциаций между предметом из области-цели и предметом из области-источника. «Метафора добавляет новому значению лексической единицы «следов» того образа, который ассоциируется с буквальным значением переосмысленного слова или словосочетания» [6, с. 127].

Размышляя над номинациями в процессе образования метафоры по принципу схожести или ассоциации, творец активизирует наглядные представления о предмете из области-источника. Название предмета, которое в дальнейшем концептуализируется в область-цель, заимствуется из хорошо знакомой для человека области-источника. Как правило, источником номинации выступает человек и все, что с ним связано. Описывая метафору в политическом дискурсе, А. П. Чудинов отмечает: «Создаваемая человеком метафорическая картина политического мира антропоцентрична: как Бог создал человека по своему образу, так и человек создает (концептуализирует) политическую действительность в виде некоего подобия своего тела и составляющих его органов, своих физиологических и иных действий и потребностей, своих генетических и иных связей с собственными родственниками» [9, с. 58]. Антропоцентрический принцип определяет человека – «мерой всех вещей». Человек, который создает метафорическое наименование, использует все периферии человеческой жизни: мир природы и животных, бытовой мир, материальный мир и т. д. Автомобильная лексика не является исключением.

Сам автомобиль получает женское название – *a baby* – крошка (*baby Benz, Ferarri's baby*) или мужское – *a guy (a new guy monster)*. Воспроизведение явлений внеязыковой действительности осуществляется путем отображения внешних сходств предмета: *low/high-nose (a low-nose chassis would allow the packaging of a motor and drive train below front-wheel centerline ...)*, *lips (RW Carbon presents a new style of front lip for the 2021-2023 F90 M5 Competition LCI with this CS style carbon fiber front lip)*, *arm (the control arm/swing arm/automobile control arm)*. Внешний вид автомобиля имеет одно из главных значений при выборе и покупке товара. Приведенные ниже метафоры называют основные параметры денотата и представляют обобщенный образ автомобиля.

Сопоставление автомобиля с человеком наблюдается по целому ряду признаков. Как и в процессе описания человека, акцентируется внимание на «внешность», «стиль», «характер и поведение» автомобиля. Так, внешность автомобиля персонифицируется, приобретая человеческие качества: *for its touring-car comfort, exotic performance, relative bargain price, luxurious appearance ... Mazda CX-7 is a sexy-looking ride ... it is prognathous chin is not the least bit aggressive*. Автомобилу приписывают мужские черты внешности: *a brawny truck, muscular car, broad-shouldered silhouette, athletic body*, или женские *a gracefully curvaceous shape that's decidedly feminine and appealing; the curvaceous aluminum body panels; bodacious ballerina*. Автомобиль сравнивают с женщиной, женской фигурой, сексуальностью, тем самым подчеркивая привлекательность автомобиля. Вместе с внешним обликом автомобиля персонифицируется и его характер (двигатель, шум, технологии): *The Sport Wagon's stern is as clever as it is attractive ..., smart cruise-control, cars full of passion and power*. Владелец такого автомобиля должен иметь желание обладать привлекательным и мощным автомобилем и не опасаться его «умственных» характеристик, которые облегчают процесс вождения. Одним из принципов образования автомобильных номинаций является присвоение автомобилю интеллектуальных качеств: *Memory Settings, Memory Personalization, Memory Package, Intelligent Voice-control Key, Subaru Intelligent Drive*.

К метафорическим номинациям по внешнему виду и внутреннему миру человека можно также отнести следующие слова: *tall-bodied (a long-slung, sporty crossover vehicle, or a tall-bodied hatchback sport sedan)*, *well-mannered (the Mazda 3 is also well-mannered on the high-way)*, *graceful (The Mazda CX-7 is a sexy looking ride, a gracefully curvaceous shape that's decidedly feminine and appealing)*, *powerful, noble (for sure, the XF SC welcomes such comparison, being thoroughly graceful, fluid, noble and powerful luxury four door)*, *sensitive (the Ghost's suspension system is so sensitive it can detect the movement ...)*. По внешнему признаку образуется автомобильная номинация *a box (a station wagon/SUV)*, которая подразумевает автомобиль-фургон. Косвенная номинация *idiot box* («automatic box») в своем специальном значении указывает на то, что коробка передач предназначена людям, которые особо не любят размышлять о переключении передач.

Оживление автомобиля осуществляется через концептуализацию человеческого сердца и души: *you will notice heartbeat every time you enter the driver's seat of the new 2009 Jaguar XF sedan. Not just your ticker – the car's too. Under its swollen and slotted hood beats a heart that sounds like a transplant from a Sprint Cup racer. Some cars, like those who choose to own them, have an immense heart and soul. Soul – is a combination of unique styling, performance, and mechanical connection with the driver.* Звук двигателя автомобиля можно сравнить с другими знакомыми для человека звуками: *engine screaming, engine breathing, engine barking, engine purring u m. d*. Кроме того, работу двигателя сравнивают и со звуками музыки: *the song of engine*.

Язык науки и техники частично формируется при помощи семантического способа словообразования, а именно метафоризации. Метафоризация – это использование общеупотребительных слов и использование их в специальном контексте. Метафора также может быть представлена семантическим переосмыслением терминов из других терминологических систем (*But the M5 is something of a two-edged sword*); (*... built for durability and speed, the SUV was a true road warrior, ready to tackle any terrain*).

Интересной является автомобильная номинация *facelifting*, обозначающая процесс изменения внешнего вида автомобиля. Транстермин «facelifting» был взят из косметической терминологии и адаптировался в автомобильной терминологической системе (*much of the facelift focuses on ..., facelifting can be attributed to the ZF six-speed automatic, it is not clear for us weather it will just be a facelift or a CS version...*). Таким образом появляются межотраслевые омонимы.

Семантическое переосмысление в виде объединения слов *mix of sprinter and long distance runner* указывает на то, что автомобиль Mercedes-Benz SL6 AMG быстрый на малых и больших расстояниях. Метафора *doctor's car* характеризует автомобиль, ориентированный на безопасность. А номинация *lemon* в автомобильной лексике используется для характеристики автомобиля с большим количеством дефектов. В этом случае возникает ассоциация со вкусовыми качествами лимона: во время откусывания лимона человеческое лицо непроизвольно «кривится», а значит, когда человек знает, что автомобиль имеет большое количество недостатков, его лицо тоже начинает «кривиться». Таким способом образовано немало

количество синестетических метафорических номинаций в современной автомобильной терминологической системе: *second hand car* («дешевые б/у машины»), *oops method* («метод заезда в гараж при плохом обзоре сзади»). Метафорическая терминологическая номинация *jump seat* также отличается экспрессивностью. Термин образовался по ассоциативной функциональной связи со словом «jump», и его суть состоит в том, что для сидений такого типа характерен резкий переход от привычного состояния к откидному.

Интересной, на наш взгляд, является субстантивная метафора *marriage of driver and automobile*. Ассоциативный параллелизм указывает на мощную связь между владельцем и его новым автомобилем. Ссылка на родственные отношения прослеживается в следующих автомобильных номинациях: *the Odyssey is the only eight-passenger hauler of the group, thanks to a clever mother-in-law seat in the middle of the second row. Funny thing is, I never expected this much performance from the 7. Big cars aren't supposed to behave like their small siblings*. Автомобильная антропоморфная метафора *sibling* обозначает два автомобиля одного модельного ряда.

Таким образом, для современной автомобильной лексики характерен метафорический способ образования номинаций. Метафорические номинации в автомобильной лексике образовались по принципу ассоциации и схожести, что предусматривает переосмысление лексического значения слова. Значительная часть автомобильных метафорических номинаций отличается антропометричностью, так как была заимствована из таких периферий человеческой жизни, как внешний вид, характер и умственные способности человека, профессия, родственные отношения.

Список литературы

1. Азнабаева, Л. А. Когнитивный анализ антропоморфных номинаций / Л. А. Азнабаева // Вестник Башкирского университета. – 2012. – Т. 17, № 1. – С. 149–153.
2. Алексеева, Л. М. Термин и метафора / Л. М. Алексеева. – Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1998. – 250 с. – ISBN 5-8241-0143-4.
3. Арутюнова, Н. Д. Функциональные типы языковой метафоры / Н. Д. Арутюнова // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. – 1978. – Т. 37, № 4. – С. 333–343.
4. Болдырев, Н. Н. Антропоцентрическая сущность языка в его функциях, единицах и категориях / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015. – № 1(42). – С. 5–11.
5. Васильева, О. А. Лексико-прагматические маркеры «уникальности» в современных автомобильных брошюрах / О. А. Васильева // Вестник Луганского педагогического университета. Серия 3, Филологические науки. Медиакоммуникация. – 2023. – № 4(107). – С. 18–22.
6. Дудолодова, А. В. Метафорические номинации вооруженного конфликта в англоязычном публицистическом дискурсе / А. В. Дудолодова // Культуры народов Причерноморья. – 2006. – Т. 1, № 82. – С. 127–129.
7. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина ; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – Москва : Филол. фак. МГУ, 1996. – 245 с. – ISBN 5-89042-018-1.

8. **Лакофф, Дж.** Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон ; под ред. А. Н. Баранова. – Москва : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с. – ISBN 5-354-00222-2.
9. **Чудинов, А. П.** Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : Изд-во УрГПУ, 2003. – 250 с. – ISBN 5-7186-0127-5.

Vasylieva O. A.

Anthropomorphic Metaphors in the Field of Automotive Industry

The article is devoted to the anthropomorphic metaphorical nominations in modern automobile vocabulary. The cognitive mechanisms of analogy and associativity are highlighted. The author reveals the sources of metaphorical nominations in the field of automotive industry. Metaphorical nominations in the field of automotive industry are taken from such sources as human appearance, personality and intelligence, occupation and family ties. It is represented the definitions of new words in the field of automotive industry and discussed the productivity of anthropomorphic metaphors.

Key words: metaphor, nomination, term, automotive industry, verbalization, source-domain, source-target.

Гончарова Светлана Владимировна,
ст. преподаватель кафедры
теории и практики перевода
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
sveta.sv71@mail.ru

Инновационные тенденции формирования лексики в современном английском языке

В статье исследуется динамика изменений в лексическом составе английского языка в современных условиях, ключевые факторы, способствующие появлению новых слов и выражений. Особое внимание уделяется фразовым глаголам как важному элементу разговорной речи. Анализируются примеры неологизмов, их семантические особенности, способы образования и их интеграция в повседневный язык. Исследование подчеркивает значимость понимания этих инноваций в условиях межкультурной коммуникации. Изучение лексических единиц, приведенных в статье, способствует выявлению тенденций развития современного англоязычного социума, поскольку традиционно служит для обозначения обновленных реалий в жизнедеятельности человека. В работе отмечена необходимость изучения языковых и социокультурных процессов в их функциональном взаимодействии.

Ключевые слова: лексика, лексические инновации, фразовые глаголы, неологизмы, межкультурная коммуникация.

Английский язык, являясь «lingua franca», постоянно эволюционирует, реагируя на актуальные изменения в обществе, и именно язык является тем инструментом, который отражает все эти преобразования. Понимание современных тенденций в формировании лексики позволяет лучше осознать, как язык адаптируется к изменениям в обществе, культуре, технологиях. В условиях глобализации и межкультурной коммуникации наблюдается активное заимствование слов и выражений из различных языков, что приводит к появлению новых фразовых глаголов и неологизмов, которые становятся частью повседневного общения. Наибольшую ценность для нас составляют фразовые глаголы, которыми англичане часто пользуются в ежедневной устной речи, что представляет сложность для студентов, у которых нет языковой практики с носителями языка. Таким образом, актуальность нашего исследования обусловлена необходимостью дальнейшего изучения словообразовательной структуры исследуемых языковых единиц, поскольку эти лексические единицы представляют определенную сложность и требуют особого внимания при переводе.

Целью исследования является определение и анализ современных тенденций в формировании современной английской лексики, выявление механизмов появления фразовых глаголов и неологизмов, особенностей их формирования, а также оценка их роли в межкультурной коммуникации.

Исследуя лексические инновации, Е. И. Михеева трактует их как «совершенно новые лексические единицы, новые значения уже

существующих слов или новые способы их употребления» [3]. Принимая во внимание это определение, считаем нужным отметить, что инновации касаются и последующего применения и развития сочетаний новых языковых единиц.

Спиридонова Т. А., анализируя интеграцию новой лексики в лексический состав языка, отмечает, что «неологизм воспринимается носителями языка как новая единица в течение определенного времени» [5, с. 228]. Разделяя эту точку зрения, отметим, что сначала новую лексику используют лишь небольшие сообщества, и только со временем она начинает распространяться среди более широких групп, становясь общеупотребительной либо исчезая из состава языка.

Современная лингвистика характеризуется повышенным интересом к фразовым глаголам из-за идиоматических выражений, которые характеризуются дополнительными значениями и множеством сочетаний, зависящих от содержания. Фразовые глаголы показывают различные аспекты действия и состояния. По определению М. Жамбылқызы, фразовыми глаголами являются глаголы, которые состоят из нескольких слов, включающих глагол и предлог или наречие. Эти комбинации из двух или трех слов, образующие сложный глагол, напоминают короткие фразы, поэтому их часто называют фразовыми глаголами [2, с. 109].

В своей работе Ю. Н. Несветайло рассматривает обновление языка такими способами, как словообразование (аффиксация, сложение слов, сокращение, обратная деривация); изменение значений слов; заимствование [4]. Тщательное изучение и анализ фразовых глаголов является ключевым аспектом изучения языка. Однако, следует помнить, что процесс словообразования происходит в контексте мировоззрения человека, определяемого его национальной и культурной принадлежностью. Рассмотрим обновления с языковыми инновациями, зафиксированные в Оксфордском словаре английского языка.

Созданный в конце 90-х годов XX века Британский Национальный корпус английского языка в Оксфорде (Британская Национальная корпорация) с коллекцией текстов с общим количеством около 100 миллионов слов современного британского варианта английского языка имел главную цель – стать полным репрезентантом современного английского языка, используемого сегодня на Британских островах. Эффективное использование корпуса дает возможность гарантировать создание таких словарей и учебных материалов, которые бы отражали сегодняшнюю картину функционирования языка. Одним из наиболее эффективных способов усвоения новых словообразований, зарегистрированных в этом корпусе, является изучение фразовых глаголов, т. е. спряжений глаголов с предлогами для усвоения новых значений слов. Наиболее распространенными сочетаниями являются глаголы с предлогом *out*, которые иногда создают оригинальные значения. Также распространены фразовые глаголы с предлогами *up*, *off*, *across*, *about* и др. В последнее время фразовые глаголы настолько распространились в речи современных носителей языка, что иногда их трудно понять, поскольку не все новообразованные фразовые глаголы внесены в словари и не принадлежат к литературной лексике.

Обучение лексике является сложным процессом, поэтому преподавателям стоит обращать внимание на тот факт, что, зачастую студенты пользуются литературной лексикой, книжными или устаревшими словами, которых часто не знают сами носители языка. Это создает нефункциональность речи, которая вызывает странную, а иногда и негативную реакцию англичан, именно поэтому нам необходимо периодически обновлять лексику наших учебников, пособий и других учебных материалов. Приведем некоторые примеры фразовых глаголов с предлогами *out*, *up*, *off* и др., которые используются в речи англичан и которые трудно найти в словарях: *I don't want him **fudging out** of a meeting again* (= *I don't want him finding another vague and feeble excuse for not attending a meeting* – «отменить встречу в последнюю минуту, не объясняя причину»); *I didn't do anything all weekend. I just **veg out*** (= *I spent a very lazy "couch potato" style weekend* – «я провел выходные лениво»); *I am going to get myself **glammed up** for the evening* (= *I am going to dress up very smartly* – «одеться нарядно»).

Подобные фразовые глаголы в текстах, написанных нашими авторами, не встречаются, и мы их не могли раньше слышать в устной речи, но их значение легко понять, потому что основную смысловую нагрузку несет глагол, который является существительным или его частью. Предлоги усиливают основное значение *fudge* («вымысел»), *veg* (корень слова *vegetable*), *glam* (корень слова *glamour*). Как видим, использование частей существительных (корней) с предлогами – это современный расширенный способ образования глаголов с новым значением, именно поэтому фразовые глаголы легко запоминаются и более доступны для употребления, чем глаголы *to take up*, *to get on*, *get about* и подобные, в которых главный глагол имеет нечетко выраженное значение.

Рассмотрим на примере, как и почему образуются новые фразовые глаголы. Приведенный ниже пример касается проблемы ограничения производства пластиковых «вечных химикатов»: *Industry using «tobacco playbook **to fend off** forever chemicals regulation»* [10]. В этом микротексте абстрактное слово *fending* изменено на структурно новый глагол *to fend off*, что значит «противостоять», подчеркивая стратегию защиты доходов перед растущим количеством доказательств. Такой способ словообразования кажется более эффективным для четкого выражения своего мнения, а иногда, наоборот, чтобы выразиться более стилизованно и менее понятно. Эти лексические инновации могут быть окказионализмами в ситуациях неадекватности обычных речевых способов, необходимых для коммуникативных нужд говорящего. Их образование может быть признаком речевого мышления, реализующего одновременно познавательные и речевые механизмы. Издательство Оксфордского университета, принимая во внимание коммуникативное значение фразовых глаголов и их распространение в бытовой речи и в газетных текстах, включило небольшие списки таких глаголов в издания для учителей, напоминая им о важности изучения этих глаголов и о способе их образования: *chicken out* – «пугаться»; *fizzle out* – «закончиться ничем»; *eke out* – «пополнять»; *mete out* – «наказывать»; *bottom out* – «опускаться»; *dole out* – «распределять»; *peter out* – «истощаться»; *duck out* – «убегать» [8].

Как показывает практика, студенты не знают этих фразовых глаголов и не употребляют их, совершенствуя при этом свою устную речь книжными

глаголами, выученными из учебников, которые в основном содержат отрывки художественных произведений. Такие глаголы являются либо устаревшими, либо ими уже не пользуются англичане в подобных ситуациях речи. Известно, что носитель английского языка, проживающий в этнокультурной среде и свободно общающийся на нем, должен владеть почти стопроцентно фонетическими навыками произношения своего сообщества, на пятьдесят процентов грамматическими навыками и лишь на один процент необходимой лексикой, поскольку в ситуациях ежедневного бытового общения, как считает шведский полиглот Э. Гунерман, носитель языка использует в речи не более 400–500 лексических единиц для эффективной коммуникации [1].

Мы придерживаемся мнения, что лексика должна быть выразительной, экспрессивной и адекватной ситуации речи: именно этим и предопределяется появление фразовых глаголов и других лексических инноваций. Рассмотрим морфологический способ образования неологизмов, то есть способ с использованием различных суффиксов: *-ish*, *-y*, *-ese*, *-thon*, *-holic* и др. Слова с такими суффиксами употребляются в речи носителей языка среднего класса и в современной прессе. Например, суффикс *-ish* часто комбинируется с собственными именами: *Perhaps men's studies are identified by a normative element – so-me of it taking on a Baden Powellish sort of tone* [9]. Чтобы понять смысл этого предложения, напомним, что Baden Powell – основатель скаутского движения, и речь идет об обучении согласно его требованиям. Сходство этих требований передается суффиксом *-ish*. Аналогично употребляется этот суффикс и в других ситуациях: *Bill Clintonish style of relations*, где суффикс *-ish* может использоваться как структурный элемент сложного слова-неологизма и отдельно как лексический элемент в значении «неплохо, но сомнительно».

Рассмотрим другой пример с созданием нового слова с помощью суффикса *-y*: *He had flashy friends, most famously and loyally the Duke and Duchess of Windsor* [11]. В этом случае *flashy* подразумевает ощущение гламура или желание выделиться, связанное, вероятно, с богатством или высоким социальным статусом. Еще одним интересным и распространенным способом образования неологизмов является использование суффиксоида *-holic* (от слова *alcoholic*). Добавляя суффиксоид к соответствующим словам, образуем новые слова, выражающие страсть человека к разным вещам и объектам: *workaholic*, *bookaholic*, *chocaholic*, *meataholic*, *drinkaholic*, *shopaholic*, *clothesaholic*, *chipaholic*, *milkaholic*. Этим же способом образуются новые слова с помощью суффиксоида *-thon*, который является частью слова *marathon*: *swimmerthon*, *hopperthon*, *strollerthon*, *carollerthon*, *chatterthon*, *speakerthon*. Продуктивными являются также суффиксы *-ese*, *-ise (ize)*, с которыми образуются новые слова: *journalese* («язык журналистов»), *officialese* («официальный язык»), *legalese* («юридическая терминология»). Есть и другие способы образования новых слов, например, слов-композигов, содержащих в себе две (или более) корневые морфемы. В композите наблюдается семантико-структурная целостность, но в то же время его компоненты относительно самостоятельны, а некоторые пишутся через дефис. Такие слова очень распространены в современном английском языке, и их легко может образовать каждый желающий. В большинстве они имеют ситуативный характер и лексикографически не фиксируются, кроме отдельных форм, устоявшихся в словарях:

from rags to riches («из грязи в князи»), *rip and run* («грабить»), *tip and run* («вести бизнес»), *nitty gritty* («questions»), *roam phone, brick a brac*, в кафе, подобных «*fast food*» появилось выражение *kiss me quick service*.

В последнее время в системе социального обслуживания для выражения социального положения людей или их отношения к определенным проблемам употребляются слова-акронимы, которые кратко передают смысл слов-композиций указанного типа: *dinky* (*double-income-no-kids*), *nilky* (*no-income-lots-of-kids*) *yuppie* (*young-urban-professional*), *nimb* (*not-in-my-back-yard*), *nimbyism* – «политика безразличия», «помимо собственных интересов». Эти слова распространились и в газетной лексике: слово *dinky*, например, образовалось в США, но употребляется и в Британии для выражения жизненного уровня семьи профессионалов, принадлежащей к среднему классу, когда мужчина и женщина работают и каждый из них имеет прибыль. Или, например, рассмотрим лексику социальной сферы, описывающую парламентские дебаты в Британии: «*Nimbys are not selfish. Telegraph declared the win “a victory for nimbys”, adding that it was “no reason to give up on planning reform” – reforms which, needless to say, look set to confer most benefit on Tory-donor housebuilders*» [6].

«Telegraph» объявила эту победу «победой нимби – теми, кто не одобряет что-либо», добавив, что это «не повод отказываться от реформы планирования» – реформы, которая, как нет нужды говорить, похоже, принесет наибольшую выгоду донорам Тори, занимающимся строительством домов [7]. Возможно, не все примеры новых слов войдут в лексический состав английского языка, и некоторые из них будут заменены другими словами, образующимися по рассмотренным принципам, но процесс поиска новых форм высказывания, желания писать и говорить так, чтобы речь была экспрессивной и эмоционально воспринималась читателем или слушателем, постоянно продолжается. И этот процесс, который подвержен влиянию научной, технической и социальной революции, новых форм и стилей общественной жизни или же отдельных событий, обогащает речь. В 90-х годах появились такие слова-окказионализмы, как *catastroika*, то есть перестройка, которая не состоялась так, как ее задумал М. С. Горбачев. Несколько раньше появилось слово *to leonovize*, когда впервые российский космонавт А. Леонов вышел в открытый космос. Так, 10–15 лет назад никто даже вообразить не мог, что появятся такие слова, как *electronic virus, infection with an electronic virus, electronic vaccination, surrogate mother, pandemic* – это пример использования известных слов в новых значениях, связанных с новыми научными открытиями.

Обновление лексики происходит разными способами: заимствование слов, сужение или расширение значений известных слов, употребление их в необычном контексте, т. е. в фигуральных значениях. Так, в школьной лексике недавно появились такие слова, как *hunk* («активный ученик, который всего добьется»), *wimp* («ученик, который ничего не добьется и ни на что не способен»). В сфере социально-бытового общения употребляются слова *woopie* («a well-off-older-person»), *a golden goodbye* («a large amount of money»), *a golden handshake* («financial benefits») и др. *The woopie received a golden goodbye* («a golden handshake») *on retirement* («богатая пожилая особа получила пенсионное вознаграждение»). Иногда значения слов бывают

противоположными, так, в парламентской лексике выражение *christmas tree* означает законопроект с большим количеством поправок (аналогия с игрушками на елке). Другие примеры: *a golden goose* – «a source of unlimited prosperity»; *a maxi-series* – «a serial with many parts»; *a thin cat* – «a man without wealth, privilege or influence»; *a language line* – «an electronic device translating from many languages into English» (installed in fast-aid hospitals and fire-brigades); *a dramedy* – «a television comedy-drama» [8]. Приведенные примеры лишь частично иллюстрируют слова и выражения, появляющиеся в современном английском языке.

Таким образом, на основании отобранных нами лексических единиц проведенное исследование позволяет утверждать, что, входя в лексический состав языка, благодаря своей выразительности, неологизмы продолжают развиваться, накапливая новые значения, а язык становится уже не только средством общения, но и самовыражения. В связи с изменениями в различных сферах деятельности человека, изучение фразовых глаголов и неологизмов позволяет понять, как язык отражает социальные изменения, поэтому целесообразно дальнейшее комплексное изучение языковых и социокультурных процессов в их функциональном взаимодействии.

Список литературы

1. Гуннерман, Э. В. Искусство изучать языки / Эрик В. Гуннерман ; [пер. со швед. Д. Л. Спивака]. – 2-е изд., испр. – Санкт-Петербург : Тесса, 2002. – 207 с. – ISBN 5-94086-004-4.
2. Жамбылқызы, М. Общая характеристика и семантика фразовых глаголов и глагольных фразеологических единиц / М. Жамбылқызы // Национальная ассоциация ученых. – 2015. – № 4–5(9). – С. 109–113.
3. Михеева, Е. И. К вопросу классификации неологизмов в современном немецком языке / Е. Н. Михеева // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2007. – № 1. – С. 52–55.
4. Несветайло, Ю. Н. Основные способы образования неологизмов в современном английском языке / Ю. Н. Несветайло // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2008. – № 1. – С. 73–75.
5. Спиридонова, Т. А. Неологические дискурсивные процессы в современном английском языке / Т. А. Спиридонова // Перевод. Язык. Культура : материалы X междунар. науч.-техн. конф. (Санкт-Петербург, 24–25 мая 2019 г.) / под ред. И. Л. Гарбар. – Санкт-Петербург, 2019. – ISBN 978-5-8290-1853-5. – С. 225–234.
6. Bromwich, K. What is it about us dinks (dual income, no kids) that so many people dislike? / Kathryn Bromwich. – Text : electronic // The Guardian : [website]. – URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2024/mar/30/what-is-it-about-us-dinks-dual-income-no-kids-so-many-people-dislike> (date of access: 19.01.2025).
7. Coward, R. Nimbys are not selfish. We're just trying to stop the destruction of nature / Ros Coward. – Text : electronic // The Guardian : [website]. – URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2021/jul/04/nimbys-nature-destruction-wildlife-developers> (date of access: 19.01.2025).
8. English-Russian dictionary of expressions. – Текст : электронный //

Академик : офиц. сайт. – URL: https://set_expressions_en_ru.academic.ru (дата обращения 25.01.2025).

9. **In the shadow of Big Sister.** – Text : electronic // Times Higher Education : [official website]. – URL: <https://www.timeshighereducation.com/news/in-the-shadow-of-big-sister/99466.article> (date of access: 25.01.2025).
10. **Industry using ‘tobacco playbook’ to fend off ‘forever chemicals’ regulation.** – Text : electronic // The Guardian : [official website]. – URL: <https://www.theguardian.com/environment/2025/jan/14/industry-using-tobacco-playbook-to-fend-off-forever-chemicals-regulation> (date of access: 19.01.2025).
11. **Owens, M. Thierry Coudert.** In Beautiful People of the Café Society / Mitchell Owens. – Text : electronic // Architectural Digest : [website]. – URL: <https://www.architecturaldigest.com/story/beautiful-people-of-the-cafe-society-thierry-coudert> (date of access: 19.01.2025).

Goncharova S. V.

Lexical Innovations in Modern English

This paper explores the contemporary trends in vocabulary formation within the English language, focusing specifically on the emergence and usage of phrasal words and neologisms. The study examines the mechanisms through which phrasal verbs are formed as well the role of neologisms in shaping modern discourse. The article reveals the main ways of word formation of neologisms. By analyzing various sources, this research highlights the significance of these linguistic phenomena in understanding innovations in the context of intercultural communication. The study of lexical units contributes to the identifying the trends in the developing contemporary English-speaking society, as it traditionally serves to denote updates realities in human activity. The work emphasis the necessity of examining linguistic and sociocultural process in their functional interaction.

Key words: *phrasal words, lexical units, vocabulary, innovations, neologisms, intercultural communication.*

Кисель Олеся Владимировна,
канд. филол. наук,
доцент кафедры иностранных языков
по техническим направлениям
ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г. И. Носова»
olesja-kisel@rambler.ru

Метафорические названия брендов как объект психолингвистических исследований

В современном мире бренды играют важную роль в формировании потребительского восприятия и поведения. Одним из ключевых аспектов успешного брендинга является выбор названия, которое не только отражает суть продукта, но и вызывает определённые ассоциации и эмоции у потребителей. Цель данного исследования – описать лингвистические средства, которые служат для влияния бренда на психологию потребителя. Задачами исследования является анализ влияния метафорических названий на восприятие бренда, а также изучение влияния метафорических названий на эмоциональную связь потребителей с брендом. Материалом для исследования послужили названия марок автомобилей. Автор статьи приходит к выводу, что метафорические названия требуют более детального исследования именно в контексте психолингвистических исследований, а исследуемый материал может стать основой для дальнейшего междисциплинарного анализа брендов других торговых марок.

Ключевые слова: бренд, бренднейминг, метафора, оним, маркетинг.

Названия брендов – неотъемлемая часть маркетинга, поскольку они оказывают значительное влияние на восприятие продукта. Выбор эффективного названия бренда играет ключевую роль в принятии конкретного товара или услуги общественностью. Современные ономастические исследования представляют собой обширную и разнообразную область знаний, а бренд как языковая единица и бренднейминг – как процесс создания названия стали неотъемлемой частью ономастических исследований.

Бренды проявляются в языковой реальности прежде всего как лексические единицы. В этом контексте на первый план выходит их значение, а не экономическая функция. Классификация брендов проводится по различным аспектам, таким как экономические, социальные, психологические и лингвистические. Классификация брендов с лингвистической точки зрения имеет два аспекта: формальный и информативный. Исследования показывают, что классификация с информативной точки зрения позволяет бренду быть унифицированным для разных языков и, следовательно, быть конкурентоспособным [2; 5]. Бренд состоит из множества элементов, которые в совокупности помогают потребителям идентифицировать продукт и дают им основания выбирать именно этот продукт, а не его конкурентов.

Успех нового продукта или услуги в значительной степени зависит от названия продукта, и потребители часто знакомятся с брендом через

языковые средства, которые влияют на восприятие, память, отношение к самому продукту или услуги. «Имя – обязательная составляющая любого бренда, поскольку нет ни одного продукта или компании, которые функционировали бы безымянными» [4, с. 133]. Во многих исследованиях, посвященных языковым средствам в процессе бренднейминга, признается актуальность языка в брендинге и то влияние, которое он оказывает на реакцию потребителей [3; 5; 6]. Например, исследователи изучают:

- как язык влияет на формирование ассоциативного фона бренда [11];
- названия каких брендов лучше запоминаются [13];
- как через язык можно указать на идентичность того или иного продукта или услуги [10];
- как через языковые средства можно влиять на оценки бренда [9].

Проблема исследования заключается в том, что на сегодняшний день не определены механизмы и языковые средства, при помощи которых бренд влияет на психологию потребителя. Названия брендов могут быть основаны на разнообразных образах и ассоциациях, таких как животные, природные явления, предметы быта и другие. Однако не всегда очевидно, какие чувства и ассоциации вызывает у потребителей тот или иной бренд, и как это влияет на их восприятие.

Новизна данной темы заключается в том, что психолингвистические исследования метафорических названий брендов ранее не проводились в таком объёме. Обычно исследования в этой области сосредоточены на анализе конкретных названий или на определённых аспектах их восприятия. Однако комплексное изучение метафорических названий брендов с использованием психолингвистических методов может дать более глубокое понимание их влияния на потребителей.

Цель данного исследования – определить лингвистические механизмы влияния брендов на психологию потребителя.

Одним из основных исследователей взаимосвязи языка психологии потребителей является Б. Шмидт, которым разработана модель психологии потребителей брендов, предназначенная для рассмотрения «восприятия и суждений потребителей, лежащих в основе процессов, связанных с брендами» [9, с. 8]. Эта модель достаточно детально описывает процесс создания бренда и его влияние на потребителя. Модель определяет пять основных процессов, лежащих в основе брендов:

- идентификация брендов;
- знакомство с брендами;
- интеграция информации о бренде в общую концепцию;
- обозначение бренда как символа идентичности [15].

В нашем исследовании основное внимание уделялось психолингвистическим аспектам языка бренда, а именно, способам обработки языка потребителями. В данной области бренднейминга есть определенные исследовательские вопросы. Например, с точки зрения лингвистики, интересным является аспект нарушения правил грамматики, которые влияют на запоминание, например, *Немолоко*, как аллитерация или повторение определенных звуков (*Наф-наф*) влияет на восприятие бренда, или какой язык следует использовать для именованя и дальнейшего продвижения бренда в других странах.

Основное внимание ученые, занимающиеся психолингвистикой, уделяют обработке языка и процессам в сознании говорящего и слушающего, а также изучают работу мозга, и как он обрабатывает язык. Психолингвистические исследования основаны на экспериментах, в процессе которых респондентам предъявляются тщательно подобранные стимулы. Респонденты, в свою очередь, представляют свою реакцию на них. Типичные выводы, полученные в результате подобных экспериментальных исследований, ограничены показателями памяти и обработки данных и, возможно, несколько ограничены по своей внешней достоверности, поскольку социальные явления обычно не учитываются.

В контексте брендинга психолингвистика актуальна в самых разных случаях, от разработки новых названий брендов до разработки рекламных слоганов или же создания веб-сайтов [14]. Психолингвистически ориентированные исследования бренда нацелены на процессы быстрого запоминания названия продукта или услуги. Например, в области наименований брендов написание названия бренда влияет на его запоминаемость: неоднозначное написание может привести к улучшению запоминания, если потребителям будут предоставлены подсказки относительно того, как на самом деле пишется название бренда: *Шыномонтаж*.

Еще одной сферой психолингвистических исследований, связанных с брендингом, является изучение эффектов звуковой символики, то есть значений, передаваемых мельчайшими звуковыми единицами, и исследования того, как определенные звуки могут влиять на предпочтения бренда и его восприятие [7].

Интересным представляется исследование А. Чима и В. Патрика, в котором внимание уделено тому, как подмена слов в названии продукта влияет на восприятие потребителя и как при этом может меняться целевая группа. В аналогичном свете некоторые исследования показывают, что простое изменение названия продукта питания (например, использовать *паста* вместо *салат*) существенно влияет на оценку диетологами и придерживающимися диеты полезности и вкуса пищи, а также на фактическое потребление продукта [8]. Хотя подобные исследования не обязательно позиционируются как лингвистически обоснованные, они согласуются с представлением о том, что язык влияет на категоризацию объектов и, таким образом, влияет на предпочтения и поведение потребителей.

Большинство брендов и связанных с ними стратегий именования относятся к метафорическим названиям. Метафорический нейминг – это процесс создания различного вида ассоциативных связей потребителя с тем или иным продуктом или услугой. В рамках психолингвистических исследований метафорические названия брендов стоит рассматривать через призму ассоциативного эксперимента, который, по мнению С. В. Архиповой, «является наиболее разработанной техникой психолингвистического анализа семантики, вскрывающего объективно существующие в психике носителя языка семантические связи слов, языковые стереотипы – все то, что помогает впоследствии обобщить как “специфические черты менталитета”» [1, с. 6].

Автомобили, названные в честь животных: *Beetle* – жук, *Colt* – жеребенок, *Cougar* – пума, *Viper* – Гадюка, *Mustang* – Мустанг, *Cobra* – кобра, являются частью давнего восприятия автомобиля как замены животных в качестве средств перевозки людей. Вот почему мы до сих пор называем энергию,

связанную с двигателем автомобиля, термином «лошадиная сила». Эта связь проникает и в другие смысловые области. Модель автомобиля под названием Breeze предполагает, что водитель почувствует легкий ветерок, управляя автомобилем, и что вождение автомобиля – это «легко». Ставший популярным автомобиль с названием *Pathfinder* – *первопроходец* ассоциируется с новыми дорогами и открытиями. А модель легендарной автомобильной компании *Ford*, названная в честь зодиакального символа *Taurus* – *Телец*, потребитель ассоциирует с чертами характера, которые астрологи приписывает этому знаку зодиака.

Метафора даёт возможность автопроизводителям установить ассоциативную связь между автомобилями и различными аспектами психологической и социальной жизни. При анализе автомобильных брендов мы выделили следующие группы:

- связанные с роскошью (*Buick Park Avenue, Chrysler Fifth Avenue, Pontiac Catalina, Chevrolet Monte Carlo*);
- связанные с загородным стилем жизни (*Subaru Outback, Mercury Villager*);
- связанные с социальным статусом (*Ford Monarch, Hindustan Ambassador*);
- связанные с исследованиями или бегством от городской жизни (*Dodge Dakota, Chevrolet Montana, Ford Sierra*);
- связанные с такими понятиями, как защита, дружба, безопасность. (*Ford Escort, Chevrolet Cavalier*);
- связанные с артистизмом и элитарностью, с классической музыкой (*Hyundai Sonata, Ford Tempo*);
- связанные с путешествиями, автомобильными гонками (*Cadillac Seville, Pontiac Grand Prix*).

Названия духов и видеоигр нередко представляют собой метафоры. Аромат *Poison* от Кристиана Диора недвусмысленно намекает на таинственность, алхимию и волшебные образы.

В 1970-х и 1980-х годах были популярны такие игры, как *PacMan, Pitfall u Pong*, но со временем они были заменены новыми играми, такими как *GameCube*, название которой отсылает к кубику Рубика. Салоны видеоигр, использующие передовые технологии искусственного интеллекта, такие как *Grand Theft Auto*, позиционируют себя как игры, полные интриг, азарта и «крутости», сравнимой с Джеймсом Бондом. Игра *Madness Melee* ассоциируется с жестокими автомобильными гонками, столкновениями, боями без правил.

Таким образом, из приведенных примеров видно, что метафорические названия основываются на ассоциациях, не только ориентированных на личность потенциального потребителя, но и связываются с требованиями общества в период их создания. Каждый из потребителей рисует свою картинку успешной и счастливой жизни, а бренд, в данном случае – это один из способов достижения идеала. Некоторые мечтают о роскоши, ассоциируя ее с *Ford Tempo, Hindustan Ambassador, Cadillac*, другие, мечтая о тихой спокойной сельской жизни, выбирают *Ford Escort, Chevrolet Montana*.

С лингвистической точки зрения, метафорические названия обладают высоким коннотативным потенциалом. Психолингвистические исследования метафорических названий брендов являются актуальной и перспективной темой, которая может дать ценные результаты для маркетологов и специалистов по брендингу. Они позволяют понять, как названия брендов воспринимаются

потребителями, какие ассоциации и эмоции они вызывают, и как это влияет на отношение к бренду и его продуктам. Наше исследование выполнено на основе анализа метафорических названий автомобилей и парфюмерии, однако, в других потребительских сферах существуют подобные коннотативно окрашенные единицы, что дает большие возможности и перспективы к дальнейшему исследованию метафорических названий. Еще одним важным теоретическим выводом является то, что брендинг должен рассматривать язык с разных точек зрения и в различных аспектах лингвистической науки. Только в этом случае маркетологи смогут донести до потребителя именно то, что было задумано. Мы считаем, что принципы психолингвистики должны приниматься во внимание при исследовании каждого процесса, лежащего не только в основе потребительской психологии брендов, но и в основе самого процесса брендинга. Иными словами, ни маркетинговые инновации, ни лингвистические аспекты не должны рассматриваться изолированно, поскольку отдельно друг от друга их недостаточно для понимания исследуемого явления.

Перспективы исследования брендов не должны быть ограничены рамками одной дисциплины. Лингвистика бренда должна быть междисциплинарной областью, использующей несколько методов и рассматривающей потребителя как единицу анализа.

Список литературы

1. **Архипова, С. В.** Ассоциативный эксперимент в психолингвистике / С. В. Архипова. – Текст : электронный // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. – 2011 – № 11. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/assotsiativnyy-eksperiment-v-psiholingvistike> (дата обращения: 04.09.2024). – Режим доступа: Научная электронная библиотека «КиберЛенинка».
2. **Баженов, Н. Ю.** Языковые средства метафорического представления товара в рекламе / Н. Ю. Баженов // Состояние и перспективы лингвистической и методической мысли в современном образовательном пространстве : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. юбилеям известных представителей Самар. лингвист. шк. Александра Николаевича Гвоздева и Евгения Михайловича Кубарева, Самара, 20 мая 2022 г. / отв. ред. Т. Е. Баженова. – Самара, 2022. – ISBN 978-5-98229-501-9. – С. 99–108.
3. **Дедюхина, А. Г.** Лингвосомиотические характеристики англоязычных заимствований в российской рекламе / А. Г. Дедюхина. – Краснодар : Издат.-полиграф. центр Кубанского гос. ун-та, 2022. – 173 с. – ISBN 978-5-8209-2123-0.
4. **Тортунова, И. А.** Эргоним как результат речетворчества / И. А. Тортунова. – Текст : электронный // Научный диалог. – 2012. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ergonim-kak-rezultat-rechetvorchestva> (дата обращения: 14.10.2024). – Режим доступа: Научная электронная библиотека «КиберЛенинка».
5. **Туганова, П. А.** Функционирование метафоры в рекламном дискурсе / П. А. Туганова // Актуальные проблемы лингвистики и межкультурной коммуникации : материалы междунар. науч.-практ. конф., Москва, 28 нояб. 2020 г. / [ред.: Е. В. Склизкова, Е. В. Дворниченко]. – Москва, 2021. – Вып. 5 (9). – ISBN 978-5-00181-065-0. – С. 108–112.

6. **Эскиев, М. А.** Определение понятий «брендинг», «бренд», «брендменеджмент» / М. А. Эскиев // Евразийское пространство: экономика, право, общество. – 2022. – № 3. – С. 58–59.
7. **Язык виртуального пространства: тенденции и перспективы исследования: монография**/Л. И. Антропова, А. В. Бутова, Е. А. Гасаненко [и др.]. – Магнитогорск : МГТУ им. Г. И. Носова, 2022. – 163 с. – ISBN 978-5-9967-2395-9.
8. **Cheema, A.** Anytime versus only: Mind-sets moderate the effect of expansive versus restrictive frames on promotion evaluation / A. Cheema, V. M. Patrick // Journal of Marketing Research. – 2008. – № 45(4). – P. 462–472.
9. **Irmak, C.** The impact of product name on dieters' and nondieters' food evaluations and consumption / C. Irmak, B. Vallen, S.R. Robinson // Journal of Consumer Research. – 2011. – № 38(2). – P. 390–405.
10. **Kehret-Ward, T.** Improving recall by manipulating the syntax of consumption rituals / T. Kehret-Ward, M. W. Johnson, T. A. Louie // Advances in Consumer Research / eds. Elizabeth C. Hirschman and Morris B. Holbrook. – Provo UT, 1985. – Vol. 12. – P. 319–324.
11. **Leclerc, F.** Foreign branding and its effects on product perceptions and attitudes / F. Leclerc, B. H. Schmitt, L. Dubé // Journal of Marketing Research. – 1994. – № 31(2). – P. 263–270.
12. **Lerman, D.** Phonology, morphology and semantics: Toward a fuller conceptualization of brand name meaning / D. Lerman // Psycholinguistic phenomena in marketing communications Mahwah / T. M. Lowrey (Ed.). – Mahwah, NJ, 2006. – P. 79–99.
13. **Luna, D.** Integrating ad information: A text processing perspective / D. Luna // Journal of Consumer Psychology. – 2005. – № 15(1). – P. 38–51.
14. **Luna, D.** Does brand spelling influence memory? The case of auditorily presented brand names / D. Luna, M. Carnevale, D. Lerman // Journal of Consumer Psychology. – 2013. – № 23(1). – P. 36–48.
15. **Schmitt, B. H.** The consumer psychology of brand / B. H. Schmitt // Journal of Consumer Psychology. – 2012. – № 22. – P. 7–17.

Kisel O. V.

Metaphorical Brand Names as an Object of Psycholinguistic Research

In the modern world, brands play an important role in shaping consumer perception and behavior. One of the key aspects of successful branding is choosing a name that not only reflects the essence of the product, but also evokes certain associations and emotions among consumers. The purpose of this study is to describe the linguistic tools that serve to influence the brand on consumer psychology. The objectives of the study are to analyze the influence of metaphorical names on brand perception, as well as to study the influence of metaphorical names on the emotional connection of consumers with the brand. The names of car brands served as the material for the study. The author of the article comes to the conclusion that metaphorical names require more detailed research in the context of psycholinguistic research, and the studied material can become the basis for further interdisciplinary analysis of brands of other brands.

Key words: brand, brand naming, metaphor, onym, marketing.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Амахина Светлана Анатольевна, старший преподаватель кафедры иностранных языков ФГАОУ ВО «СПбПУ», г. Санкт-Петербург

Булатова Альфия Каримовна, старший научный сотрудник отдела ареальной лингвистики «Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ», кандидат филологических наук, г. Казань, Республика Татарстан

Бухонкина Анна Сергеевна, доцент кафедры теории и практики перевода и лингвистики ФГБОУ ВО «ВолГУ», кандидат филологических наук, доцент, г. Волгоград

Васильева Ольга Александровна, доцент кафедры английской и восточной филологии ФГБОУ ВО «ЛГПУ», кандидат филологических наук, г. Луганск, ЛНР

Гончарова Светлана Владимировна, старший преподаватель кафедры теории и практики перевода ФГБОУ ВО «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Дорошенко Валерий Александрович, профессор кафедры русского и иностранных языков и литературы ФГБОУ ВО «КГИК», кандидат филологических наук, г. Краснодар

Дятлова Анастасия Михайловна, преподаватель кафедры английской и восточной филологии ФГБОУ ВО «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Епифанова Татьяна Владимировна, ассистент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий ФГБОУ ВО «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Камышева Марина Николаевна, преподаватель кафедры романо-германской филологии ФГБОУ ВО «ЛГПУ», аспирант, научная специальность 5.9.8. «Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика», г. Луганск, ЛНР

Кисель Олеся Владимировна, доцент кафедры иностранных языков по техническим направлениям ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г. И. Носова», кандидат филологических наук, г. Магнитогорск

Коробко Кристина Вячеславовна, преподаватель кафедры английской и восточной филологии ФГБОУ ВО «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Котомцев Дмитрий Олегович, ассистент кафедры русской и мировой литературы ФГБОУ ВО «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Мамедова Анара Ровшан кызы, аспирант кафедры иностранных языков ФГАОУ ВО РУДН им. Патриса Лумумбы, научная специальность 5.9.8. «Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика», г. Москва

Миннуллина Фатыма Халиулловна, старший научный сотрудник отдела литературоведения «Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ», кандидат филологических наук, г. Казань, Республика Татарстан

Миргородская Анна Юрьевна, доцент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий ФГБОУ ВО «ЛГПУ», кандидат филологических наук, доцент, г. Луганск, ЛНР

Никулина Анастасия Андреевна, преподаватель кафедры английской и восточной филологии ФГБОУ ВО «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Новикова Анна Анатольевна, заведующий кафедрой английской и восточной филологии ФГБОУ ВО «ЛГПУ», кандидат филологических наук, доцент, г. Луганск, ЛНР

Овчинников Федор Валерьевич, ассистент кафедры русской и мировой литературы ФГБОУ ВО «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Пономарева Татьяна Александровна, доцент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий ФГБОУ ВО «ЛГПУ», кандидат филологических наук, доцент, г. Луганск, ЛНР

Синицына Юлия Николаевна, доцент кафедры русского и иностранных языков и литературы ФГБОУ ВО «КГИК», кандидат филологических наук, г. Краснодар

Стельников Олег Сергеевич, преподаватель кафедры английской и восточной филологии ФГБОУ ВО «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Цурбанова Анастасия Юрьевна, ассистент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий ФГБОУ ВО «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Чжан Тяньюань, аспирант кафедры теории и практики иностранных языков ФГАОУ ВО РУДН им. Патриса Лумумбы, научная специальность 5.9.8. «Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика», г. Москва

Шалов Илья Васильевич, аспирант кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий ФГБОУ ВО «ЛГПУ», научная специальность 5.9.5. «Русский язык. Языки народов России», г. Луганск, ЛНР

Шумская Анастасия Владимировна, преподаватель кафедры английской и восточной филологии ФГБОУ ВО «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Сборник научных трудов «Вестник Луганского государственного педагогического университета» (Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-88705 от 18 ноября 2024 г.) основан в 2015 г.

Учредитель и издатель сборника – ФГБОУ ВО «ЛГПУ».

Научный сборник является периодическим печатным научным рецензируемым изданием, имеющим сериальную структуру. На страницах сборника публикуются научные работы, освещающие актуальные проблемы отраслей знания и относящиеся к отдельным группам научных специальностей. Редакция сборника публикует научные работы, отвечающие правилам оформления статей и других авторских материалов, принятых в издании.

Авторские рукописи, подаваемые для публикации в выпусках серий, должны соответствовать их научному направлению и отличаться высокой степенью научной новизны.

Материалы могут подаваться на русском языке. Допускается публикация на английском языке. В таком случае авторы должны предоставлять развернутую русскоязычную аннотацию (до 2 тыс. знаков). Статьи публикуются на языке оригинала.

Публикация научных материалов осуществляется при условии предоставления авторами следующих документов:

1. Авторская заявка/согласие на публикацию авторских материалов.
2. Текст научной статьи (научного обзора, научного сообщения, открытой научной рецензии, публикация по материалам научных событий, информация об отечественных и зарубежных научных школах, персоналиях), соответствующий тематике серии сборника.
3. Рецензия на статью, подготовленную аспирантом или соискателем ученой степени кандидата наук, подписанная научным руководителем или заведующим кафедрой, на которой выполняется диссертационное исследование. Рецензия должна объективно оценивать научную статью и содержать всесторонний анализ ее научных достоинств и недостатков.

Заявка и научная статья или другие авторские материалы направляются в редакцию серии в электронном виде. Электронный вариант статьи представляется вложением в электронное письмо. Авторская заявка с подписью автора(-ов), рецензия на статью подаются в отсканированном виде. Названия предоставляемых файлов должны соответствовать фамилии автора(-ов) и названию документов.

Рукописи статей проходят процедуру макетирования. Все элементы статьи должны быть доступны для технического редактирования и отвечать техническими требованиями, принятым в издании.

Материал для опубликования предоставляется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется в текстовом формате, полностью совместимом с Word 97–2003. Рукопись должна иметь ограниченный объем 7–12 страниц машинописного текста (0,3–0,5 авторского листа; 12–20 тыс. печатных знаков с пробелами) включая аннотацию, иллюстративный и графический материал, список литературы.

Формат страницы А4; книжная ориентация; поля: левое 3 см, верхнее 2 см, правое 1,5 см, нижнее 2 см; гарнитура Times New Roman; цвет текста – черный; размер шрифта 14 кегль; интервал 1,5; выравнивание по ширине текста. Абзац выделяется красной строкой, отступ 1,25. Текст печатается без переносов, соблюдается постановка знаков дефиса (-) и тире (–), а также типографских кавычек (« »), в случае использования двойных кавычек внешними являются кавычки (« ») «елочки», внутренними – („“) «лапки»).

Выравнивание отступа с помощью табуляции и пропусков не допускается. Уплотнение интервалов, набор заголовка в режиме Caps Lock, использование макросов и стилевых оформлений Microsoft Word запрещено.

В тексте статьи ссылки нумеруются в квадратных скобках, где первый номер указывает на источник в списке литературы, последующие – на страницы источника или другие источники, в таком случае номера источников отбиваются знаком (;). Например, [3, с. 65]; [4; 7; 9]; [2, т. 3, с. 41–44]; [1, с. 65; 3, с. 341–351]. Размещение в тексте прямых цитат без сносок не допускается. Сноски вниз страницы не выносятся.

При написании фамилий и инициалов используется следующее правило: инициалы печатаются через точку без пробела, инициалы от фамилии отбиваются неразрывным пробелом (Ctrl + Shift + «пробел»). Например, М. А. Крутовой. Согласно стилю оформления научной публикации предпочтительнее сначала указывать инициалы ученого, а затем его фамилию.

В качестве иллюстраций статей принимается не более 4 рисунков. Они должны быть размещены в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте должна иметься ссылка на конкретный рисунок, например, (Рис. 2). Каждый рисунок следует создавать в отдельном файле, а затем вставлять в статью с помощью функции «вставка» с обтеканием текстом. Не допускается выход рисунков за границы текста на поля. Все рисунки должны обеспечивать простое масштабирование с сохранением взаимного расположения всех элементов и внутренних надписей. Не допускается составление рисунка из разрозненных элементов. Запрещены рисунки, имеющие залитые цветом области.

Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунков следует сохранять в форматах jpg, tif.

Каждую таблицу необходимо снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы следует предоставлять в текстовом редакторе Microsoft Word, располагать в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи необходимо давать ссылку на конкретную таблицу, например, (Табл. 2). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. В таблицах допускается использование меньшего кегля, но не менее 10.

Текст научной статьи должен иметь следующую структуру:

1. Индекс УДК (универсальной десятичной классификации публикуемых материалов) выставляется без абзаца.

2. Фамилия, имя и отчество (полностью), ученая степень, звание, должность автора(-ов), название учебного заведения или научной организации, в которой выполняется диссертационное исследование, электронный адрес автора(-ов).

3. Заголовок статьи. Заголовок должен быть информативным и содержать только общепринятые сокращения; набираться строчными буквами жирным шрифтом, без разбиения слов переносами, с выравниванием по центру строки, без абзацного отступа, без точки в конце.

4. Аннотация. Описывает цели и задачи проводимого исследования, а также возможности его практического применения. Аннотация на русском языке помещается в начале статьи, на английском – в конце. Аннотация должна быть написана от третьего лица и содержать фамилию и инициалы автора(-ов), заголовок статьи, ее краткую характеристику. Рекомендуемый объем аннотации 3–4 предложения; 40–60 слов; 500 знаков. Англоязычная аннотация должна выполняться на профессиональном английском языке.

5. Ключевые слова (5–7 слов / словосочетаний, определяющих предметную область научной статьи) на русском языке (располагаются после аннотации на русском языке) и английском (размещаются после аннотации на английском языке). В перечне ключевых слов должны быть представлены общенаучные или профильные термины, упорядоченные от наиболее общих к более конкретным.

6. Вводная часть статьи, постановка проблемы, цель статьи, представление новизны излагаемых в статье материалов.

7. Данные о методике проводимого исследования.

8. Экспериментальная часть, анализ, обобщение, описание и объяснение полученных данных. По объему – занимает центральное место в статье.

9. Выводы и рекомендации, перспективы развития поставленной проблемы.

10. Список литературы, представленный в алфавитном порядке в виде нумерованного списка. В статье рекомендуется использовать не более 10 литературных источников. Заголовок «Список литературы» набирается строчными буквами, с выравниванием по центру строки, без абзацного отступа, без точки в конце и ниже с выравниванием по ширине приводится приставный нумерованный список литературы. Фамилии и инициалы авторов набираются полужирным шрифтом, библиографическое описание источника обычным.

Каждый новый структурный элемент статьи не нужно нумеровать, выделять, называть. Изложение материала статьи должно быть последовательным, логически завершенным, с четкими формулировками, исключая двойное толкование или неправильное понимание информации. Оформление текста должно соответствовать литературным нормам, быть лаконичным, тщательно выверенным.

К публикации принимаются научные статьи, выполненные в строгом соответствии с техническими требованиями к оформлению статей и других авторских материалов. Текстовые принципы построения научной статьи могут варьироваться в зависимости от тематики и особенностей проводимого исследования. Материалы, не отвечающие основным предъявляемым требованиям, к рассмотрению не принимаются. Рукописи

статей, сопроводительные документы как опубликованных, так и отклоненных авторских материалов авторам не возвращаются.

Авторы научных статей несут всю полноту ответственности за достоверность сведений, авторскую принадлежность представленного материала, точность цитирования и ссылок на официальные документы и другие источники, приведенные инициальные сокращения.

Редакционная коллегия оставляет за собой право отбора присланных материалов, их рецензирования и редактирования без изменения научного содержания авторского варианта. Принятые к публикации научные статьи включаются в очередной номер журнала в порядке поступления.

Редакция не принимает к публикации статьи, опубликованные ранее в других изданиях. Публикация статьи в сборнике не исключает ее последующего переиздания, однако, в таком случае необходимо приводить ссылку на «Вестник Луганского государственного педагогического университета» как на первоисточник.

После выхода в свет печатной версии научного сборника, его полнотекстовые электронные копии размещаются в базе данных Научной библиотеки, а также на официальном сайте Луганского государственного педагогического университета в формате pdf. Электронные материалы могут копироваться по электронным сетям и распечатываться авторами для индивидуального пользования с указанием выходных данных сборника.

Согласие автора на публикацию статьи, данное в заявке, рассматривается и принимается редакцией сборника как его согласие на размещение предоставленных авторских материалов в свободном электронном доступе.

В заявке авторы должны подать следующую информацию:

1	Полное название статьи	
<i>Заполняется каждым автором</i>		
	ФИО (полностью)	
2	Учёная степень, звание	
3	Название организации (вуз, кафедра, лаборатория, отдел), которую представляет автор (в именительном падеже), должность	
4	Страна, город	
5	Контактный номер телефона	
6	Почтовый адрес, индекс	
7	Адрес электронной почты	
8	Авторское согласие на печать и размещение рукописи в электронных базах свободного доступа	Подпись автора

**Редакция Вестника
Луганского государственного
педагогического университета**

Научное издание

Коллектив авторов

ВЕСТНИК

**ЛУГАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Серия «Филологические науки»

Сборник научных трудов

Главный редактор – **Л. Н. Синельникова**

Редактор серии – **А. А. Новикова**

Выпускающий редактор – **Г. Г. Калинина**

Корректор – **О. И. Письменская**

Компьютерная верстка – **Т. А. Ковалева**

Подписано в печать 13.05.2025. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.

Печать ризографическая. Формат 70×100/16. Усл. печ. л. 13,49.

Тираж 43 экз. Заказ № 30.

ФГБОУ ВО «ЛГПУ»

Издательство ЛГПУ

ул. Оборонная, 2, г. Луганск, 291011. Тел. : +7 857-258-03-20

e-mail: knitaizd@mail.ru